С 91
Р 833

...ритет"
...ла
"Север"

По Вописи №546.

ПРИХОДСКАЯ БИБЛІОТЕКА,
издаваемая подъ редакціей В. И. ШЕМЯКИНА.

РУССКАЯ ЗЕМЛЯ.

(Природа страны, населеніе и его промыслы).

Сборникъ для народнаго чтенія.

ТОМЪ I.

ОБЛАСТЬ КРАЙНЯГО СѢВЕРА.

Составилъ Я. И. Рудневъ.

Цѣна 45 коп.

99

Кабинет Севера.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
...ія М. П. Фроловой. Галерная ул., д. № 6.
1899.

160015

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
указанного здесь срока

910
83

594

ПРИХОДСКАЯ БИБЛІОТЕКА,
издаваемая подъ редакціей В. И. ШЕМЯКИНА.

828
С91
Р833

РУССКАЯ ЗЕМЛЯ.

(Природа страны, населеніе и его промыслы).

Сборникъ для народнаго чтенія.

ТОМЪ I.

ОБЛАСТЬ КРАЙНЯГО СѢВЕРА.

Составилъ Я. И. Рудневъ.

1600 15.
Кабинет Севера Обл Библиотеки им. А. Н. Добролюбова
1948
1955
1966 г.
4509/1.
Кабинет Севера.
2002

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-литографія М. П. Фроловой. Галерная ул., д. № 6.
1899.

91

1995

2010

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Первый томъ изданія „Русская Земля“, составленный г. Поддубнымъ, уже разошелся, и это побудило редакцію „Приходской Библіотеки“ выпустить въ свѣтъ новый сборникъ, посвященный описанію Сѣвера Европейской Россіи, составленный большею частію на основаніи новыхъ матеріаловъ и носящій другое заглавіе: „Область крайняго Сѣвера“. При составленіи предлагаемой книги я пользовался какъ отдѣльными сочиненіями, такъ и статьями, помѣщенными за послѣдніе годы въ нѣкоторыхъ журналахъ („Дѣтское чтеніе“, „Родникъ“, „Дѣтскій Отдыхъ“, „Природа и Люди“, „Историческій Вѣстникъ“, „Русскій Вѣстникъ“), дѣлая въ заимствуемыхъ отрывкахъ нѣкоторыя сокращенія и упрощенія, которыя обусловливались характеромъ сборника. Нѣкоторыя, и при томъ наиболѣе значительныя, главы книги представляютъ собою не отрывки изъ тѣхъ или другихъ сочиненій и статей, а извлеченія, или же компиляціи, составленныя на основаніи многихъ источниковъ, которые указаны въ текстѣ.

Я. Рудневъ.

1899 г. Января 12.

Всероссійск. П.-Т. Союзъ
Мѣстный Комитетъ
Архангельская П.-Т. Контора

1. Сѣверный Ледовитый океанъ.

(Географическій очеркъ).

Я. Р.

I.

Окутанный холодной мглою, загроможденный льдами, на 200000 квадрат. миль раскидывается кругомъ сѣвернаго полюса Сѣверный Ледовитый океанъ, омывая своими южными волнами сѣверные берега Европы, Азіи и Америки. Окруженный почти со всѣхъ сторонъ материками и являясь такимъ образомъ настоящимъ „средиземнымъ моремъ“, Сѣверный Ледовитый океанъ съ Атлантическимъ океаномъ сообщается черезъ проливы Сѣверо-Американскаго архипелага и черезъ открытое море (шириною въ 200 миль), а черезъ узкій Беринговъ проливъ (12 миль ширины) съ океаномъ Великимъ или Тихимъ.

Что такое находится на сѣверномъ полюсѣ: суша или море? Этого пока еще никто не знаетъ и на полюсѣ, окруженномъ непроходимыми льдами, не удалось побы-

вать ни одному мореходу, хотя многіе изъ нихъ не щадили своей жизни и погибали, стараясь проникнуть въ самое сердце этого пустыннаго и мерзлаго царства. Въ 1896 г. отважному норвежскому путешественнику, Фритіофу Нансену, удалось подойти къ полюсу на разстояніе приблизительно въ 400 верстъ (86° 14′ сѣв. шир.) и благополучно вернуться домой. Въ 1897 г. въ Швеціи явилась мысль достичь сѣвернаго полюса на воздушномъ шарѣ, и смѣльчакъ Андре отважно пустился въ это опасное путешествіе. До сихъ поръ объ Андре нѣтъ никакихъ извѣстій; вѣроятно, онъ погибъ.

Но пытливый и неугомонный духъ человѣка не останавливается ни предъ какими препятствіями, и на Ледовитомъ океанѣ человѣческому уму и энергіи удалось уже добиться такихъ разультатовъ, которые прежде считались недостижимыми. Лѣтъ сорокъ тому назадъ считали невозможнымъ проникнуть изъ Атлантическаго океана въ Великій вдоль сѣверныхъ береговъ Америки, но Макъ-Клюръ открылъ этотъ путь—такъ называемый сѣверо-западный проходъ,—хотя и пришлось для этого провести во льдахъ и снѣгахъ цѣлыхъ три года. Точно также долго казался недоступнымъ путь по Сѣверному Ледовитому океану вдоль береговъ Азіи, пока шведскій путешественникъ Норденшильдъ не проѣхалъ вдоль этихъ бере-

говъ (1878—1879 гг.). Путешествіе Норденшильда не было такъ тяжело, какъ путешествіе Макъ-Клюра, и плодотворнѣе по своимъ результатамъ. Сѣверо-западный проходъ, открытый Макъ-Клюромъ, до того загроможденъ льдами, что не обѣщаетъ никакихъ выгодъ для торговаго мореплаванія, тогда какъ можно надѣяться, что по пути Норденшильда въ недалекомъ будущемъ пойдутъ постоянныя торговыя сношенія.

Теперь къ услугамъ изслѣдователей Полярнаго моря быстроходные металлическіе пароходы, хорошо приспособленные для борьбы со льдами и вѣтромъ, самое море и его теченія лучше изучены и современные полярные мореходы выступаютъ на борьбу съ суровой природой съ лучшими средствами, чѣмъ ихъ предшественники. Съ теченіемъ времени средства эти станутъ, конечно, еще лучше; растутъ знанія человѣка и вмѣстѣ съ тѣмъ крѣпнетъ надежда, что рано или поздно онъ заставитъ океанъ раскрыть всѣ свои тайны.

Россія владѣетъ европейскимъ и азіатскимъ побережьемъ Ледовитаго океана. Европейская часть Ледовитаго океана не такъ сурова, какъ азіатская, что объясняется вліяніемъ Гольфштрома. Это морское теченіе, выходящее изъ теплаго Мексиканскаго залива, идетъ по Атлантическому океану въ сѣверо-восточномъ направленіи и

вливается въ Ледовитый океанъ между Исландіей и Норвегіей. У сѣверной оконечности Европы, у мыса Нордкапъ, Гольфштромъ развѣтвляется: одинъ потокъ идетъ на сѣверъ, къ Шпицбергену, другой же, главный, разливаясь миль на 200 въ ширину, тянется вдоль Мурмана, мимо Канинскаго полуострова и острова Колгуева до сѣверной оконечности Новой Земли, гдѣ иногда находили норвежскія бутылки и сѣти. Лѣтомъ температура Гольфштрома $+7{,}5^0$ Ц., зимою отъ $2{,}5^0$ до 3^0 Ц. Гольфштромъ оказываетъ огромное вліяніе на климатъ сѣверо-западной Европы и европейской части Ледовитаго океана. Не будь Гольфштрома, сѣверъ Европы былъ бы загроможденъ вѣчными льдами; теперь ни одна пловучая льдина не доходитъ до Нордкапа (71^0 с. ш.), тогда какъ у береговъ Америки пловучіе льды встрѣчаются на широтѣ, соотвѣтствующей широтѣ Средиземнаго моря. Что касается Россіи, то только благодаря Гольфштрому, она можетъ считать себя на Сѣверномъ океанѣ полнымъ хозяиномъ и имѣетъ открытый незамерзающій морской путь. У береговъ Мурмана океанъ никогда не замерзаетъ и на немъ нѣтъ пловучихъ ледяныхъ горъ; замерзаютъ только небольшія губы, а по морю плаваютъ не особенно крѣпкія льдины, нисколько не препятствующія мореплаванію.

Сравнительно съ другими океанами воды Ледовитаго океана отличаются меньшей соленостью. Чѣмъ больше соли въ морской водѣ, тѣмъ она синѣе, чѣмъ меньше, тѣмъ зеленѣе. Это можно наблюдать и въ Ледовитомъ океанѣ: голубыя волны Гольфштрома, несущаго очень соленую воду изъ Атлантическаго океана, рѣзко отличаются отъ зеленоватыхъ волнъ Ледовитаго океана. Другое свойство воды Ледовитаго океана это ея прозрачность: на глубинѣ 490 футовъ у Новой Земли видны морскія раковины.

Среднюю глубину Сѣвернаго океана опредѣляютъ приблизительно въ 1/2 версты, т. е. въ 4—5 разъ меньше чѣмъ въ Атлантическомъ, но несомнѣнно, что она колеблется въ очень значительныхъ предѣлахъ. У береговъ Сибири, даже на значительномъ разстояніи отъ нихъ, она составляетъ только 80—85 футовъ; между Шпицбергеномъ и Новой Землей съ 118 доходитъ до 1670 футовъ, а на западъ отъ Шпицбергена нашли глубину даже въ 15.900 футовъ. Нансенъ въ свое послѣднее путешествіе произвелъ рядъ очень важныхъ наблюденій надъ глубиною Сѣвернаго океана и доказалъ, что совершенно пустынная часть этого океана, ограниченная 78^0 и 86^0 сѣв. широты, имѣетъ очень большую глубину (1500—3000 метровъ).

Самую главную отличительную особен-

ность сѣвернаго Ледовитаго океана, отъ которой онъ и получилъ одно изъ своихъ названій („Ледовитый"), составляетъ обиліе льда, являющагося въ самыхъ разнообразныхъ формахъ. Если бы вода въ этомъ океанѣ могла остаться совершенно спокойной, то она въ одну зиму покрылась бы непрерывнымъ слоемъ льда толщиною футовъ въ восемь. Но такъ какъ океанъ, подъ вліяніемъ разныхъ причинъ, находится въ состояніи вѣчнаго движенія, то такой слой образоваться не можетъ, и ледъ является въ видѣ разрозненныхъ, болѣе или менѣе обширныхъ кусковъ. Какъ велики бываютъ иногда эти куски можно видѣть изъ того, что иногда приходилось плыть подъ парами по окружности иной льдины часовъ по 20, а одинъ капитанъ видѣлъ льдину, площадь которой приблизительно равнялась 14.000 кв. географ. миль.

Эти громадные ледяные пласты, плавающіе по широкому раздолью океана, называются ледяными полями или ледяными островами. Ледяныя поля образуются обыкновенно у берега, въ бухтахъ и мелкихъ заливахъ; оттепели и бури отрываютъ этотъ ледъ отъ береговъ и выносятъ его въ открытое море, гдѣ онъ плаваетъ на просторѣ, пока не раздробится въ мелкіе куски или не растаетъ. Впрочемъ, нѣкоторые мореплаватели утверждаютъ, что ледяныя по-

ля образуются не только у береговъ, но и въ открытомъ морѣ. На ихъ глазахъ появлялись въ водѣ какъ бы ледяные сгустки, изъ которыхъ образовывались ледяные „блины“; эти послѣдніе, при тихой погодѣ, сутокъ въ двое, смерзались въ огромныя плоскія ледяныя поля.

Плывутъ такія поля по океану въ сопровожденіи множества мелкихъ льдинъ, иногда встрѣчаются и сталкиваются съ другими ледяными полями. Страшно бываетъ это столкновеніе и не разъ оно служило причиной гибели судовъ, плававшихъ въ полярномъ морѣ. Грозное зрѣлище представляетъ также борьба бури съ ледяными полями: громадныя волны съ шумомъ разбиваются о края ледяного поля, съ трескомъ обламываютъ куски льда и выбрасываютъ ихъ на края ледяного поля, которые то погружаются подъ воду, то снова всплываютъ на ея поверхность. Грохоту и треску льдовъ вторитъ вой бури, и эта борьба бури со льдами и льдовъ между собою тѣмъ грознѣе и величественнѣе, что она сосредоточивается не въ одномъ какомъ нибудь мѣстѣ, а часто кипитъ на безконечномъ пространствѣ. Ледяныя поля, окруживъ со всѣхъ сторонъ корабль, часто держали его въ плѣну долгое время и иногда служили причиною гибели экипажа. Впрочемъ, ледянымъ полямъ случалось приносить и пользу человѣку. Во

время сильныхъ бурь окружающее корабль ледяное поле служитъ надежной защитой, такъ какъ подъ льдомъ море бываетъ совершенно спокойно. Полярные путешественники иногда совершали по ледянымъ полямъ длинныя путешествія пѣшкомъ или на собакахъ. Наконецъ, на пловучихъ льдинахъ, какъ на плотахъ, не разъ спасались экипажи судовъ, погибшихъ въ Ледовитомъ океанѣ.

Поверхности ледяныхъ полей рѣдко бываютъ ровныя; обыкновенно онѣ бываютъ пересѣчены во всѣхъ направленіяхъ рядами ледяныхъ бугровъ и скалъ (до 40 фут. вышины) и загромождены грудами ледяныхъ обломковъ („торосы“).

Кромѣ ледяныхъ полей, по волнамъ Сѣвернаго Ледовитаго океана носятся еще ледяныя горы или айсберги—одно изъ величественнѣйшихъ явленій полярной природы. Высоко поднимаются онѣ надъ поверхностью океана, иногда саженъ на 10, да саженъ на 70—80 находятся подъ водою. Отъ ледяныхъ полей ледяныя горы отличаются и своимъ внѣшнимъ видомъ, и цвѣтомъ, и даже самымъ составомъ льда (онъ прѣсный).

Эти различія объясняются тѣмъ, что ледяныя горы обязаны своимъ происхожденіемъ не морю, а сушѣ: это дѣти ледниковъ полярныхъ странъ, оторванныя отъ нихъ морскими волнами при постепенномъ спу-

сканіи ледниковъ въ море. На полярныхъ островахъ: Гренландіи, Шпицбергенѣ, Новой Землѣ, Землѣ Франца-Іосифа, много такихъ ледниковъ спускается съ горъ по долинамъ, оканчивающимся уже подъ водою, на днѣ морскомъ. Достигнувъ океана, массы льда подмываются волнами, отдѣляются отъ ледника и съ страшнымъ шумомъ погружаются въ воду и тотчасъ же всплываютъ на поверхность ледяною горою. Еще чаще глыбы льда отдѣляются отъ ледника уже подъ водою, всплываютъ на верхъ и величаво плывутъ по морскимъ волнамъ вслѣдъ за другими, ранѣе появившимися горами. Въ ледяныхъ горахъ, благодаря ихъ происхожденію, постоянно встрѣчаются вмерзшія каменныя глыбы, вѣсомъ до тысячи пудовъ. Ледяныя горы встрѣчаются иногда въ большомъ множествѣ. Одинъ мореплаватель разсказываетъ, что насчиталъ на своемъ горизонтѣ до пятисотъ горъ. Если принять во вниманіе огромный вѣсъ и объемъ ледяныхъ горъ, то можно судить о силѣ удара при столкновеніи ихъ между собою и объ опасности, которой подвергаются суда, очутившись между ними. Благодаря неравномѣрному таянію, ледяная гора часто опрокидывается или съ страшнымъ трескомъ разсыпается въ куски отъ малѣйшаго толчка, отъ сотрясенія воздуха, произведеннаго ружейнымъ выстрѣломъ.

Опасность отъ морскихъ льдовъ уменьшается тѣмъ обстоятельствомъ, что опытные моряки узнаютъ о ихъ приближеніи верстъ за 50 и болѣе по такъ называемому „ледяному отблеску“ — свѣтлой полосѣ на небѣ, которая происходитъ отъ отраженія свѣтовыхъ лучей, поверхностью льда. Сплошные льды отражаются на небѣ мутно-желтымъ цвѣтомъ, а промежутки между ними темно-голубыми полосами. Эта небесная картина льдовъ иногда настолько точна, что можно бываетъ опредѣлить величину и форму льдовъ и сообразить, гдѣ находятся проливы между льдами, чтобы выйти въ открытое море.

Видовъ животныхъ въ Сѣверномъ Ледовитомъ океанѣ меньше, чѣмъ въ теплыхъ моряхъ, но число недѣлимыхъ, и притомъ самыхъ величайшихъ гораздо больше. Милліоны китовъ, бѣлухъ, моржей, тюленей, дельфиновъ, единороговъ, акулъ, трески и др. населяютъ его холодныя воды и составляютъ предметъ обширныхъ промысловъ. Кромѣ того океанъ населенъ богатымъ и разнообразнымъ міромъ низшихъ животныхъ — ракообразныхъ, червей, слизняковъ, трубчатыхъ, коралловъ, губокъ и пр.; даже морской илъ, добытый съ большой глубины, содержалъ въ себѣ массу низшихъ животныхъ.

Рѣзкую противоположность съ животнымъ

богатствомъ водъ Ледовитаго океана представляетъ бѣдность растительной и животной жизни на обширныхъ островахъ, лежащихъ на этомъ океанѣ. Эти острова еще болѣе угрюмы, чѣмъ окружающее ихъ море. Молчаливые и пустынные, покрытые высокими горами, изрытые глубокими пропастями, лишенные растительности, они какъ бы застыли въ своемъ суровомъ величіи. Мхи и ягели — обычные представители растительности полярныхъ странъ. Породы млекопитающихъ животныхъ также очень малочисленны, (сѣверные олени, пеструшки, полярные зайцы, бѣлые медвѣди); зато водяныя птицы встрѣчаются лѣтомъ въ громадномъ количествѣ.

Да и не можетъ развиваться растительная и животная жизнь при тѣхъ страшныхъ холодахъ, какія бываютъ на Ледовитомъ океанѣ. Зимой градусникъ часто показываетъ ниже 40°. Подъ вліяніемъ сильныхъ и продолжительныхъ морозовъ земля твердѣетъ какъ камень, масло и мясо приходится рубить, чтобы употреблять въ пищу, замерзаетъ даже ртуть, такъ что ея шарики можно употреблять вмѣсто пуль. Не менѣе холода вредитъ жизни и тьма полярныхъ странъ. Продолжительность времени, когда солнца вовсе не бываетъ видно, быстро возрастаетъ по направленію отъ полярнаго круга къ полюсу: подъ 70^0 с. ш. солнце исчезаетъ

на 60 сутокъ, подъ 80° на 127, а на полюсѣ на 179 сутокъ *). Этотъ зимній мракъ былъ бы совершенно невыносимъ, еслибы по временамъ небо не освѣщалось яркими огнями сѣвернаго сіянія.

Опасенъ, суровъ и угрюмъ Ледовитый океанъ, но по временамъ онъ не лишенъ своеобразной прелести. При свѣжей погодѣ, *когда ходитъ высокій „взводень“ и „гремитъ“*, взлетая миріадами брызгъ на прибрежныя скалы, картина океана полна дикой красоты и величія. Она мѣняется, когда въ теплую погоду или въ тихую солнечную ночь океанъ сверкаетъ, какъ зеркало, промысловыя суда, спустивъ паруса, плавно покачиваются на легкой зыби, вьются чайки съ пронзительнымъ крикомъ, на берегу стонутъ гагары и отъ всей этой безсонницы природы вѣетъ прелестью какой-то чудной, волшебной сказки“ *(Д. Островскій)*.

II.

Посредствомъ широкаго пролива между Кольскимъ полуостровомъ и Зимнимъ берегомъ Сѣверный Ледовитый океанъ глубоко врѣзывается въ Архангельскую губернію и образуетъ обширное (1528 квадр. миль) Бѣлое море. Глубина его доходитъ до 140 саженъ, но мѣстами есть мели, называемыя

---

*) Но лѣтомъ солнце почти столько же времени не заходитъ.

„кошками“. Мели эти очень опасны для плаванія, но зато служатъ мѣстами важныхъ рыбныхъ промысловъ и охоты на тюленей. Вода въ Бѣломъ морѣ не такая соленая, какъ въ открытомъ океанѣ: дожди, снѣга и особенно массы прѣсной воды и льда, приносимыя Сѣверной Двиной, Онегой, Мезенью и другими рѣками, уменьшили на $^1/_3$, $^1/_4$ или $^1/_5$ часть, смотря по удаленности отъ океана, содержаніе соли въ водахъ этого моря. Впрочемъ, количество ея настолько значительно, что на берегахъ Бѣлаго моря существуютъ соловарни, гдѣ соль выпаривается изъ морской воды.

Океанъ оказываетъ большое вліяніе не только на соленость, но и на температуру водъ Бѣлаго моря. Потокъ океанской воды безпрестанно проникаетъ въ это море, двигаясь вдоль западныхъ береговъ пролива иногда со скоростью четырехъ верстъ въ часъ. По всѣмъ признакамъ, это теченіе составляетъ вѣтвь Гольфштрома: вода теченія теплѣе, чѣмъ окружающія воды; лѣтомъ, когда дуютъ сѣверные вѣтры, вода въ морѣ бываетъ гораздо теплѣе, чѣмъ при южныхъ вѣтрахъ. Но хоть и проникаютъ сюда теплыя воды Гольфштрома, но не согрѣть имъ Бѣлаго моря, которое и „Бѣлымъ“ то названо, вѣроятно, за свои льды.

Большую часть года оно покрыто льдомъ и недоступно для плаванія. Даже тогда,

Кабинет Севера
Обл Библиотеки
им. А. Н. Добролюбова

когда открывается навигація, бѣломорскіе льды внушаютъ большой страхъ судамъ, плавающимъ по этому морю. Особенно опасно Бѣломорское горло, которое служитъ большою дорогою для ледяныхъ массъ, съ неудержимою силою стремящихся изъ Бѣлаго моря въ Ледовитый океанъ. Горе раннему судну!.. Если оно наткнется на стамухи,—громадныя глыбы пловучихъ льдовъ, отъ него не останется и щепокъ. Во время бури, когда начинается страшная борьба моря со льдами, положеніе затертаго ледяными громадами судна дѣлается въ полномъ смыслѣ слова ужаснымъ. Случалось, что весь выходъ изъ Бѣлаго моря былъ загроможденъ льдами. Льды встрѣчаются въ проливѣ не только въ маѣ, но и въ началѣ іюня. Когда пройдутъ льды, является новая опасность: по цѣлымъ недѣлямъ стоятъ здѣсь густые, непроницаемые туманы. Сильные порывы сѣвернаго вѣтра разгоняютъ туманъ, но спустя короткое время онъ опять сгущается на страхъ мореходамъ. Наконецъ въ Бѣломорскомъ горлѣ существуютъ опасные водовороты, происходящіе вслѣдствіе встрѣчи прилива съ отливомъ.

Берега Бѣлаго моря на значительной части своего протяженія низменны, и только на западѣ высоки и скалисты. Въ разныхъ мѣстахъ эти берега имѣютъ особыя назва-

нія: сѣверный берегъ Двинской губы называется *Зимнимъ*, южный *Лѣтнимъ*; юго-западный берегъ Онежской губы называется *Поморскимъ*; къ сѣверу отъ него до внутренняго угла Кандалакской губы тянется *Карельскій* берегъ, а юго-восточное побережье Кольскаго полуострова носитъ названіе *Терскаго* берега. Скалистый Терскій берегъ является, по своему характеру, естественнымъ продолженіемъ Мурманскаго берега, но однообразнѣе его. Угрюмыя сѣрыя скалы, пустынныя низины съ жалкою растительностью, небольшія бухты, около которыхъ ютятся убогія селенія... Съ глухимъ шумомъ бьются о скалы пѣнистыя волны моря, вѣчно слышится крикъ чаекъ и гагаръ. Въ долгую зимнюю ночь, озаряемую сѣверными сіяніями, воютъ снѣжныя бури и трещатъ льды. Лѣтомъ изъ промерзлой и каменистой почвы съ трудомъ пробивается чахлая трава. Низко по землѣ стелются кустарники, надъ которыми невысоко поднимаются убогія деревья, обращая свои жиденькія вѣтви на югъ, и только въ мѣстахъ, защищенныхъ скалами отъ губительнаго сѣвернаго вѣтра, растительность нѣсколько богаче и разнообразнѣе.

Животный міръ Бѣлаго моря очень богатъ, и по своему богатству рыбою и морскимъ звѣремъ, это море занимаетъ третье мѣсто среди нашихъ морей. Въ немъ въ

изобиліи водятся и составляютъ предметъ значительныхъ промысловъ семга, навага и сельдь; водится также треска, но послѣдняя только въ Кандалакской губѣ, да и тутъ ловля ея необширна. Изъ морскихъ звѣрей въ Бѣломъ морѣ ходятъ стаями лысуны и бѣлуги; кромѣ того попадаются еще три породы морского звѣря, которыя живутъ не стадами, а ходятъ въ одиночку: нерьпа, тевякъ и морской заяцъ. Все это звѣри тюленьей породы, и изъ нихъ всего чаще встрѣчается обыковенный тюлень или нерьпа.

Кромѣ перечисленныхъ звѣрей и рыбъ, приносящихъ такъ много пользы человѣку, Бѣлое море изобилуетъ множествомъ другихъ животныхъ, прямой пользы человѣку не приносящихъ, но дорогихъ сердцу каждаго естествоиспытателя. Оно имѣетъ многочисленныхъ представителей безпозвоночныхъ животныхъ, т. е. такихъ, у которыхъ нѣтъ позвоночнаго столба, бѣлыхъ, розовыхъ и малиновыхъ медузъ, морскихъ звѣздъ, морскихъ ежей, червей, и, можно сказать, кишитъ ракообразными. Всѣ эти животныя, то плавающія на поверхности моря, то населяющія его дно, поражаютъ своими цвѣтами, своими странными формами, такъ рѣзко отличающимися отъ того, что мы привыкли видѣть на сушѣ.

Холодное Бѣлое море, обладая такимъ

богатымъ и разнообразнымъ животнымъ міромъ, изобилуетъ въ такой же мѣрѣ и различными морскими растеніями. Тогда какъ на его угрюмыхъ берегахъ мы видимъ только низкорослую березу, мхи и ягели, со дна моря поднимаются цѣлые лѣса водорослей самыхъ причудливыхъ формъ, а между этими лѣсами разстилаются полянки изъ мелкихъ листочковъ ярко-краснаго цвѣта со всѣми его оттѣнками. Если бы человѣкъ могъ проникнуть въ темныя пучины этого холоднаго и бурнаго моря, то онъ увидѣлъ бы такую картину, которая едва ли во многомъ уступаетъ роскоши и разнообразію природы жаркихъ странъ **).

---

2. Бѣдствія четырехъ русскихъ китолововъ.

(А. Зубковскій).

Архангельской губерніи, города Мезеня, купецъ Еремѣй Окладниковъ предпринялъ послать къ острову Шпицбергену судно для китоваго и звѣринаго промысла. Онъ нанялъ четырнадцать человѣкъ охотниковъ и одного лоцмана, снабдилъ ихъ на нѣсколько мѣсяцевъ провіантомъ и разнымъ оружіемъ и въ половинѣ іюля отправилъ ихъ въ даль-

---

Источники Статьи въ I-т. „Живописной Россіи“, „Студеное море и его льды“, „Земля и люди“ Э. Реклю, т. V и друг.

ній путь, разсчитывая, что въ первыхъ числахъ августа, то-есть къ тому времени, когда берега Шпицбергена бываютъ свободны отъ льдовъ, люди его уже будутъ на мѣстѣ и начнутъ ловлю.

Въ самый день отплытія стояла великолѣпная погода; разукрашенное судно величаво качалось у пристани. Въ девять часовъ утра, по желанію всего наемнаго экипажа и самого хозяина судна, при стеченіи жителей Мезеня, отслуженъ былъ напутственный молебенъ и поднятъ огромный парусъ. Путешественники простились съ провожавшими ихъ родными и знакомыми, и судно, при помощи небольшого попутнаго вѣтра, вышло изъ рѣки Мезеня въ Бѣлое море.

Скоро берега начали мало-по-малу теряться въ синѣющей дали, а часовъ черезъ пять-шесть материкъ совершенно исчезъ изъ глазъ. Синій однообразный горизонтъ охватилъ со всѣхъ сторонъ судно; только бѣлыя и черныя чайки вились еще надъ нимъ нѣкоторое время, да съ крикомъ проносились вереницы дикихъ гусей, какъ бы напоминая о покинутыхъ берегахъ. Къ концу дня судно съ развернутымъ парусомъ, какъ одинокій лебедь неслось уже среди безпредѣльнаго царства безмолвія и пустоты, куда не залетаетъ даже самая быстрая птица и о которомъ житель материка не имѣетъ и понятія.

Наши мореходцы, какъ и всѣ питомцы архангело-городского побережья, люди привычные къ подобнымъ странствованіямъ по водамъ, весело плыли, разлегшись на палубѣ и куря трубки. Но вотъ начался другой міръ: стали попадаться навстрѣчу то стада бѣлугъ, предводимыхъ своими матками, изъ коихъ нѣкоторыя несли на спинахъ черноголубыхъ дѣтенышей, то блуждающія льдины со спящими на нихъ тюленями и моржами. Мореходцы пробовали-было стрѣлять въ нихъ, но животныя обнаруживали нѣкоторую тревогу только послѣ первыхъ двухъ-трехъ выстрѣловъ, а слѣдующіе затѣмъ нисколько ихъ не тревожили, и они преспокойно продолжали лежать, не трогаясь съ мѣста.

Восемь дней сряду погода благопріятствовала судну Окладникова: вѣтеръ дулъ попутный; но на девятый день, послѣ непродолжительнаго затишья, вѣтеръ перемѣнился и подулъ отъ сѣверо-запада. Крѣпчая часъ отъ часу, онъ къ вечеру превратился въ грозную бурю, которая сильно всколыхала океанъ и подняла на немъ страшные валы. Наконецъ показались западные берега Шпицбергена, у которыхъ, обыкновенно, пристаютъ всѣ китоловы; но судно, несмотря на самыя отчаянныя усилія охотниковъ, не могло приблизиться къ острову; всю ночь оно боролось съ опасностями и къ утру от-

несено было къ одному изъ необитаемыхъ небольшихъ острововъ, окружающихъ Шпицбергенъ. Тутъ, въ разстояніи трехъ верстъ отъ берега, судно очутилось между льдовъ, которые, по причинѣ волненія, находились въ безпрерывномъ движеніи, то спираясь между собой и вставая горами, то съ трескомъ обрушиваясь въ бездну; гулъ бури, ревъ волнъ и трескъ льдинъ дико раздавались у пустынныхъ береговъ острова; судно, со всѣхъ сторонъ тѣснимое и затираемое льдинами, дрожало какъ листъ. Китоловы ежеминутно ожидали, что какая-нибудь громадная глыба льда подыметъ ихъ на свою скользкую поверхность и, столкнувшись съ другою льдиной, стряхнетъ съ себя судно въ море, какъ орѣховую скорлупу, или что другая, не менѣе громадная льдина, надвинувшись на первую, раздавитъ ихъ. Несмотря на такое отчаянное положеніе, наши мореходцы предпочитали лучше держаться здѣсь, у береговъ пустыннаго островка, гдѣ еще возможно спасеніе, нежели отойти въ море, гдѣ среди глубочайшаго мрака ночи и тумана исчезла бы для нихъ всякая надежда на спасеніе.

Между тѣмъ, управляющій судномъ лоцманъ Алексѣй Хилковъ, вглядѣвшись, насколько возможно было въ берега островка, объявилъ товарищамъ, что это тотъ самый островъ, на которомъ въ недавнее время

земляки ихъ, тоже мезеньскіе звѣрепромышленники, зимовали въ привезенной ими съ этою цѣлію такъ называемой разборной избѣ. Это извѣстіе нѣсколько ободрило экипажъ; стали совѣщаться и единодушно рѣшили отправить изъ своей среды четырехъ человѣкъ для осмотра острова и для отысканія избы, и если она дѣйствительно еще существуетъ, то остаться въ ней зимовать или, по крайней мѣрѣ, переждать жестокую бурю, починить въ суднѣ поврежденія, оставить его на якорѣ и перенести всѣ свои вещи на берегъ. Выборъ палъ на самого же лоцмана Хилкова, на его родственника Ивана Хилкова и еще на двухъ: Степана Шарикова и Ѳедора Веригина. Они взяли съ собой нѣкоторое количество съѣстныхъ припасовъ, ружья, пороховой рогъ съ двѣнадцатью патронами, столько же пуль, топоръ, небольшой котелъ, полпуда муки, ножъ, трутъ и огниво съ кремнемъ и, перекрестясь, спустились съ судна на первую огромную льдину.

— Смотрите же, братцы, не унывайте,— сказалъ лоцманъ оставшимся на суднѣ:— продержитесь тутъ какъ-нибудь, пока мы вернемся. Авось, Господь смилуется надъ нами и мы найдемъ эту избу.

— А какъ найдете ее, такъ и назадъ, не мѣшкайте, отцы родные!—умолялъ замѣнившій на суднѣ старшаго.

— Извѣстно дѣло не останемся,—не замерзать же тамъ.

— А промѣшкаете, небось, дня два-три?—замѣтилъ другой.

— Можетъ статься—и больше, и недѣлю цѣльную проплутаемъ, — сказалъ лоцманъ.

— Вся душа у насъ этакъ изноетъ отъ одного сумленія,—раздался голосъ.

Лоцманъ Хилковъ что-то отвѣтилъ, но словъ его нельзя уже было разслышать за налетѣвшимъ порывомъ бури.

Такъ какъ льдины безпрестанно сталкивались между собой сильно колыхались и разламывались, то путь по нимъ къ берегу былъ чрезвычайно опасенъ и труденъ. Лоцманъ Хилковъ и трое его товарищей, подвигаясь впередъ шагъ за шагомъ, часто принуждены были перепрыгивать съ одной льдины на другую и подавать другъ другу руку; наконецъ добрались они до обрывистаго берега, кое-какъ влѣзли на него, перевели духъ, оборотились къ судну и замахали шапками, давая знать товарищамъ, что они благополучно добрались до земли; но тѣ не могли этого замѣтить, такъ какъ судно, окутанное зеленоватымъ туманомъ, едва было видно.

Лоцманъ и три путника пошли внутрь острова отыскивать избу.

Печальную и дикую пустыню представлялъ этотъ негостепріимный островъ! На

немъ, вслѣдствіе суроваго климата, почти вовсе не было растительности,—ни одного деревца ни одного кустика, вся земля была покрыта сплошнымъ кудреватымъ мхомъ; въ разныхъ мѣстахъ виднѣлись конусообразные холмики съ нетающимъ никогда на ихъ вершинахъ снѣгомъ. Углубясь во внутренность острова верстъ на семь, путешественники дѣйствительно увидѣли близъ одного холма избу. Радость ихъ была невыразима! Изнуренія, которое они чувствовали отъ непосильныхъ и продолжительныхъ трудовъ, какъ не было. Они торопливо приблизились къ избѣ и нашли, что она довольно ветхая, съ двумя окнами, обращенными на полдень и заколоченными поперекъ досками; передъ входомъ была пристройка, въ родѣ маленькаго корридора, дверь въ которую запиралась сверху деревянной задвижкой. Когда чрезъ этотъ коридоръ они вошли въ избу, на нихъ пахнуло сыростью, точно изъ могильнаго склепа; въ противоположномъ углу довольно просторной комнаты стояла печь, сдѣланная изъ глины, по образцу русскихъ крестьянскихъ печей, безъ трубы; близъ нея, у другой стѣны, были полати, а вдоль стѣны, противъ печки широкая скамья. При помощи найденныхъ тутъ щепокъ наши китоловы развели въ печкѣ огонь, нѣсколько отогрѣлись и, подкрѣпясь пищею, заночевали.

На утро, чуть свѣтъ, они отправились къ морю, чтобы извѣстить своихъ товарищей о счастливомъ открытіи. Буря уже утихла. Но каково были ихъ горе и ужасъ, когда, подойдя къ берегу, они не нашли своего судна! Вмѣсто льда, который наканунѣ сплошь покрывалъ море, они увидѣли одну воду, на которой не было никакого признака, никакого слѣда отнесеннаго волнами судна: свирѣпствовавшая ночью буря разнесла ледъ и очистила поверхность океана. Бѣдные китоловы не знали, что и подумать о своемъ суднѣ: льдами ли оно затерто и погибло, или, сорванное съ якоря, занесено куда-нибудь и еще цѣло, что также нерѣдко случается съ судами китололовъ. Какъ бы то ни было и что бы съ ними ни случилось, только мореходцы наши никогда уже не видѣли его больше, и оставшіеся на немъ товарищи съ тѣхъ поръ пропали безъ вѣсти, изъ чего навѣрное можно заключить, что судно, дѣйствительно, погибло въ безднахъ океана.

Это несчастіе поразило нашихъ странниковъ; долго молча, какъ безумные, блуждали они по пустыннымъ берегамъ острова, не сводя глазъ съ того мѣста, гдѣ стояло судно; но напрасно. Еще два-три дня ходили они по нѣскольку разъ туда съ какой-то надеждой: постигшее ихъ несчастіе не подлежало сомнѣнію. Живо и во всемъ

ужасѣ представлялись имъ тогда и вѣчная разлука съ родиной, и заточеніе на этомъ дико-пустынномъ островѣ и, наконецъ, вѣрная смерть отъ нестерпимой стужи и голода. Опасенія ихъ были тѣмъ болѣе основательны, что къ этому выдавшемуся изъ воды лоскуту земли никто изъ моряковъ не пристаетъ никогда. Особенно страдалъ лоцманъ Хилковъ, у котораго въ Мезени остались жена и трое маленькихъ дѣтей; разлука съ ними и безнадежность свиданія доводили его до отчаянія.

Но инстинктивное чувство самосохраненія мало-по-малу побуждало странниковъ къ дѣятельности. Прежде всего озаботились они починкою избы: набрали мху и забили имъ щели въ дверяхъ и у оконъ, исправили крышу, насколько можно было исправить, не имѣя подъ рукой лѣса, и внутрь избы натаскали мху для постели, Когда они работали на крышѣ, то не разъ видѣли, какъ огромные бѣлые медвѣди, привлеченные небывалымъ стукомъ топора, близко подходили къ избѣ, долго смотрѣли на нихъ и потомъ уходили съ глухимъ рычаньемъ.

Скоро злополучнымъ нашимъ странникамъ напомнила о себѣ и другая нужда—холодъ, потому что августъ ужъ былъ на исходѣ и начались морозы съ мятелями; руки и ноги коченѣли у нихъ, а имъ не-

чѣмъ развести огонь, чтобы отогрѣться. Въ такой крайности, они начали строгать стѣны внутри избы и откалывать отъ нихъ небольшія щепы; но этого было слишкомъ недостаточно, да притомъ такимъ способомъ отопленія они постепенно разрушили бы свое единственное убѣжище. Сколько ни бродили они по острову, сколько ни старались найти хоть какое-нибудь топливо, ничего не находили, кромѣ сырого мху. Во время этихъ тщетныхъ поисковъ, въ глубинѣ острова предъ ними бѣгало множество оленей и песцовъ; нѣсколько разъ приходилось имъ защищаться отъ медвѣдей, которые здѣсь до того смѣлы и люты, что сами нападали на нашихъ китолововъ, преслѣдовали ихъ до избы и, окруживъ ее, держали какъ въ осадѣ. На бѣду, пороху-то у китолововъ было всего только на двѣнадцать зарядовъ; поэтому они дорожили имъ какъ драгоцѣнностью, безъ которой немыслимо ихъ существованіе, особенно теперь, когда небольшой запасъ провіанта уже почти истощился и приходилось кормиться однимъ мясомъ дикихъ звѣрей. При первомъ нападеніи медвѣдей они принуждены были выстрѣлить разъ въ огромнаго звѣря, болѣе другихъ дерзкаго, который преслѣдовалъ ихъ по пятамъ; убили его, втащили въ избу, содрали съ него шкуру, мясо употребили въ пищу, а жиръ — на

освѣщеніе избы, сдѣлавъ для этого плошку изъ медвѣжьяго же черепа. Вскорѣ послѣ того, бродя по берегу моря, они, къ невыразимому своему удовольствію, стали находить какіе-то обломки досокъ, должно-быть отъ погибшихъ судовъ, и даже цѣлыя деревья съ корнями, принесенныя, конечно, волнами изъ другихъ странъ, щедрѣе надѣленныхъ природой, но неизвѣстныхъ нашимъ промышленникамъ, попадалась также и пенька, пригодная для свѣтильни въ плошку. Все это тщательно собирали и обезпечивали себя такимъ образомъ отъ холода и темноты. Въ доскахъ находили они много гвоздей, а изъ одного обломка вытащили желѣзный крюкъ, изъ котораго, съ помощію камней, выковали себѣ что-то въ родѣ молота, изъ гвоздей же надѣлали копій и стрѣлъ, съ которыми довольно удачно охотились на медвѣдей. Для ловли песцовъ они ставили въ разныхъ мѣстахъ множество ловушекъ.

Привыкнувъ къ опасностямъ, они, вооружась копьями, ружьями ходили всѣ вмѣстѣ даже на медвѣдей, къ самымъ ихъ берлогамъ, и всякій разъ возвращались благополучно. съ большою добычей. Часто, во время сильныхъ метелей, китоловы должны были оставаться по цѣлымъ суткамъ въ избѣ; тогда они занимались выдѣлкою звѣриныхъ шкуръ и нашили потомъ себѣ изъ нихъ разной

одежды и обуви, вмѣсто совершенно износившихся, въ которыхъ прибыли на островъ. Для этого они мочили шкуры въ снѣговой водѣ до тѣхъ поръ, пока легко можно было выдергать изъ нихъ шерсть; затѣмъ голыя кожи мяли досуха въ рукахъ, поливая ихъ изрѣдка оленьимъ жиромъ, вслѣдствіе чего онѣ дѣлались мягкими. Тѣ кожи, которыя нужны были для теплой одежды, мочили они только однѣ сутки и, вынувъ изъ воды, мяли съ шерстью, такъ же поливая жиромъ.

Такъ нужда научаетъ человѣка всему.

Физическое существованіе нашихъ промышленниковъ было обезпечено; но ихъ томила невыразимая грусть при мысли о родинѣ. Увидятъ ли они ее когда-нибудь? И что ихъ можетъ утѣшить въ этомъ печальномъ заключеніи? что ожидаетъ ихъ впереди? солнце заходитъ здѣсь въ началѣ ноября, а восходитъ въ концѣ января,— слѣдовательно, почти три мѣсяца ужасной полярной ночи съ морозами, которыхъ не можетъ опредѣлить никакой термометръ, потому что ртуть въ нихъ замерзла бы въ двѣ минуты,—съ морозами, которые захватываютъ дыханіе, жгутъ и рѣжутъ лицо, при которыхъ никакіе мѣха не могутъ согрѣть человѣка. А этотъ глубочайшій мракъ! Ночью хоть на какіе нибудь полчаса его разгонитъ сѣверное сіяніе, или проглянетъ

изъ-за тумановъ луна, днемъ же тамъ темнѣе ночи. Иногда, выходя изъ избы, наши китоловы должны были употреблять страшныя усилія, чтобы выбраться изъ подъ снѣга, который заносилъ всю избу въ теченіе пяти-шести часовъ. Случалось, возвращаясь съ промысла, они не могли отыскать своего жилища, и только высокій шестъ, поставленный на крышѣ его, указывалъ имъ, гдѣ они должны разрывать снѣгъ.

На другой годъ, несмотря на безпрерывную дѣятельность, служащую здѣсь единственнымъ средствомъ предохраненія отъ скорбута, одинъ изъ нихъ, имѣнно Веригинъ, заболѣлъ этимъ недугомъ; колѣни его начали пухнуть, тѣло начало издавать нестерпимое зловоніе, отъ котораго нельзя было дышать въ избѣ; бѣлки глазъ сдѣлались желтыми; наступило полное изнеможеніе; онъ слегъ и вскорѣ скончался въ страшныхъ мученіяхъ. Эта потеря потрясла его товарищей. Мрачно глядя на безжизненный трупъ страдальца, лежавшаго на столѣ, каждый изъ нихъ думалъ: „что, если и прочіе товарищи также помрутъ, и я останусь одинъ въ этомъ отверженномъ краѣ,—что со мной тогда будетъ?“

Но надобно похоронить тѣло. Это было въ октябрѣ; наступалъ вечеръ; вдругъ безцвѣтно-мутное свинцовое небо какимъ-то чудомъ прояснилось; на краю горизонта

показалась полная луна. Трое товарищей, помолясь Богу о душѣ усопшаго, завернули трупъ въ оленью шкуру, вынесли изъ избы и зарыли около нея въ глубокомъ сугробѣ снѣга, съ тѣмъ, чтобы, когда настанетъ коротенькое лѣто, и хоть сколько нибудь оттаетъ поверхность земли, вырыть для него постоянную могилу и поставить крестъ. Ничто не могло сравниться съ ихъ тоской, когда, возвратясь съ горестныхъ похоронъ, они вошли въ свою избу, походившую теперь болѣе, чѣмъ когда-либо на темную могилу!..

Послѣ этой катастрофы промышленники провели здѣсь еще три года, а на четвертый, въ августѣ мѣсяцѣ, сбирая разъ по берегамъ топливо, они увидѣли въ нѣсколькихъ верстахъ отъ берега, на западъ, корабль. Убѣдясь, что это точно корабль, а не марево, не спершіяся льдины, которыя здѣсь нерѣдко представляютъ видъ цѣлыхъ флотовъ и крѣпостей съ башнями, они въ неописанной радости поспѣшили къ ближайшимъ холмамъ, развели на нихъ огни и на высокомъ шестѣ выставили распущенную медвѣжью шкуру, чтобы дать знать о себѣ находящимся на кораблѣ людямъ. Дѣйствительно тамъ замѣтили эти сигналы и корабль черезъ нѣсколько времени приблизился къ берегамъ рокового острова. Какъ оказалось, онъ вышелъ изъ Архангельска

къ Шпицбергену, но противными вѣтрами былъ снесенъ въ эту сторону. Наступила минута избавленія. Привидѣніе сжалилось, наконецъ, надъ страдальцами! Остановясь верстахъ въ двухъ отъ острова, неизвѣстные мореходцы прислали за бѣдствующими китоловами шлюпку и, послѣ переговоровъ, взяли ихъ на корабль со всѣмъ ихъ имуществомъ, съ условіемъ, что, по прибытіи въ Архангельскъ, они обязаны будутъ заплатить хозяину корабля 80 рублей; имущество же ихъ состояло изъ 50 пудовъ оленьяго жира, 250 песцовъ и нѣсколькихъ медвѣжьихъ шкуръ.

Въ сентябрѣ всѣ трое прибыли въ Архангельскъ совершенно здоровые. Питаясь въ продолженіе пяти лѣтъ однимъ мясомъ звѣрей, они долго не могли привыкнуть къ хлѣбу и каждый разъ, когда его ѣли, чувствовали въ желудкѣ жестокую боль.

---

3. Два года на льдинѣ.

(Разсказъ Охочинскаго).

Въ іюлѣ 1872 года австрійскій пароходъ „Тететгофъ“ покинулъ Норвегію для изслѣдованія Ледовитаго океана. Капитаномъ былъ Паеръ; кромѣ него на пароходѣ находилось 23 человѣка офицеровъ и матросовъ.

Восемь большихъ лохматыхъ собакъ довершали населеніе.

Уже на одинадцатый день по выходѣ Тететгофа изъ норвежскаго города Тромзе путешественники замѣтили бѣловатый отблескъ на сѣверной сторонѣ неба и поняли, что отблескъ этотъ происходитъ отъ гигантскихъ льдинъ, которыя плывутъ имъ навстрѣчу, хотя ихъ самихъ пока не видно. Еще два дня пути и пароходъ очутился между пловучихъ льдовъ, которые усѣивали все видимое пространство океана и, мѣрно покачиваясь на волнахъ, плыли къ югу. Теперь только полярная природа предстала передъ глазами путешественниковъ во всей полнотѣ своего лѣтняго вида. Причудливоразнообразныя льдины таяли подъ лучами солнца, и съ нихъ текли потоки воды съ гармоническимъ шумомъ. По временамъ та или другая льдина раскалывалась на куски, которые съ оглушительнымъ трескомъ рушились въ морскія волны. Цѣлыя стаи гагаръ и чистиковъ носились надъ льдинами, и изъ воды порою показывалась умная голова тюленя, или поднимался китъ, и далеко слышно было его фырканье, похожее на тяжелые вздохи.

Тететтофъ смѣло шелъ между гигантскими льдинами, но съ каждымъ днемъ ледъ становился все гуще, и плаваніе дѣлалось затруднительнѣе. Наконецъ ледъ сгустился

до такой степени, что нельзя было двинуться съ мѣста. Пришлось стоять въ ожиданіи, пока льдины разойдутся. Но онѣ не только не расходились, а еще сгущались все плотнѣе вокругъ парохода и, наконецъ, совсѣмъ *затерли* его. Съ этого дня Тетет-гофъ сталъ плѣнникомъ льда.

Въ первые дни плѣна люди жили надеждой, что вѣтеръ сломаетъ ледяныя поля; но этого не случилось, а напротивъ, льдины все плотнѣе смыкались въ сплошную массу, въ которую крѣпко вмерзъ пароходъ. Какъ ни бились люди: и распиливали ледъ и взрывали его порохомъ, лишь бы прочистить себѣ каналъ въ открытое море,—ничего не помогало. Пришлось отдать себя на произволъ судьбы и плыть вмѣстѣ съ этою гигантскою льдиной, куда понесетъ ее теченіемъ океана. А оно медленно несло ледъ на сѣверъ, между Новой Землей и Шпицбергеномъ.

Время шло; наступила осень. Дни укоротились. Солнце только на короткое время появлялось надъ горизонтомъ и тотчасъ опять исчезало. Вокругъ Тететгофа печально и спокойно разстилалась со всѣхъ сторонъ ледяная поверхность, навѣвая на душу тоскливое чувство. Теперь уже ни одно живое существо не нарушало мертваго пококо засыпавшей природы. Только изрѣдка появлялась запоздавшая чайка и, быстро

хлопая крыльями, какъ стрѣла улетала на югъ, прочь изъ этого царства полярной стужи.

13 октября начался такъ называемый *напоръ льда*. Грозно вздымались ледяныя горы и лѣзли одна на другую. Воздухъ дрожалъ отъ треска и грохота ломавшихся льдинъ, и часто шумъ доходилъ до какого-то дикаго рева. Бѣдный Тететгофъ трещалъ, качался и вздрагивалъ. Люди одѣлись по-походному и, захвативъ самое необходимое, съ ужасомъ ждали той минуты, когда пароходъ будетъ раздавленъ льдомъ. Спали совсѣмъ одѣтые и при всякомъ трескѣ выскакивали на палубу. Такъ продолжалось недѣли двѣ. Однако все кончилось благополучно, и льдины успокоились.

28 октября въ послѣдній разъ взошло солнце, выглянуло на нѣсколько минутъ и сейчасъ скрылось. Съ этихъ поръ оно не всходило больше, и началась одна непрерывная ночь. Только луна освѣщала по временамъ неровную поверхность льда, среди которой однако стоялъ корабль, весь обледенѣлый, засыпанный снѣгомъ, и его обындивѣвшіе канаты казались ледяными и сверкали въ лучахъ луны.

Потянулась скучная, долгая зимовка. Люди размѣстились въ двухъ каютахъ: въ одной—офицеры, въ другой—матросы. Въ желѣзныхъ печахъ непрерывно горѣлъ каменный

уголь, но все-таки было такъ холодно, что одѣяла примерзали ночью къ стѣнамъ, а подъ постелями накоплялись за ночь цѣлыя груды снѣга. Когда кто-нибудь входилъ въ каюту, то его мѣховая одежда была настолько холодна, что капля воды, случайно попавшая на нее, моментально превращалась въ ледъ, даже возлѣ самой печки. Да и не мудрено, такъ какъ морозы стояли ужасные, и ртуть въ термометрѣ, выставленномъ наружу, давно замерзла и была такъ тверда, что ее можно было ковать.

Для развлеченія офицеры устроили чтенія и разсказы для матросовъ и знакомили ихъ съ различными странами и народами. Уроки зачастую прерывались охотой на бѣлыхъ медвѣдей. Эти хищные бродяги шляются вездѣ въ Сѣверномъ Ледовитомъ океанѣ. Не боясь нисколько самыхъ лютыхъ морозовъ, они ходятъ по островамъ, плаваютъ на льдинахъ и вездѣ жадно нюхаютъ воздухъ—нѣтъ ли гдѣ поживы. Почуявъ корабль, гдѣ всегда бываютъ запасы солонины и сушеной рыбы, медвѣди близко подходили къ нему въ надеждѣ поживиться. Матросъ, стоявшій на палубѣ сторожемъ, издали замѣчалъ ихъ при лунномъ свѣтѣ и стучалъ въ полъ, давая этимъ знать въ каюту о близости звѣря. Тогда лучшіе стрѣлки брали ружья и выбѣгали наверхъ. Въ большинствѣ случаевъ удавалось убить

медвѣдя однимъ выстрѣломъ, но иногда онъ убѣгалъ раненый, и люди пускались его преслѣдовать. Это было не малымъ развлеченіемъ въ скучной, однообразной жизни. Такимъ образомъ, убили въ зиму больше 50 медвѣдей. Сперва не рѣшались ихъ ѣсть но потомъ попробовали и нашли, что мясо ихъ недурно, такъ что убитый медвѣдь съѣдался весь, а внутренности отдавались собакамъ.

Другимъ развлеченіемъ была ѣзда на собакахъ. Нѣсколькихъ собакъ запрягали въ легкія сани, въ которыя садился кто-либо изъ людей и выѣзжалъ ихъ, какъ выѣзжаютъ лошадей. Случалось при свѣтѣ мѣсяца значительно удаляться отъ корабля, только неровная, вся изломанная поверхность льда сильно мѣшала ѣздѣ.

По временамъ, въ тихія звѣздныя ночи, небо, льды и корабль озарялись трепетнымъ свѣтомъ сѣверныхъ сіяній, которыя были такъ великолѣпны, что люди по цѣлымъ часамъ мерзли на палубѣ, любуясь этимъ чуднымъ явленіемъ полярныхъ ночей.

Между тѣмъ прошли рождественскіе праздники, прошелъ и Новый годъ. Тететгофъ попрежнему подвигался на сѣверъ вмѣстѣ съ своею льдиной, что замѣтно было по полярной звѣздѣ, которая каждую ночь поднималась все выше и выше надъ горизонтомъ.

Въ концѣ января сталъ появляться по полуднямъ слабый свѣтъ зари на южной сторонѣ неба. Всякій день онъ дѣлался все ярче и ярче, и наконецъ, 16 февраля въ первый разъ взошло солнце и на нѣсколько минутъ озарило окрестность пурпуровыми лучами. Въ нѣмомъ восторгѣ стояли люди, взирая на свѣтило, которое приносило имъ давно желанныя блага—свѣтъ и тепло. Однакожъ на первый разъ солнце очень скоро опять скрылось, и снова засіяли звѣзды на темномъ небѣ.

Но каждый день оно все дольше и дольше оставалось на небѣ, и подъ его благодѣтельнымъ дѣйствіемъ стала исчезать блѣдность исхудалыхъ лицъ. Въ мартѣ солнце уже перестало заходить вовсе, и ночей больше не было. Началось таяніе льда, и въ немъ появлялись большіе полыньи. Въ ясные дни, которые впрочемъ были рѣдки, ледъ ослѣпительно сверкалъ на солнцѣ, такъ что небо и вода въ полыньяхъ казались черными сравнительно съ нимъ. Прилетѣли первыя гагары и другія птицы, но льды все еще не выпускали Тететтофа. Въ напрасномъ ожиданіи прошелъ весь іюль, прошелъ и весь августъ. Теплота стала исчезать, а съ нею и надежды людей. Погруженные въ печальныя думы, стояли на палубѣ и пристально смотрѣли въ волнистый туманъ, сквозь который изрѣдка проби-

вался лучъ солнца. Вдругъ сквозь этотъ туманъ показался рядъ суровыхъ каменныхъ скалъ. Какъ очарованные смотрѣли на нихъ люди, протирая глаза, какъ бы желая убѣдиться, не во снѣ ли они это видятъ. Но скоро сомнѣнія исчезли, всѣ убѣдились, что то были дѣйствительно скалы, и радостный крикъ: „земля! земля!“—вырвался у всѣхъ путешественниковъ.

Огромная льдина, державшая въ плѣну Тететгофъ, приплыла къ какимъ-то островамъ, которые до той поры никому не были извѣстны и не обозначались ни на какихъ картахъ. Упершись въ эти острова, льдина остановилась, такъ что корабль былъ верстахъ въ 10 отъ земли. Нѣкоторые смѣльчаки пробовали были добраться до нея, но густой туманъ такъ застилалъ собою льды, что не было никакой возможности итти по ихъ неровной поверхности. Усталые и измученные, возвратились они на корабль.

Вторая попытка была удачнѣе. Нѣсколько человѣкъ прошли изрытое и изборожденное ледяное поле и вступили на эту неизвѣстную землю. Въ неописанной радости заглядывали люди въ каждую расщелину скалы, брали въ руки каждый попадавшійся камешекъ и восхищались видомъ земли, которой они не видали уже больше года. Собаки раздѣляли восторгъ людей и съ громкимъ лаемъ прыгали съ камня на камень.

Но земля эта была сурова и ужасна: она состояла лишь изъ голыхъ черныхъ скалъ, между которыми лежали снѣга и льды. Капитанъ Тететгофа назвалъ ее именемъ австрійскаго императора, землею Франца-Іосифа.

Въ теченіе нѣсколькихъ недѣль дѣлались экскурсіи на вновь открытую землю и составлялась карта ея береговъ. Но пуститься въ продолжительное путешествіе внутрь нея никто не рѣшался.

Между тѣмъ наступила вторая зима. Она прошла такъ же скучно и однообразно, какъ и первая, хотя не такъ благополучно для людей. Семь человѣкъ сильно страдали отъ цынги, а одинъ изъ нихъ, машинистъ Кришъ, былъ боленъ отчаянно. Болѣзненное состояніе людей, недостатокъ припасовъ и безвыходное положеніе корабля заставили капитана рѣшиться на слѣдующую мѣру: какъ только придетъ весна—бросить корабль во льдахъ на произволъ судьбы, а самимъ отправиться назадъ по льду до открытаго моря. Когда было объявлено объ этомъ матросамъ, всѣ очень обрадовались.

Какъ только появилось солнце послѣ 125-ти суточнаго отсутствія, на кораблѣ началась оживленная дѣятельность, и въ нѣсколько дней всѣ приготовленія къ путешествію пѣшкомъ черезъ льды были сдѣланы. Только одно печальное событіе нарушило общую радость: дни машиниста Криша были сочте-

ны. Болѣзнь его стала сильно развиваться къ веснѣ, и онъ впалъ въ безпамятство. Только раздирающіе душу стоны и хрипота больного показывали, что жизнь еще теплилась въ умирающемъ тѣлѣ. Наконецъ, 16 марта Криша не стало, а 19, въ сильную метель, при двадцати-градусномъ морозѣ, трупъ его былъ перенесенъ на землю Франца-Іосифа, опущенъ тамъ въ разсѣлину скалы и заваленъ камнями. Скоро снѣгъ окуталъ бѣлымъ саваномъ его могилу, и только простой деревянный крестъ указывалъ мѣсто погребенія несчастнаго, погибшаго такъ далеко отъ его родины.

12 апрѣля капитанъ велѣлъ поставить на скалѣ вновь открытой земли австрійскій флагъ, а подлѣ него зарыть бутылку, въ которую была положена записка. Въ запискѣ говорилось, кто и когда ее оставилъ, а также разсказывалась вся несчастная судьба Тететтофа.

20 мая люди съ глубокою грустью покинули корабль. Одиноко остался онъ посреди льдовъ, и никто не знаетъ, что сталось съ нимъ впослѣдствіи. Запрягшись по 11—12 человѣкъ въ сани, на которыхъ стояли лодки, нагруженныя всѣмъ необходимымъ, люди тащили ихъ понемногу черезъ льдины, и имъ значительную помощь оказывали собаки, которыя усердно везли сани рядомъ съ людьми. Но трудъ этотъ былъ такъ тя-

желъ, что иной разъ сани подвигались лишь по нѣскольку десятковъ шаговъ въ сутки, и къ концу мая земля Франца-Іосифа все еще ясно виднѣлась вдали.

Наконецъ стало чувствоваться волненіе океана, которое равномѣрно то поднимало, то опускало ледъ. 14 августа передъ глазами путешественниковъ открылась безбрежная равнина свободнаго отъ льда океана. Труднѣйшая часть пути была уже пройдена. Теперь предстояло плыть на лодкахъ. Съ громкимъ „ура“! отчалили люди отъ льдинъ и пустились въ море. Но въ самомъ же началѣ плаванія случилось происшествіе, которое сильно и надолго опечалило путешественниковъ.

Дѣло въ томъ, что собаки, которыхъ посадили съ собою, пришли отъ качки въ такое безпокойство и стали такъ сильно метаться, что лодки того и гляди могли опрокинуться. Вдобавокъ не было больше корма для нихъ. Предстояло или бросить ихъ на произволъ судьбы или застрѣлить. Избрано было послѣднее, и, приставъ къ уединенной льдинѣ, люди предали смерти своихъ вѣрныхъ друзей, съ которыми столько времени они дѣлили нужду и горе.

Напрягая всѣ свои силы, гребли люди день и ночь. Впереди плылъ капитанъ, направляя лодку по картѣ и компасу. Когда случалось, что та или другая шлюпка от-

ставала и скрывалась въ туманѣ, матросы трубили въ рогъ, пока опять всѣ собирались вмѣстѣ. Капитанъ держалъ путь прямо къ островамъ Новой Земли.

Черезъ нѣсколько дней показались какія-то ледяныя громады, которыя сначала сильно испугали путешественниковъ, такъ какъ они приняли ихъ за пловучіе льды. Но оказалось, что то были покрытыя снѣгомъ горы Новой Земли. Почти все время онѣ были окутаны туманомъ и лишь изрѣдка проглядывали сквозь него. Четыре шлюпки путешественниковъ, какъ можно скорѣе плыли къ берегу. Отъ постоянной гребли руки у людей совсѣмъ одервенѣли и распухли, такъ что всѣмъ было крайне необходимо отдохнуть хоть немного.

Когда, наконецъ, шлюпки подплыли къ Новой Землѣ, люди вышли на берегъ, вытащили на песокъ лодки и разложили костеръ изъ сучьевъ, во множествѣ валявшихся вдоль берега: ихъ приноситъ сюда издалека теченіе океана. Съ наслажденіемъ разлеглись путешественники на мягкій мохъ и заснули крѣпкимъ сномъ подъ глухой шумъ океана.

Отдохнувъ сутки, снова поплыли къ югу, теперь уже вдоль самаго берега Новой Земли,—берега пустыннаго, скалистаго, необитаемаго. Все надѣялись встрѣтить какой-нибудь запоздавшій корабль русскихъ про-

мышленниковъ, которые каждое лѣто приплываютъ къ Новой Землѣ изъ Архангельска для того, чтобы охотиться за сѣверными оленями, собирать гагачьи яйца и гагачій пухъ, а также ловить семгу въ устьяхъ рѣчекъ. Но нигдѣ не было видно ни живой души ни слѣда присутствія человѣка. Вотъ, наконецъ, доплыли и до пролива „Маточкинъ Шаръ“, гдѣ всего дольше остаются русскіе промышленники. Въ проливѣ нашли опрокинутую вверхъ дномъ лодку, а возлѣ нея давнишніе слѣды людей. Очевидно, было уже слишкомъ поздно, и всѣ промышленники вернулись въ Архангельскъ изъ боязни встрѣтиться со льдами.

А между тѣмъ у людей осталось припасовъ только на 10 дней, и всѣ были изнурены до крайности. Тѣмъ не менѣе приходилось покинуть берегъ Новой Земли и плыть прямо къ Норвегіи, черезъ океанъ, такъ какъ до Архангельска было не ближе, другіе же берега Ледовитаго океана безлюдны и пустынны. Оставалась лишь слабая надежда, не встрѣтятся ли русскіе немного южнѣе, и потому рѣшено было, прежде чѣмъ повернуть къ Норвегіи, проплыть еще вдоль берега Новой Земли.

Усиленно гребли люди, все еще не теряя надежды. Обогнутъ одинъ скалистый мысъ— всѣ думаютъ, что за нимъ, въ бухтѣ, появится корабль, но въ бухтѣ ничего нѣтъ.

Начнутъ съ горемъ огибать другой мысъ, увидятъ новую бухту, и въ ней опять нѣтъ ничего. Такъ цѣлый день.

Вдругъ неудержимый крикъ радости вырвался у всѣхъ 23 человѣкъ: передъ ними показалась лодка съ двумя гребцами, которые съ изумленіемъ смотрѣли на плывущихъ къ нимъ людей, закутанныхъ въ звѣриныя шкуры, исхудалыхъ, почернѣвшихъ отъ стужи и вѣтра, а вдали виднѣлись двѣ небольшихъ русскихъ шкуны.

Съ нѣмымъ восторгомъ приближались путешественники къ этимъ шкунамъ, стоявшимъ въ бухтѣ, окруженной скалами. Теперь они были спасены!

Первая шкуна, къ которой пристала шлюпка нашихъ путешественниковъ, называлась „Николай“. Хозяинъ ея Ѳедоръ Воронинъ, равно какъ и всѣ матросы съ участіемъ и радушіемъ приняли измученныхъ гостей и предложили имъ все, что имѣли — семгу, оленье мясо, гагачьи яйца, чай и хлѣбъ.

Одинъ изъ путешественниковъ зналъ немного по русски и разсказалъ, кто они и какъ попали сюда. Русскіе же сообщили имъ, что они занимались здѣсь ловлей семги и охотой на сѣверныхъ оленей и что они простоятъ въ этой бухтѣ еще недѣли двѣ. Понятно, какъ не хотѣлось этого Пайеру и его людямъ: они страстно желали вернуться какъ можно скорѣе на родину. По-

этому Пайеръ уговорился съ Ворониным̈ъ, что тотъ немедленно поплыветъ съ нимъ въ Норвегію, за что получитъ 1,200 рублей, три лодки и два ружья. 3 сентября шкуна пришла въ норвежскій городокъ Варде, и наши путешественники, послѣ 812-дневнаго странствованія по Ледовитому океану, снова ступили на европейскую почву. Изъ Варде они немедленно послали телеграмму на родину, откуда за ними явился большой пароходъ.

---

4. — Первое путешествіе Пахтусова на Новую землю.

(М. А. Лялиной).

Острова Новой Земли были извѣстны русскимъ промышленникамъ еще въ началѣ XVI-го вѣка. Въ XVI и XVII ознакомились съ Новой Землей голландскіе и англійскіе путешественники, осмотрѣли ея западные берега, но затѣмъ изслѣдованіе этого сурового, негостепріимнаго острова прекратилось на долгое время. Только въ 1768 и 1769 годахъ штурманъ Розмысловъ проникъ въ Маточкинъ Шаръ и осмотрѣлъ небольшую часть восточнаго берега къ сѣверу отъ этого пролива. Въ исходѣ первой четверти XIX-го вѣка одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ нашихъ путешественниковъ, Литке, описалъ западной берегъ Новой Земли, но восточный ея берегъ долго еще оставался неосмотрѣннымъ и извѣстнымъ только по разсказамъ кормщика Лошкина, объѣхавшаго вокругъ всего острова въ 1760 году. Честь описанія восточнаго берега принадлежитъ отважному мореходу Петру Кузьмичу Пахтусову (род. 1800 г.—ум. 1835 г.), совершившему два путешествія на Новую Землю.

Въ 1832 г. лѣсничій Клоковъ и коммерціи—совѣтникъ Брандтъ снарядили на свои средства въ Архангельскѣ экспедицію къ рѣкѣ Енисею и въ Новую Землю. Лейтенантъ Кротовъ принялъ на себя открытіе пути къ Енисею, а Пахтусовъ взялся описать восточный берегъ Новой Земли.

1-го августа 1832 г. Пахтусовъ выѣхалъ изъ Архангельска на большомъ карбасѣ „Новая Земля“ съ своимъ помощникомъ Крапивинымъ и 8 матросами. Вмѣстѣ съ нимъ на шхунѣ „Енисей“ выѣхалъ Кротовъ. До 7-го августа оба судна держались невдалекѣ одно отъ другого, но затѣмъ Кротовъ взялъ направленіе къ Маточкину Шару и скрылся изъ виду. Кротовъ погибъ, но Пахтусовъ успѣшно выполнилъ свою задачу.

Достигнувъ Новой земли, Пахтусовъ, долженъ былъ высадиться на южномъ берегу (въ губѣ Каменкѣ), такъ какъ Карское море было затерто льдами. На берегу нашелъ онъ полуразвалившуюся избу и рѣшился, поправивъ ее, въ ней зимовать. Выкидной лѣсъ, грудами лежавшій на берегу, доставилъ матеріалъ для постройки и топлива. Избу починили, пазы законопатили мхомъ, на крышу набросали щебню и песку, внутри сложили печь, изъ привезеннаго кирпича и вышло жилище, въ которомъ кое-какъ можно было жить. Въ связи съ избою поставили баню.

Устроившись на зимовку, Пахтусовъ отдалъ приказъ, съ которымъ всѣ обязаны были сообразоваться: прежде всего требовалась чистота и движеніе на свѣжемъ воздухѣ. Люди ходили въ баню каждую субботу и два раза въ недѣлю мѣняли бѣлье. Полъ въ избѣ скребли желѣзными лопатами и вытерали сухою шваброю. Спать дозволялось не болѣе 8 часовъ въ сутки и то только ночью, а чтобъ на сытый желудокъ не клонило ко сну, пища давалась въ

ограниченномъ количествѣ. Движеніе на чистомъ воздухѣ было обязательно. Благодаря этимъ мѣрамъ, люди всю зиму были здоровы и только весною, двое сдѣлались жертвами цынги.

Природа надѣлила человѣка необыкновенной способностью приноравливаться къ средѣ, его окружающей. Въ силу этой способности кучка людей, оторванная отъ привычной обстановки и брошенная въ ледяную пустыню, скоро обжилась и стала чувствовать себя какъ дома. Сидя въ избѣ каждый занимался работою; одни чинили бѣлье, другіе мастерили снасти, третьи разговаривали или пѣли пѣсни. По воскресеньямъ читали общую молитву.

Чтобы придать прогулкамъ занимательность, Пахтусовъ приказалъ ставить ловушки на песцовъ.

Въ первый день по прибытіи на Новую Землю, путешественники увидѣли стадо оленей штукъ въ 500. Два стрѣлка погнались за ними и убили двухъ. Вслѣдъ за первыми стрѣлками отправились еще четверо, но олени убѣжали. Одинъ только, раненый въ ногу, бросился въ озеро и плавалъ въ немъ часа два; стрѣлки успѣли притащить лодку и, догнавъ въ ней оленя, убили его.

На слѣдующій день служитель, собиравшій плавникъ *), увидалъ шедшаго къ избѣ

*) Выкинутый волнами лѣсъ.

медвѣдя. Опасаясь за свою жизнь, а также за цѣлость лежавшаго въ сѣняхъ мяса, служитель закричалъ. Медвѣдь остановился, потомъ пошелъ прочь, не переставая оглядываться на страннаго крикуна.

Медвѣди часто посѣщали становище. Однажды двое людей, ходившіе на ботъ за нужными вещами, при выходѣ изъ него увидали бѣлаго медвѣдя не далѣе какъ въ 4-хъ саженяхъ. Оружія съ людьми не было и они, чтобъ предупредить товарищей объ опасности, закричали какъ можно громче. Медвѣдь посмотрѣлъ на нихъ и спокойно пошелъ въ гору. Бывшіе въ избѣ люди схватили оружіе и пустились его преслѣдовать. Отойдя на извѣстное разстояніе, медвѣдь обернулся, сѣлъ и сталъ смотрѣть на своихъ преслѣдователей. Но лишь только они приблизились, онъ пустился вскачь, потомъ опять сѣлъ. Такъ продолжалось нѣсколько разъ. Наконецъ Пахтусовъ собрался выстрѣлить. Увидавъ огонь на полкѣ, медвѣдь бросился бѣжать и скрылся изъ вида.

Спустя часъ по возвращеніи охотниковъ въ избу, одинъ изъ служителей, выйдя въ сѣни и отворивъ наружную дверь, увидѣлъ другого бѣлаго медвѣдя, который ѣлъ ворванное сало изъ стоявшей у дверей бочки. Служитель закричалъ, а медвѣдь бросился къ сѣнямъ. Выбѣжали охотники и лишь только отворили дверь, какъ медвѣдь ки-

нулся на нихъ и чуть-чуть не схватилъ одного изъ людей за руку. Кто-то наконецъ выстрѣлилъ. Медвѣдь испугался, выбѣжалъ вонъ и перескочивъ черезъ полѣнницу дровъ, стремительно скатился подъ гору.

Ноября 9-го скрылось солнце и наступила продолжительная ночь, которую, однако же, нельзя было назвать темною. Ежедневно, въ теченіи $2^1/_2$ часовъ видѣнъ былъ свѣтъ зари. Кромѣ того свѣтила луна, звѣзды, особенно ярко мерцавшія въ разрѣженномъ воздухѣ и очень часто появлялось сѣверное сіяніе.

Съ наступленіемъ продолжительной ночи, окно сдѣлалось ненужнымъ. Его законопатили, а избу окопали снѣгомъ. День и ночь въ избѣ горѣлъ огонь, но дѣйствіе его было совсѣмъ особенное. Онъ сожигалъ, но не грѣлъ. Когда подставляли ноги въ шерстяныхъ чулкахъ къ огню, чулки начинали тлѣть, что слышно было по запаху, а ноги оставались холодными. Повѣшенное платье со стороны, противоположной огню, леденѣло; постели покрывались тонкимъ слоемъ льда. Если матросу случалось при работѣ брать гвоздикъ въ ротъ, то при вынманіи его онъ сдиралъ себѣ кожу съ губъ и текла кровь. Одинъ изъ служителей вздумалъ разгрызть ледяную сосульку, но дорого поплатился за свою фантазію. Одинъ кусокъ

примерзъ къ языку, другой къ губамъ и отодрать ихъ пришлось вмѣстѣ съ кожею.

Зимою, нѣсколько разъ на Карскомъ морѣ взламывало ледъ и прибылая вода затопляла берегъ. Но изба стояла на возвышенности, внѣ линіи наводненія, и обитатели ея были въ безопасности. Въ концѣ Ноября море, въ теченіе трехъ недѣль было свободно отъ льда, вѣтры благопріятствовали, но они же нагоняли метели, препятствовавшія плыть на кораблѣ, а ботъ уже поставленъ былъ на зимовку. „Пріятно было видѣть море волнующимся, говоритъ Пахтусовъ, но оно лишало насъ удовольствія охотиться за песцами“.

Съ отнесеніемъ льда отъ берега, медвѣди лишались возможности ходить на промыслы и съ голода объѣдали приманки въ ловушкахъ. Сначала, они ѣли только ворвань, а ловушки съ свинымъ саломъ, точно съ досады, ломали; но потомъ ѣли все, что попадалось.

Когда ледъ снова нанесло, медвѣди—перестали разбойничать. Лисицы также объѣдали приманки, но сами, по врожденной хитрости, никогда не попадались.

Января 8-го показалось надъ горизонтомъ солнце, которое было привѣтствовано дружнымъ ура! 65 дней длилась непрерывная ночь.

Марта 7-го и 8-го, путешественники на-

блюдали интересное явленіе. При ясной погодѣ, предметы, на нѣкоторомъ разстояніи представлялись въ огромныхъ размѣрахъ, а ледяныя стамухи принимали видъ людей и животныхъ. Въ другой разъ видѣли солнце, окруженное радужнымъ кругомъ. Въ этомъ кругу помѣщалось еще три солнца, два по бокамъ, а одно внизу.

Съ 8-го Апрѣля установилась ясная погода, и Пахтусовъ началъ дѣлать экскурсіи вдоль берега для описи его. Послѣ нѣсколькихъ короткихъ поѣздокъ, онъ снарядился по основательнѣе и отправился въ путь на болѣе продолжительное время. Эта экспедиція чуть было не стоила жизни ему и его людямъ. Ихъ застигла такая вьюга, что они не могли держаться на ногахъ и должны были броситься на землю; занесенные снѣгомъ, они оставались безъ пищи три дня, подвергаясь при томъ опасности замерзнуть.

Пахтусовъ вернулся съ сильнымъ ревматизмомъ и лихорадкой, но, чтобы къ разстройству организма, не привязалась цынга, онъ заставлялъ себя черезъ силу ходить и работать на чистомъ воздухѣ.

Цынга, этотъ бичъ сѣверныхъ странъ, уже намѣтила себѣ жертву. Еще до ухода Пахтусова въ продолжительную экскурсію, заболѣлъ одинъ изъ служителей, Подгорскій. Онъ чувствовалъ сильную слабость и боль въ ногахъ. По возвращеніи, Пахтусовъ

нашелъ его въ томъ же положеніи. Въ одинъ изъ ясныхъ теплыхъ дней, Подгорскій, чувствуя себя лучше, говорилъ, шутилъ съ товарищами и попросилъ поводить себя по воздуху. Товарищи одѣли больного и вывели его изъ избы. Походивъ немного, Подгорскій заявилъ, что усталъ и присѣлъ въ сѣняхъ. Не прошло пяти минутъ, какъ онъ упалъ на землю. Выскочившіе изъ избы товарищи нашли его уже мертвымъ.

Поправившись отъ болѣзни, Пахтусовъ, въ концѣ мая снова занялся описью. Іюня 19-го *), южными вѣтрами взломало ледъ и можно было дѣлать опись на лодкѣ. Вскорѣ послѣ отъѣзда изъ становища, мореплаватели увидали стадо бѣлугъ, шедшихъ въ разстояніи версты отъ берега. Ихъ было штукъ до 700; матки несли на спинахъ своихъ черно-голубыхъ дѣтенышей. Большую часть времени море было совершенно чисто, но иногда вѣтры пригоняли ледъ къ берегу и путешественники должны были вытаскивать лодку на льдину и выжидать удобной минуты. Однажды льдину, на которой они ночевали, разломило на двое, и моряки чуть было не потеряли своей лодки.

До 7-го Іюля продолжалась опись, частью по берегу, частью на лодкѣ. Весь юго-во-

*) Въ самый разгаръ лѣта отъ конца іюня до августа, градусникъ показывалъ въ тѣни не больше 6°. Обыкновенно же бывало, 2° а ночью нерѣдко заморозки.

сточный берегъ до Маточкина шара былъ описанъ. Наконецъ провизія истощилась и Пахтусовъ долженъ былъ вернуться въ становище. Ботъ былъ совсѣмъ готовъ, море чисто; можно было бы двинуться далѣе на востокъ. Но идти далѣе значило остаться на вторую зимовку. Для этого не хватило бы провизіи и потому Пахтусовъ, скрѣпя сердце, отдалъ своей командѣ приказаніе собираться въ обратный путь. Возвращался онъ, впрочемъ, съ увѣренностью, что если не въ одинъ годъ, то въ нѣсколько лѣтъ, вполнѣ возможно описать Новую Землю. Оставивъ, по обычаю здѣшнихъ промышленниковъ, въ избѣ печенаго хлѣба пудовъ 20, муки—съ 1½ пуда, огниво съ принадлежностями и нѣсколько дровъ, мореплаватели простились съ своимъ жилищемъ, въ которомъ пробыли 279 дней и поплыли обратно.

Огибая юго-восточную часть Новой Земли увидѣли на берегу карбасъ. Эта находка въ такой дикой мѣстности привлекла вниманіе Пахтусова и онъ, ставъ на якорь, высадился на берегъ. Невдалекѣ увидалъ онъ полуразвалившуюся избу и подойдя къ ней, нашелъ два человѣческихъ черепа, кучу оленьихъ роговъ и поломанныя сани. Въ избѣ находилась домашняя утварь, обыкновенно употребляемая самоѣдами.

Возвращаясь на ботъ, путешественники

увидали на берегу медвѣдя. Но только что лодка подъѣхала къ нему, онъ бросился въ море и поплылъ. Охотники пустились за нимъ въ погоню и не болѣе какъ черезъ 1/4 часа уже буксировали его къ берегу.

Августа 21-го ботъ выдержалъ страшную бурю и едва не погибъ. Третьяго Сентября онъ сѣлъ на мель, гдѣ его жестоко било волненіемъ; много вещей унесло въ море. По снятіи съ мели, судно оказалось настолько поврежденнымъ, что нечего было и думать идти въ Архангельскъ. Пахтусовъ ввелъ его въ устье Печеры и противъ самоѣдскаго селенія Куи бросилъ якорь.

Разоруживъ ботъ, Пахтусовъ оставилъ команду въ Куѣ на зимовку, а самъ поѣхалъ сухимъ путемъ въ Архангельскъ, чтобы сообщить компаніи о результатахъ, добытыхъ экспедиціею.

---

5. — Поѣздка на Новую Землю.

(θ. Шашинъ).

Въ Сѣверномъ Ледовитомъ океанѣ, на сѣверо-востокѣ отъ Бѣлаго моря, между 77° и 70° сѣверн. шир., обратясь южнымъ концомъ къ устью р. Печоры, а сѣвернымъ протянувшись вглубь океана, лежитъ одинъ изъ обширнѣйшихъ острововъ—Новая Зем-

ля. Онъ имѣетъ въ длину слишкомъ 800 верстъ, а въ ширину отъ 70 до 100 и болѣе верстъ. Поперекъ Новая Земля раздѣлена на двѣ неравныя части проливомъ, называемымъ Маточкинъ Шаръ. Поверхность Новой Земли не совершенно ровная: въ средней ея части встрѣчаются довольно высокія горы; такъ около Маточкина Шара есть горы до 3-хъ и даже до 4-хъ тысячъ футовъ надъ уровнемъ океана. Южный, въ особенности же восточный берегъ — низменны.

Почва Новой Земли каменистая, и, говорятъ, что въ нѣдрахъ ея заключается каменный уголь, свинецъ, мѣдь и даже руды— золотая и серебряная.

Растительность Новой Земли самая скудная, даже мохъ встрѣчается не густо, а въ видѣ тонкой коры. Нѣкоторыя растенія прозябаютъ въ расщелинахъ скалъ, довольствуясь собирающеюся здѣсь сыростью, напримѣръ снѣжный лютикъ (Ranunculus nivalis). Изъ кустарныхъ растеній тамъ встрѣчается полярный тальникъ, ютящійся среди мха. И животное царство Новой Земли немногочисленно: на сушѣ бѣлый медвѣдь (ошкуй), лисица, песецъ (нѣчто среднее между собакой и лисицей), пеструшка—родъ полевой мыши, и сѣверный олень, водящійся въ дикомъ состояніи. Постоянно живущія птицы—куропатки, снѣжныя совы и

чайки; лѣтомъ пернатыхъ прибываетъ: прилетаютъ лебеди, гуси, утки, гаги, гагарки (но не гагары; гагарки—особый родъ плавающихъ птицъ, меньше гагаръ) и нѣкоторыя др. Въ морѣ, близъ береговъ Новой Земли, водятся моржи, морскіе зайцы, нерьпы, бѣлухи, „габбора“ (особый родъ кита), морскіе ежи и звѣзды; изъ рыбъ—голецъ (родъ семги, но значительно меньшихъ размѣровъ) на западномъ берегу, омуль у восточнаго, треска и др.

Климатъ можно назвать относительно мягкимъ вслѣдствіе положенія острова среди океана; на западномъ берегу теплѣе, нежели на восточномъ, такъ какъ съ послѣдней стороны океанъ большую часть года покрытъ льдомъ, тогда какъ съ запада нѣсколько мѣсяцевъ онъ бываетъ свободнымъ отъ него. Средняя годовая температура—8 градусовъ, почти 9, по Цельсію. Но распредѣленіе ея, по временамъ года очень неравномѣрное: умѣренную зиму смѣняетъ суровое лѣто; средняя температура зимы не свыше—20° Ц., тогда какъ лѣтомъ, среднимъ числомъ, не бываетъ больше + 2, 5° Ц. При этомъ постоянно происходятъ рѣзкія перемѣны погоды: ясная смѣняется туманною, тихая и теплая—холоднымъ вѣтромъ, нерѣдко со снѣгомъ; лѣто и осень короткія; ужъ съ сентября падаетъ зимній снѣгъ. Съ поло-

вины октября до начала января солнца вовсе не видно—стоитъ полярная ночь. Только въ концѣ этого мѣсяца начинаетъ показываться половина дневного свѣтила.

Несмотря на такое негостепріимство Новой Земли, естественныя богатства ея уже нѣсколько столѣтій привлекаютъ предпріимчивыхъ мореходовъ. Во второй половинѣ настоящаго столѣтія на ряду съ русскими промышленниками и даже въ большомъ числѣ, стали посѣщать Новую Землю иностранцы, преимущественно норвежцы, занимая лучшія мѣста для промысла. Русское Общество спасанія на водахъ въ 1877 году основало въ становищѣ Малыя Кармакулы спасательную станцію. Въ слѣдующемъ году въ новомъ нарочно устроенномъ домѣ зимовалъ отважный штабсъ-капитанъ Тягинъ вмѣстѣ съ женою и грудным ребенкомъ. Тогда же была построена церковь. Такимъ образомъ было положено начало колонизаціи Новой Земли. Въ 80-хъ годахъ установлено срочное сообщеніе съ Архангельскомъ: одинъ изъ пароходовъ ежегодно дѣлаетъ сюда два рейса. Въ 1888 г. построена новая, болѣе просторная церковь и учрежденъ скитъ съ постояннымъ пребываніемъ іеромонаха съ причтомъ.

Вскорѣ послѣ устройства спасательной станціи было предложено случайно зазимовавшимъ на Новой Землѣ пустозерскимъ

самоѣдамъ остаться здѣсь для постояннаго житья, для чего имъ даны были различныя льготы и они были снабжены необходимыми предметами и нужнымъ оружіемъ для ловли звѣрей. Въ настоящее время ихъ на Новой Землѣ считается 15 семействъ, 46 человѣкъ обоего пола съ дѣтьми *). Лѣтомъ изъ Архангельска особый чиновникъ привозитъ колонистамъ на Новую Землю провизію, хозяйственныя орудія, порохъ, свинецъ, одежду топливо и проч., а отъ нихъ отбираетъ продукты ихъ зимняго промысла, какъ-то: звѣриное сало, шкуры и проч. Этотъ товаръ продается въ Архангельскѣ, изъ выручки вычитается нѣкоторая сумма за доставленные предметы, а остальныя деньги сдаются на руки самоѣдамъ. Продавать кому—либо, помимо чиновника, свои предметы промысла самоѣдамъ строго воспрещено; запрещается также и посторонним, особенно по низкимъ цѣнамъ и за водку, покупать что нибудь отъ нихъ.

Пятнадцатаго іюля 1890 года пароходъ Архангельско-Мурманскаго Товарищества „Чижовъ“ отправился изъ Соломбальской гавани на Новую Землю (Соломбала—часть гор. Архангельска).

18-го іюля, въ 7-мъ часу вечера, мы замѣтили вдали, на краю горизонта, темную

---

*) Эти цыфровыя данныя отвосятся къ лѣту 1890 г.

полосу; то былъ, казалось, берегъ, даже можно было различить въ нѣкоторыхъ мѣстахъ очертанія горъ. По словамъ капитана, до берега еще не менѣе 50 миль, т. е. около 80 верстъ, а на такомъ разстояніи берегъ не можетъ быть виденъ. Капитанъ сказалъ, что виднѣющаяся темная полоса не берегъ, а „марево“ (миражъ). И дѣйствительно, часа черезъ два кажущійся берегъ исчезъ изъ вида. Наступила ночь, а берега все еще не видно. Солнце не скрылось за край горизонта, а дошло до поверхности воды и какъ бы остановилось. Какъ-то непривычно и странно видѣть незакатывающееся солнце, особенно при такой обстановкѣ: море тихо и гладко, какъ полированное, нѣтъ ни малѣйшей ряби, покуда хватитъ глазъ—всюду вода и вода, а надъ этою водяною, словно застывшею пустыней огненно-багровымъ шаромъ виситъ солнце; именно—виситъ: думается невольно, что вотъ—вотъ оно потонетъ въ морѣ.

Цвѣтъ солнца былъ какой-то особенный: не ослѣпительно яркій, а багрово-красный, но все же трудно выносимый для глазъ. По водѣ свѣтъ этотъ разсыпался въ тысячѣ переливовъ: тутъ было нѣчто не поддающееся описанію, что-то величественно-подавляющее, два стихійныя начала: огонь и вода, океанъ и солнце. Рѣдко въ жизни приходится ви-

дѣть такія чудныя картины, особенно у насъ на сѣверѣ, бѣдномъ красками. Въ третьемъ часу утра солнце довольно замѣтно поднялось отъ поверхности воды. Вмѣстѣ съ тѣмъ цвѣтъ его измѣнился, сдѣлавшись ярче, ослѣпительнѣе.

Наконецъ показался и берегъ, и замѣчательно—въ такомъ же точно положеніи, какъ 10 часовъ тому назадъ когда былъ миражъ. Спустя нѣсколько часовъ, пароходъ шелъ уже вблизи берега. Берегъ былъ чрезвычайно гористый, съ горами безконечно-однообразной формы; большинство горъ вершинами блестѣло на солнцѣ: на нихъ былъ снѣгъ. Глубокія долины покрывались синеватою мглой. Легкій туманъ много способствовалъ разнообразію и красотѣ общей картины. Но хотя открывшаяся картина и была хороша, однако въ ней чего то не хватало. А не хватало жизни, растительности: не было не только зелени—деревьевъ или кустарниковъ, но и мохъ, казалось, отсутствовалъ; все было пустынно—сѣро и дико. Особенно тягостна была тишина, и рѣдкіе крики гагарокъ не могли нарушить ее.

19-го іюля, утромъ, мы вошли въ проливъ Маточкинъ Шаръ. Проливъ этотъ напоминаетъ рѣку; онъ очень извилистъ, а берега его, то удаляются одинъ отъ другого, то приближаются, такъ что ширина его весьма

различна: въ узкихъ мѣстахъ до нѣсколькихъ сотъ саженъ, а въ широкихъ—верстъ до трехъ.

Въ 12 часу бросили якорь въ бухтѣ, образованной расширеніемъ пролива къ югу. При подошвѣ двухъ горъ, изъ ущелья, течетъ узенькою лентой рѣчка, вѣрнѣе—ручеекъ. Здѣсь расположено лѣтнее „становье“ самоѣдовъ, состоящее изъ трехъ или четырехъ чумовъ.

Въ становищѣ Маточкинъ Шаръ, пароходъ остановился для того, чтобы выгрузить привезенные самоѣдамъ припасы и взять натопленное самоѣдами звѣриное сало, шкуры звѣрей—нерпъ, бѣлухъ и дикихъ оленей.

Изъ становища Маточкинъ Шаръ мы вышли вечеромъ и пошли въ бухту Малыя Кармакулы, куда и пришли рано утромъ на другой день. Это главное становище; здѣсь зимовалъ штабсъ-капитанъ Тягинъ въ 1878 году, здѣсь устроена спасательная станція и скитъ.

На восточномъ берегу бухты построено два деревянныхъ дома со службами. Близъ нихъ двѣ деревянныхъ же небольшихъ церкви. Дома построены прочно; стѣны двойныя, промежутокъ между ними около двухъ футовъ; рамы тройныя. Комнаты свѣтлы и просторны: въ одномъ домѣ, побольше, ихъ три, въ другомъ двѣ. Послѣдній занимаютъ

самоѣды. При домахъ есть баня, кузница и большая кладовая; здѣсь хранятся спасательныя принадлежности: пробочные круги, складныя лѣстницы, веревки и проч.

— Вы не думайте, что, если стѣны толсты такъ мы и отъ вѣтра спасены, обратился ко мнѣ одинъ изъ братіи:—нѣтъ, въ сильныя мятели здѣшній вѣтеръ продуваетъ и двойную стѣну.

И нѣтъ ничего удивительнаго: по словамъ зимовавшихъ, вѣтры здѣсь бываютъ такъ сильны, что вихрь подхватываетъ съ земли мелкіе камешки и они разбиваютъ стекла въ окнахъ. А зимой нельзя устоять на ногахъ, когда поднимается „пурга“ (снѣжная буря); застигнутые въ дорогѣ путники немедленно ложатся въ снѣгъ и пережидаютъ въ такомъ положеніи бурю, хотя пришлось-бы пролежать и не одинъ день.

Послѣ осмотра дома, занимаемаго русскими, мы зашли въ самоѣдскій домъ. Послѣдній содержится грязнѣе и вообще менѣе привлекателенъ внутри, хотя оба дома построены одинаково, какъ по прочности, такъ и по отдѣлкѣ.

Осмотрѣвъ домъ для самоѣдовъ, мы направились въ церковь, которая тутъ же неподалеку высилась на небольшомъ холмикѣ. По скату его, близъ церкви, виднѣлось нѣсколько деревянныхъ крестовъ съ кучей камней у каждаго: это могилы. По наруж-

ному виду церковь скорѣе напоминаетъ часовню. Нѣсколько маленькихъ колоколовъ привѣшено снаружи, при входѣ, надъ небольшимъ крыльцомъ. Въ церкви между образами обращаетъ на себя вниманіе большая икона противъ лѣваго клироса — въ честь мученицы Нины, сооруженная усердіемъ штабсъ-капитана Тягина въ память рожденія его дочери Нины, первой уроженки Новой Земли *). Иконостасъ мѣстами потрескался отъ сырости. Въ алтарѣ есть печь, которую топятъ; но одной печи недостаточно, и зимой въ церкви бываетъ страшно холодно, а на престолъ нерѣдко наметаетъ снѣга (надо замѣтить, что снѣжная пыль здѣсь такъ мелка, что проникаетъ въ малѣйшія скважины). Служить приходится въ малицахъ, но, разумѣется, не безъ облаченій: малицы надѣваются снизу, подъ облаченія. Прихожане-самоѣды очень усердны къ храму и не пропускаютъ ни одной службы.

Въ періодъ мятелей нерѣдко болѣе недѣли нельзя не только выйти на улицу, но рисковано и дверь открыть: немудрено, если вихремъ выброситъ за дверь и тотчасъ замететъ снѣгомъ. Въ такое ненастное время новоземельцы отсиживаются около топящейся печи. Просидѣвъ иногда нѣсколько дней

*) Дочь Тягина—крестница Государыни Императрицы.

взаперти, по наступленіи болѣе тихой погоды приходится нерѣдко вылѣзать на свѣтъ Божій чердакомъ, чрезъ слуховое окно: снѣга наваливаетъ наравнѣ съ крышей; ужъ потомъ отъ выходной двери роютъ въ снѣгу туннель. И зимой у новоземельскихъ поселенцевъ большая часть времени уходитъ на возню со снѣгомъ. Воду приходится добывать посредствомъ таянія снѣга.

Нерѣдки посѣщенія царя полярныхъ странъ—бѣлаго медвѣдя. Очень распространено мнѣніе о свирѣпости и храбрости бѣлаго медвѣдя; мнѣніе это невѣрно: бѣлый медвѣдь, несмотря на свою величину (онъ длиннѣе бураго медвѣдя, хотя нѣсколько быть-можетъ и ниже его), далеко трусливѣе медвѣдя нашихъ лѣсовъ и рѣдко защищается, предпочитая скорѣе уйти прочь отъ человѣка.

Благодаря скорострѣльнымъ ружьямъ, самоѣды теперь успѣшно охотятся на бѣлыхъ медвѣдей и на оленей: въ продолженіе зимы пятью чумами добыто около 300 штукъ оленей и до десяти медвѣдей. Вообще промыселъ новоземельскихъ самоѣдовъ довольно великъ.

Псаломщики скита показывали мнѣ тоже нѣсколько нерпичьихъ шкуръ, добытыхъ собственною ихъ охотой, при чемъ одинъ изъ нихъ чуть было не погибъ.

Въ осмотрѣ скита и чумовъ, вперемежку

съ разсказами словоохотливыхъ монаховъ о случаяхъ изъ жизни минувшей зимовки, время шло быстро: мы не замѣтили, какъ наступилъ отъѣздъ, и съ сожалѣніемъ отправились въ шлюпку, доставившую насъ на пароходъ, гдѣ все уже было готово къ обратному отплытію.

---

6. Островъ Колгуевъ.

(П. В. Охочинскій).

Рѣзкую противоположность съ Новой Землей представляетъ Колгуевъ островъ, лежащій верстахъ въ 200 отъ Канинскаго Носа и по пространству равный среднему уѣзду внутренней Россіи (63 кв. мили). Вмѣсто громадныхъ скалъ и дикихъ ущелій, придающихъ новоземельской природѣ черты суроваго и гордаго величія, на Колгуевѣ глазъ видитъ одну лишь однообразную, кое-гдѣ испещренную озерами низменность, производящую на душу впечатлѣніе жалкой приниженности.

Унылое однообразіе Колгуева только на востокѣ и сѣверо-западѣ нарушается нѣсколько песчаными возвышенностями, подымающимися въ высоту футовъ до 200, на остальномъ пространствѣ онъ представляетъ плоскую равнину, почва которой состоитъ

изъ наносовъ и не имѣетъ ни одной каменной породы. Берега острова также ровны, однообразны, какъ и его внутренность. На всемъ ихъ 300 верстномъ протяженіи существуютъ лишь двѣ якорныя стоянки: Становой Шарокъ на востокѣ и устье рѣки Васькиной на югѣ, но и у нихъ входъ отчасти загороженъ „кошками“.

Печальный Колгуевъ, съ своимъ холоднымъ климатомъ, съ своей безплодной почвой, протаивающей лѣтомъ на глубину двухъ футовъ и покрытой мохомъ, да еще кой-какой чахлой растительностью, не удобенъ для постояннаго жительства. Здѣсь зимуютъ только самоѣды, оставленные русскими промышленниками для охоты въ продолженіе зимы на песцовъ, бѣлыхъ медвѣдей и другихъ звѣрей. Самоѣды, случалось, выживали въ этой пустынѣ по 10 лѣтъ сряду, тогда какъ русскіе въ первую же зиму дѣлались жертвою цынги. Такой участи подверглись, напримѣръ, тѣ раскольники, которые, спасаясь отъ преслѣдованій, въ концѣ XVIII столѣтія, переселились на Колгуевъ въ числѣ 40 человѣкъ и погибли всѣ, за исключеніемъ одного или двухъ. Въ маѣ, соотвѣтствующемъ въ тѣхъ широтахъ началу нашей весны, берега острова нѣсколько оживляются пріѣздомъ русскихъ промышленниковъ. Они охотятся на морскихъ звѣрей, добываютъ гагачій пухъ и нещадно изби-

ваютъ гусей, собирающихся на Колгуевъ несмѣтными стаями. Промысловая пора тянется до половины августа, когда наступаетъ холодная осень. Выпадаютъ снѣга, птицы мало-по-малу исчезаютъ, и скоро по необозримымъ бѣлымъ равнинамъ рыщутъ только бѣлые медвѣди, да съ воемъ проносятся вѣтры, заметая снѣгомъ бѣдное жилье оставшагося на зимовку самоѣда—убогаго сына убогой природы.

---

7. Сѣверное сіяніе, круги около солнца и луны, ложныя солнца и луны.

(П. В. Охочинскій).

Съ наступленіемъ холодной и мрачной зимы, въ періодъ мертваго оцѣпенѣнія природы, въ далекихъ глубинахъ сѣвернаго неба загораются огни сѣверныхъ сіяній. Вотъ какъ Пайеръ описываетъ это чудное явленіе полярныхъ странъ. „Въ какой-либо сторонѣ горизонта стоитъ легкое облачко; верхніе края его освѣщены, изъ нихъ выступаетъ свѣтлая лента, которая расширяется, дѣлается свѣтлѣе и подымается къ зениту. Цвѣтъ ея такой же, какъ и свѣтлой дуги облачка, но напряженіе свѣта сильнѣе. Постоянно играя, лента мѣняетъ медленно, но непрерывно, мѣсто и видъ. Она широка,

и ея яркій бѣло-зеленый цвѣтъ чудно выдѣдѣляется на темномъ фонѣ неба. Вдругъ она завилась спиралью, но извивы спирали не покрываютъ другъ друга и задніе отчетливо обозначаются черезъ свѣтъ переднихъ. По всему протяженію ленты колеблясь крадутся волны свѣта, двигаясь, то справа налѣво, то слѣва направо; повидимому онѣ перекрещиваются и появляются то на передней, то на задней сторонѣ спиральнаго извива. Лента опять завилась по всей длинѣ и расположилась красивыми складками; кажется, что высоко въ воздухѣ вѣтеръ таинственно играетъ этой широкой пламенной полосой, конецъ которой теряется тамъ, въ дали горизонта. Свѣтъ становится ярче, волны быстрѣе слѣдуютъ одна за другой, на верхнемъ и нижнемъ краяхъ ленты выступаютъ радужные цвѣта, болѣе нѣжное сіяніе въ серединѣ окаймляется узкими полосками, на верху красной, внизу зеленой. Изъ одной ленты сдѣлалось двѣ, верхняя болѣе и болѣе приближается къ зениту; изъ нея начинаютъ выбрасываться лучи по направленію къ точкѣ вблизи небеснаго полюса.

„Вокругъ небеснаго полюса по всѣмъ направленіямъ выбрасываются и сверкаютъ короткіе лучи, на краяхъ которыхъ замѣтны призматическіе цвѣта; болѣе длинные лучи чередуются съ короткими; волны свѣта быстро

измѣняясь, обѣгаютъ центръ. То, что мы видимъ, есть вѣнецъ сіянія.

„Спустя нѣкоторое время вѣнецъ пропадаетъ; лента стоитъ теперь на сѣверной сторонѣ небеснаго свода, она постепенно опускается и потухаетъ или возвращается опять къ югу, чтобы начать прежнюю игру. Явленіе тянется по цѣлымъ часамъ и безпрестанно мѣняетъ мѣсто, видъ, напряженіе; часто на минуту оно совсѣмъ исчезаетъ, чтобы опять появиться, наблюдатель не можетъ дать себѣ отчета, какъ оно пришло, какъ оно ушло—оно просто существуетъ“.

Сѣверное сіяніе не всегда имѣетъ описанный видъ, иногда вмѣсто свѣтлой ленты образуются отдѣльные лучи, которые быстро то поднимаются, то опускаются. Все явленіе постепенно удаляется отъ горизонта и приближается къ полюсу. Быстрѣе и быстрѣе слѣдуютъ волны свѣта; онѣ взаимно покрываются, перекрещиваются и перегоняютъ другъ друга; цѣлые пучки лучей стремятся къ зениту. Наконецъ они достигли этой точки, и, вдругъ, во всѣ стороны отъ нея засверкали огненныя линіи. Невозможно разобрать, двигаются ли эти въ одно время красные, бѣлые и зеленые лучи вверхъ и внизъ. Скоро все небо стоитъ въ пламени, и яркіе лучи добѣгаютъ почти до горизонта; свѣтлое облачко широкой полосой проходитъ черезъ полюсъ, опираясь концами въ

края небеснаго свода—оно превратилось въ огненную рѣку, въ которой одна за другой съ невѣроятной быстротой катятся свѣтовыя волны. Невольно наблюдатель напрягаетъ слухъ, стараясь уловить какой-либо шумъ, но въ природѣ царитъ глубокая тишина, и ни единый звукъ не нарушаетъ таинственнаго безмолвія окрестной пустыни. Такъ же быстро, какъ наступило, исчезаетъ явленіе.

Вообще сѣверныя сіянія являются въ весьма разнообразныхъ формахъ. Они имѣютъ видъ то свѣтлыхъ дугъ съ блестящими шарами, то млечнаго пути, то разъединенныхъ свѣтящихся полосъ и пятенъ, и нерѣдко во время самаго явленія одна изъ этихъ формъ переходитъ въ другую. Чаще всего сіянія случаются около равноденствій, именно, въ мартѣ, апрѣлѣ, сентябрѣ и октябрѣ мѣсяцахъ.

Другое явленіе, свойственное полярной природѣ, представляютъ круги около солнца и луны. Это явленіе зависитъ отъ преломленія и отраженія свѣта въ ледяныхъ и снѣжныхъ кристаллахъ, носящихся въ морозномъ воздухѣ и состоитъ изъ цвѣтныхъ круговъ около свѣтила, окрашенныхъ внутри краснымъ, а снаружи фіолетовымъ цвѣтомъ. Иногда образуются бѣлые круги, параллельно горизонту, такой же ширины, какъ и свѣтило, черезъ которое они про-

ходятъ. Случается, что при этомъ появляется и вертикальная полоса, и все явленіе имѣетъ форму креста, обрамленное цвѣтными кольцами. Вблизи тѣхъ точекъ, гдѣ эти полосы пересѣкаются съ цвѣтными кругами, образуются ложныя солнца и луны, которые бываютъ окрашены въ разные цвѣта, какъ и кольца, и часто имѣютъ на сторонѣ противоположной свѣтилу продолженіе въ родѣ хвоста, которое распространяется за предѣлы ихъ круга. Когда явленіе полное, что бываетъ впрочемъ рѣдко, то оно состоитъ по крайней мѣрѣ изъ 13 колецъ или частей колецъ, въ точкахъ пересѣченія которыхъ образуются ложныя солнца и луны.

---

8. Полярная гроза.

(К. Носиловъ).

Жители далекаго, суроваго сѣвера недаромъ окружили таинственнымъ ореоломъ полярныя страны. Далекія, недоступныя, во льдахъ Ледовитаго океана, то погруженныя въ вѣчныя сумерки долгой, суровой зимой, то освѣщенныя незаходящимъ лѣтомъ солнцемъ, онѣ не даромъ рисуются воображенію простого человѣка, какъ какая-то таинственная страна нашего свѣта.

Дѣйствительно, этотъ прозрачный, неза-

мѣтный для глаза воздухъ, сквозь который такъ ясно видны самые отдаленные предметы, эти чудные ни съ чѣмъ несравнимые миражи на спящемъ горизонтѣ моря въ лѣтнее время, по которому то обрисуется передъ вами смутный силуетъ невѣдомаго, далекаго острова, то проплыветъ морское судно съ бѣлыми, неподвижными парусами, то встанутъ словно вотъ вблизи на самомъ дѣлѣ причудливые глетчерные льды, эти кольца кругомъ солнца, эти фантастическія сѣверныя сіянія, которыя бороздятъ зимой темный звѣздный небосклонъ, словно зарево громаднаго небеснаго пожара, и другія подобныя явленія сѣверной природы хотя кого могутъ удивить, поразить, заставить содрогнуться, заставить задуматься надъ неуловимыми еще нашимъ умомъ законами природы.

Даже грозы, тѣ грозы, которыми мы такъ здѣсь любуемся въ теплыя, лѣтнія ночи, когда все насъ окружающее словно вспыхиваетъ при ослѣпительномъ блескѣ молніи, когда въ темномъ небѣ, въ облакахъ перекатывается эхомъ оглушительный громъ заставляя вздрагивать землю, даже тѣ, тамъ, въ полярныхъ странахъ, бываютъ, совсѣмъ другими, словно тамъ, дѣйствительно,—какая-то сказочная страна, гдѣ все бываетъ не такъ, какъ подъ нашимъ небомъ.

Я какъ сейчасъ вижу первую грозу, ко-

торую я наблюдалъ на о. Новой Землѣ. Она произвела на меня сильное впечатлѣніе...

Это было въ ночь на 11 Іюля 1888 г., на западномъ берегу этого полярнаго острова.

Еще днемъ, подъ вечеръ, наканунѣ этой достопамятной ночи, мы слышали слабые, отдаленные раскаты грома, доносившіеся до насъ съ моря. Первый раскатъ такой записанъ въ моемъ метеорологическомъ дневникѣ въ 4 часа дня.

Мы полагали сначала, что это эхо выстрѣловъ съ норвежскихъ судовъ, которые промышляютъ въ открытомъ морѣ на плавучихъ льдахъ моржей и порой гоняются за китами, стрѣляя ихъ маленькими пушками; мы думали сначала, что это трещатъ глетчерные льды; ихъ трескъ въ морѣ порой бываетъ похожъ на выстрѣлъ изъ пушки, но, послѣ, оказалось, что это была ошибка.

Весь вечеръ прошелъ безъ всякаго признака грозы; барометръ стоялъ ровно, температура воздуха не колебалась особенно, слѣдуя обычнымъ дневнымъ, суточнымъ ходомъ, вечеръ былъ ясный, тихій, теплый; я уже подумывалъ на завтра вписать въ дневникъ противъ этой записи, что это былъ, вѣроятно, трескъ глетчерныхъ льдовъ, какъ вдругъ, ночью, когда мы уже спали, словно что-то треснуло надъ самой нашей крышей

домика, треснуло такъ, что я сразу проснулся и вскочилъ съ постели.

Въ первый моментъ мнѣ показалось, что у насъ сорвало крышу, потомъ я подумалъ что отвалился ледяной обрывъ нашего берега въ море, такъ былъ не похожъ громъ грозы на то, что мы привыкли слышать даже въ гористыхъ странахъ нашей родины.

Привыкшій къ разнымъ сюрпризамъ этого полярнаго острова, я живо накинулъ на себя пальто и выбѣжалъ на улицу.

Но тамъ ровно ничего, казалось, въ первую минуту не говорило о томъ, что случилось только что за минуту. Солнце ярко свѣтитъ изъ-подъ нависшихъ облаковъ. Легкій вѣтерокъ съ сѣверо-востока тихонько гонитъ мелкую волну къ нашему берегу и море тихо, тихо какъ вчера. Ледяной обрывъ берега, что нависъ надъ водой и подмытъ ея волнами въ бури,—тутъ. Крыша домика—на мѣстѣ. Но, зайдя за домъ, я сразу догадался, гдѣ причина.

Съ юга на насъ надвигается три темныхъ, небольшихъ облачка. Темныя, круглыя, съ закругленными краями, они совсѣмъ, совсѣмъ низко плывутъ, надвигаясь на нашъ берегъ съ моря, бросая на него черную тѣнь. Они плывутъ почти противъ вѣтра.

Вотъ одно, первое изъ нихъ—уже надъ нашей бухтой, закрываетъ солнце; вода

становится темная; горы, поверхность тундры сразу принимаютъ мрачный видъ; наступаетъ полная тишина, словно вотъ-вотъ природа ожидаетъ удара молніи, но облако проплываетъ тихо надъ нами, даже не уронивъ капли на землю.

Вслѣдъ ему сюда же надвигается другое, еще большее. Оно еще темнѣе, почти черное, идетъ по тому же направленію противъ вѣтра; бухта, море, горы, земля, все окружающее насъ становятся еще мрачнѣе, и вдругъ, трескъ, трескъ съ блескомъ молніи, словно вотъ надъ самымъ ухомъ треснули тысячи лучинъ, горы освѣтились слабо свѣтомъ молніи, и нѣтъ ни раската ни капли.

Облако подходитъ къ вершинѣ ближайшей горы; закутываетъ ее на нѣсколько минутъ; раздается въ горахъ еще трескъ, и скрывается за ней, уступая мѣсто яркимъ лучамъ только-что поднявшагося солнца.

Я остаюсь ждать третьяго облака, которое пріотстало.

Минутъ черезъ десять полной тишины, оно снова надъ нашей бухтой; снова все принимаетъ мрачный видъ; морскія чайки, было вылетѣвшія на поверхность воды изъ подъ ближайшихъ скалъ, снова скрываются въ своихъ убѣжищахъ; все притихаетъ и снова трескъ, оглушительный трескъ и мол-

нія, и крупныя капли застучали о камень острова, отскакивая отъ него и разлетаясь брызгами въ стороны.

Но съ темнаго облака пало мало этихъ капель, онѣ были рѣдки, у облака уже не было достаточно влаги, и оно словно обезсилѣло, уже несясь, быть можетъ, нѣсколько сутокъ къ этому острову, быть можетъ съ далекаго юга.

Черезъ полъ-часа грозы уже какъ небывало, и больше не слышно было ни грома, ни раскатовъ, ни треска, который меня такъ поразилъ въ этой полярной странѣ...

Грозы въ полярныхъ странахъ весьма рѣдки: ни въ тотъ годъ, лѣто, ни въ слѣдующее—я уже не видалъ больше грозы, какъ и на третій годъ моей зимовки на этомъ островѣ; самоѣды—жители его тоже говорятъ, что они видѣли грозу на Новой Землѣ только изрѣдка, годами, и вторую грозу мнѣ пришлось наблюдать уже не на этомъ островѣ, до котораго она быть можетъ и не могла дойти, а въ открытомъ Ледовитомъ океанѣ, когда я возвращался съ этого острова на материкъ и былъ на половинѣ пути между Новой Землей и Бѣлымъ моремъ.

9. Область крайняго сѣвера.

Географическій очеркъ.

(Я. Рудневъ.)

I.

Двѣ губерніи Европейской Россіи, Архангельская и Вологодская, по своей природѣ и быту населенія, составляютъ какъ бы одно цѣлое — самостоятельную естественную область *крайняго сѣвера* или *Бѣломорскій край*. Область эта почти цѣликомъ совпадаетъ съ бассейномъ рѣкъ Сѣвернаго Ледовитаго океана, за исключеніемъ южной части Вологодской губерніи, захватывающей часть Волжскаго бассейна. На востокѣ она упирается въ Уральскіе горы, отдѣляющія ее отъ Сибири, на югѣ граничитъ съ губерніями Пермской и Вятской, снабжающими сѣверъ своимъ хлѣбомъ, Костромской и Ярославской; на западѣ она ограничена губерніями Новгородской, Олонецкой и Финляндіей, на сѣверо-западѣ примыкаетъ къ Норвегіи, а на сѣверѣ омывается водами Ледовитаго океана.

На огромномъ пространствѣ раскинулся этотъ край, занимающій по своей обширности первое мѣсто между всѣми другими областями Европейской Россіи. Площадь его составляетъ одну пятую часть площади

всей Европейской Россіи и болѣе чѣмъ въ два раза превосходитъ площадь Франціи. Одна Архангельская губернія занимаетъ 754.744 квадр. версты. Вологодская губернія почти въ половину меньше Архангельской, но и ея площадь громадна: 353.882 квадр. версты, т. е. больше Великобританіи или Европейской Турціи.

Большая часть сѣвернаго края представляетъ обширную равнину (Сѣверо-русская низменность), наклоненную къ Ледовитому океану ровнымъ, почти нечувствительнымъ скатомъ, по которому медленно текутъ рѣки, дѣлая огромныя извилины. На востокѣ эта равнина отдѣляется отъ Сибирской горами Сѣвернаго или пустыннаго Урала. Уралъ начинается въ 30 верстахъ Карскаго моря не высокой (75 саж.) горою Константиновскій камень и тянется въ предѣлахъ Архангельской губерніи въ видѣ невысокой цѣпи горъ, лишенной лѣсной растительности на своихъ склонахъ. Вступивъ въ Вологодскую губернію, Уралъ постепенно повышается и образуетъ дикую, недоступную мѣстность. Отъ своего западнаго, болѣе крутого склона, онъ отдѣляетъ множество боковыхъ отроговъ, изъ которыхъ иные переходятъ даже на лѣвый берегъ Печоры, и тянутся на югъ, къ рѣкѣ Вычегдѣ и границамъ Чердынскаго уѣзда (Пермск. г.). Эти отроги, носящіе у мѣстныхъ жителей названіе *парма* (на зы-

рянскомъ языкѣ означаетъ лѣсистое плоскогоріе), представляютъ длинныя, сравнительно не широкія гряды, поросшія сосновымъ или кедровымъ лѣсомъ. Между пармами залегаютъ или рѣчныя долины, или болотистые, мало доступные для человѣка лѣса. Мѣстами надъ лѣсистыми пармами поднимаются обнаженныя вершины горъ, достигающихъ иногда большей высоты, чѣмъ вершины главнаго хребта, напр., гора *Тельпосъ-Исъ*—самая высокая (5433 ф.) вершина сѣвернаго Урала.

За долиной рѣки Кары отдѣляется отъ сѣвернаго Урала невысокій хребетъ *Пай-Хой*, направляющійся на сѣверо-западъ къ Вайгачскому проливу. Онъ переходитъ на островъ Вайгачъ, а затѣмъ и на Новую Землю; впрочемъ, по новѣйшимъ изслѣдованіямъ, горы сѣвернаго острова Новой Земли не могутъ считаться продолженіемъ Пай-Хоя.

Отъ одной изъ пармъ (Жежемы), примыкающей къ Уралу въ Вологодской губерніи, въ сосѣдствѣ съ истоками рѣки Печоры, отходитъ въ сѣверо-западномъ направленіи *Тиманская гряда*. Она дѣлитъ сѣверно-русскую низменность на двѣ части: Печорскій край и Сѣверо-Двинскій край, и служитъ водораздѣломъ между бассейномъ Печоры и бассейнами Мезени и Сѣверной Двины, прерываясь долинами притоковъ, питающихъ эти рѣки. Мѣстами Тиманская гряда дости-

гаетъ 650 и 820 фут. высоты, и на сѣверной ея оконечности одна вершина поднимается до 900 футовъ. Тиманская гряда развѣтвляется въ видѣ вѣера у береговъ Чесской губы и посылаетъ одинъ изъ своихъ отроговъ на полуостровъ Канинъ, образуя его внутреннюю возвышенность, оканчивающуюся мысомъ Каниным. Островъ Колгуевъ, отдѣленный неглубокимъ проливомъ отъ материка, можетъ быть разсматриваемъ, какъ естественное продолженіе Тиманской гряды.

Сѣверно-русская низменность отдѣляется отъ низменности Поволжья цѣпью возвышенностей, которыя носятъ названіе *Сѣверныхъ Уваловъ*. Цѣпь этихъ возвышенностей только между Ураломъ и Сысолой (лѣвый притокъ Вычегды) поднимается на высоту, замѣтную для глаза. Дальше на западѣ онѣ понижаются и, какъ и вся остальная юго-западная и средняя часть Вологодской губерніи, представляютъ однообразную, слегка волнистую равнину, перерѣзанную множествомъ рѣчныхъ долинъ и овраговъ.

Съ запада Сѣверно-русская низменность ограничена отраслями возвышенностей Финляндіи. Уже въ Камскомъ уѣздѣ Архангельской губерніи мѣстность очень неровная, пересѣченная углубленіями и во многомъ сходная съ сѣверной Финляндіей; граниты, гнейсы и другія кристаллическія породы

разбросаны въ видѣ валуновъ въ громадномъ количествѣ, какъ здѣсь, такъ и на Кольскомъ полуостровѣ. Поверхность этого полуострова представляетъ нагорье, по которому расходятся отроги Скандинавскихъ горъ. По Мурманскому берегу горы представляютъ утесистыя прибрежныя скалы; по мѣрѣ удаленія на востокъ онѣ понижаются и у Бѣлаго моря имѣютъ небольшую высоту съ отлогими склонами. Въ средней части полуострова, на востокѣ отъ озера Имандра, горы достигаютъ наибольшей высоты, образуя высокій Хибинскій хребетъ, остроконечныя вершины котораго покрыты вѣчными снѣгами. Въ отличіе отъ восточной части Архангельской губерніи, здѣсь скалистыя горы, лишенныя лѣсной растительности, называются *тундрами;* горы, покрытыя до верху лѣсомъ, носятъ названіе *вараковъ*. Между горами залегаютъ обширныя моховыя болота, на поверхности которыхъ выступаютъ камни валуны. Высокіе утесы Кольскаго полуострова, то обнаженные, то сплошь, то до половины одѣтые лѣсомъ, шумно пробирающіяся между этими утесами порожистыя рѣки представляютъ для путешественника по Лапландіи цѣлый рядъ разнообразныхъ, дикихъ, но не лишенныхъ прелести картинъ.

II.

Сѣверо-западная часть сѣвернаго края, подобно находящейся по сосѣдству Финляндіи, очень богата озерами. Здѣсь находятся главныя озера этого края: *Кунто*, затѣмъ, Топозеро, Пявозеро, Ковдозеро; эти три озера соединены между собою и съ Кандалакскимъ заливомъ протоками и мелкими озерами. Озеро Ковдо усѣяно островами, лежитъ на 120 футовъ надъ уровнемъ моря. Рѣка, соединяющая Ковдозеро съ Пявозеромъ, доступна для лодокъ и образуетъ на своемъ пути нѣсколько озеръ; путь этотъ длиненъ, зато проходитъ по населеннымъ мѣстамъ, мимо корельскихъ деревень и поселковъ. Пявозеро больше предыдущаго и достигаетъ 50 верстъ въ длину и 30 въ ширину, но на берегахъ этого огромнаго воднаго пространства лежитъ только восемь корельскихъ деревушекъ, изъ которыхъ въ самой большой всего четырнадцать дворовъ. Топозеро еще больше Пявозера, лежитъ въ низкихъ лѣсистыхъ берегахъ и соединяется съ послѣднимъ рѣкою Софьею, которая при выходѣ изъ Топозера, падаетъ могучимъ и величественнымъ водопадомъ, но дальше течетъ тихо и спокойно.

Самое большое изъ озеръ сѣвернаго края— Имандра (100 в. длины и до 30 вер. шири-

ны) въ Лапландіи, занимающее по своей величинѣ третье мѣсто въ Европейской Россіи послѣ озеръ Онежскаго и Ладожскаго Озеро это привлекаетъ своей дикой красотой вниманіе путешественника. „Вдали, ограничивая его воды, синѣютъ горы берега, какъ прозрачнымъ бѣлымъ пологомъ, закутанныя легкимъ туманомъ. Что-то величественное въ этой громадѣ. Чувствуешь, что заснуло или притворилось спящимъ это сѣрое чудовище—и вотъ проснется, гнѣвно поднимется, разбушуется, а, можетъ быть, только помутить захочется ему, показать свою силу, а между тѣмъ гибель и разрушеніе принесетъ съ собою эта шутка. И, сознавая свое безсиліе передъ грозной и необузданной силой стихіи, какъ-то страшно становится за бѣдное маленькое лопарское жилище, пріютившееся на берегу этой холодной, страшной громады“ (В. Х.). Сообщеніе на лодкахъ по озеру не всегда безопасно, такъ какъ вѣтеръ или буря налетаетъ внезапно и глубоко бороздитъ за минуту предъ тѣмъ спокойныя волны. При сильномъ вѣтрѣ лопари не отваживаются пускаться въ путь, а если ихъ внезапно застигаетъ буря на озерѣ, то причаливаютъ къ пустынному берегу и иногда долго ждутъ, пока не утихаетъ волненіе, пока расчистится небо и воды озера не заблещутъ своей ослѣпительной синевой. Берега озера очень

живописны. На востокѣ высятся снѣжныя вершины Хибинъ; мягкими очертаніями горы выступаютъ и на западномъ берегу, въ который озеро вдается нѣсколькими длинными и широкими заливами. Рѣзко отличаясь своимъ зеленымъ цвѣтомъ отъ снѣговъ на вершинахъ горъ, разстилаются причудливыми пятнами по ихъ склонамъ поросшія ягелемъ мѣста—„кегоры“, служащія лѣтнимъ пастбищемъ для лопарскихъ оленей.

Рѣки Кольскаго полуострова или Лапландіи текутъ или въ сѣверный Ледовитый океанъ или въ Бѣлое море. Водораздѣлъ между этими двумя покатостями очень незначителенъ, и на пути изъ Кандалакши въ Колу въ одномъ мѣстѣ только на пространствѣ одной версты нѣтъ непрерывный водной связи между Бѣлымъ моремъ и Ледовитымъ океаномъ. Рѣки Лапландіи довольно многочисленны, но онѣ такъ быстро текутъ, такъ порожисты, что очень мало имѣютъ значенія, какъ водные пути. Изъ рѣкъ, текущихъ на сѣверъ, крупнѣе другихъ рѣка *Кола*, принимающая съ лѣвой стороны притокъ *Тулому*. Берега Колы, обрамленные крутыми скалами, то покрытыми лѣсомъ, то обнаженными, очень живописны; рѣка шумно мчится по порогамъ, и только на небольшихъ разстояніяхъ по ней можно плыть въ лодкѣ. Тулома славится пятью большими порогами и однимъ величествен-

нымъ водопадомъ, самымъ крупнымъ во всей Лапландіи. Среди мрачныхъ, утесистыхъ и поросшихъ лѣсомъ береговъ, рѣка падаетъ съ высоты 5—6 саженъ, съ страшнымъ шумомъ скатываясь громадными волнами, разбивающимися о скалы въ бѣлую пѣну. *Поной*, одна изъ болѣе длинныхъ рѣкъ Лапландіи, впадающая въ Бѣлое море недалеко отъ выхода въ океанъ, имѣетъ также быстрое и усѣянное каменистыми мелями теченіе. Недалеко отъ своего устья Понай стремительно течетъ по порогамъ среди отвѣсныхъ скалъ; даже въ самыя суровыя зимы пороги остаются свободными и рѣка кипитъ въ нихъ ключомъ, оглашая шумомъ своихъ водъ пустынныя окрестности.

Остальная часть сѣвернаго края, несмотря на свою обширность, сравнительно, не богата рѣками. Главныя рѣки этого края: Онега, Сѣверная Двина, Мезень и Печора.

Онега беретъ начало въ предѣлахъ озернаго края, а сѣверному краю принадлежитъ только своимъ нижнимъ теченіемъ. Названіе этой рѣки производятъ отъ одного финскаго слова, означающаго „шумящій“, что имѣетъ нѣкоторое правдоподобіе, такъ какъ на Онегѣ дѣйствительно есть во многихъ мѣстахъ каменистые пороги, которые дѣлаютъ плаваніе по ней затруднительнымъ, особенно въ лѣтнее время. При устьѣ, во время прилива, Онега кажется полновод-

ною, но при отливѣ мелѣетъ, хотя глубина бываетъ не меньше трехъ саженъ. Прежде берега Онеги были обрамлены дремучими лѣсами; теперь лѣса порѣдѣли, но все-таки на берегахъ ея остались еще значительные запасы лѣса, который вырубается и сплавляется по Онегѣ къ морю.

Самая значительная и самая важная рѣка сѣвернаго края—*Сѣверная Двина*. Она вмѣстѣ со своими притоками орошаетъ лучшія части этого края, многоводна и, сближаясь своими верховьями съ Волгой и рѣками озерной области, съ которыми соединена искусственно (каналомъ Принца Александра Виртембергскаго, между р. Порозовицей и Шексной), представляетъ удобный путь къ Бѣлому морю. Сѣверная Двина образуется изъ сліянія рѣкъ *Сухоны* и *Юга*. Сухона вытекаетъ изъ Кубенскаго или Кубинскаго озера, самаго большаго изъ многочисленныхъ озеръ Вологодской губерніи. Наибольшая длина озера 60 верстъ, но въ ширину оно нигдѣ не имѣетъ больше 10 верстъ. Сѣверо-восточные берега озера такъ низки, что затопляются водой на нѣсколько верстъ отъ обыкновенной черты не только во время весенняго половодья, но даже весною и лѣтомъ при сильныхъ дождяхъ. Поэтому на сѣверо-восточномъ берегу совсѣмъ нѣтъ селеній. Юго-западный берегъ окаймленъ небольшими возвышенностями,

расположенными въ недальнемъ разстояніи отъ воды; у юго-восточнаго угла озера, близъ выхода Сухоны, возвышенности эти отдѣляются отъ берега низменною, болотистою, поемною полосою. Вся юго-западная прибрежная сторона хорошо обработана и очищена отъ лѣсной растительности. Кубенское озеро очень мелко (1—6 саж.) особенно у береговъ и усѣяно мелями; фарватеръ тянется узкою полосою по срединѣ озера. Кромѣ того, озеро очень бурно и и потому плаваніе судовъ по нему сопряжено съ большими затрудненіями. На большихъ пространствахъ Кубенское озеро поросло осокой и другими водными растеніями. Обиліе озера растительными веществами, прогрѣваніе солнцемъ мелководныхъ мѣстъ, обиліе притоковъ, изъ которыхъ одни текутъ по иловатому, другіе по песчаному дну,—все это чрезвычайно способствуетъ размноженію рыбы въ озерѣ. Въ старину Кубенское озеро славилось своими рыбными богатствами, но теперь, вслѣдствіе истребительнаго лова рыбы, количество рыбы въ озерѣ сильно поубавилось.

Отъ своего выхода изъ Кубенскаго озера до сліянія съ Югомъ, т. е. до образованія Сѣверной Двины, Сухона имѣетъ 523 протяженія. Въ верхней половинѣ своего теченія, до города Тотьмы, она глубже и удобнѣе для судоходства, чѣмъ въ нижней по-

ловинѣ, гдѣ очень много пороговъ. По фарватеру много грядъ, переборовъ, а песчаныя мели мѣняются по нѣскольку разъ въ навигацію. Весною по Сухонѣ могутъ ходить суда съ осадкой до 8 четвертей, но съ іюня вода быстро падаетъ и судоходство становится очень затруднительно. Берега Сухоны до Тотьмы и дальше почти сплошь покрыты лѣсомъ. Очень не долюбливаютъ этотъ цѣнный лѣсъ капитаны пароходовъ, ходящихъ по Сухонѣ: большія деревья, подмываемыя водой, то и дѣло падаютъ въ рѣку и нерѣдко ломаютъ пароходныя колеса.

По мѣрѣ приближенія къ Тотьмѣ, берега рѣки растутъ и становятся замѣчательно живописными. Между темныхъ лѣсовъ широкими изгибами бѣжитъ рѣка, постоянно подернутая струями вслѣдствіе быстроты паденія. Отъ времени до времени скользитъ вдоль малчащихъ лѣсовъ тихимъ ходомъ одинокій каюкъ или тянется узкій бревенчатый плотъ, по мѣстному „ведило“, и на немъ разведенъ костеръ, возлѣ котораго обрисовываются ночью ярко-краснымъ цвѣтомъ фигуры рабочихъ за котелкомъ, а днемъ—высится голубая струйка дыма. Такіе же костры виднѣются по берегамъ“ (К. Случевскій). Вообще Сухона самая красивая изъ мѣстныхъ рѣкъ. Ниже Тотьмы она еще красивѣе. Берега высоки и чѣмъ дальше, тѣмъ становятся выше. Тянутся по

нимъ безконечные лѣса и довольно часто попадаются села съ старинными церквами, съ красивыми большими избами, которыя здѣсь строятся обыкновенно въ два этажа, съ балкончиками и далеко выдающимися впередъ навѣсами крышъ. Сухона быстро течетъ, перебираясь черезъ пороги: пароходъ то и дѣло идетъ тихимъ ходомъ и производятся промѣры. Самое опасное и самое красивое мѣсто Сухоны—это Опоки. Здѣсь рѣка дѣлаетъ крутой изгибъ и стремительно мчится черезъ порогъ или „переборъ“ длиною немного менѣе версты. Лѣвый берегъ рѣки, совершенно обнаженный и состоящій изъ множества правильныхъ пластовъ, поднимается въ этомъ мѣстѣ надъ уровнемъ рѣки футовъ на 200.

Сухона сливается съ Югомъ у города Великаго Устюга на широкой равнинѣ, которая окаймлена на далекомъ разстояніи невысокими лѣсистыми холмами. Отъ этого мѣста на протяженіи 66 верстъ Двина называется Малою Двиною. Уже здѣсь воды въ ней достаточно, она доступна для большихъ судовъ и имѣетъ около версты ширины. Тутъ же начинаются прибрежные пески, подвижные острова, своенравные двинскіе протоки или рукава, и не покидаютъ путешественника до самаго Архангельска. Пробираясь лѣсами и болотными низинами, Двина забираетъ изъ множества рѣ-

чекъ и нѣсколькихъ крупныхъ притоковъ огромное количество воды и мѣстами разливается до 3—7 верстъ въ ширину. Размывая свои рыхлые, тундристые берега, рѣка въ то же время встрѣчаетъ на своемъ пути плотные, глинистые хрящи и потому часто разбивается на множество рукавовъ, изъ которыхъ одинъ всегда остается широкимъ, глубокимъ и главнымъ. Особенно часто завязываются эти рукава послѣ соединенія Двины съ Пинегою. Дальше, за Архангельскомъ, она развѣтвляется на новые протоки и пятью главными устьями, не считая второстепенныхъ, омывающихъ множество острововъ, вливается въ Двинскій заливъ Бѣлаго моря.

Тихо и величаво течетъ Двина среди своихъ крутыхъ, глинистыхъ береговъ, мѣстами поросшихъ вѣковымъ хвойнымъ лѣсомъ. За 150 верстъ отъ устья лѣвый ея берегъ становится низменнымъ, но правый остается гористымъ до самаго конца теченія. Въ весеннюю пору отъ этихъ береговъ часто отрываются безъ всякаго предупреждающаго шума огромныя земляныя глыбы и съ шумомъ падаютъ въ воду, засоряя рѣку, а иногда губя и суда. Глинистые, прорѣзанные оврагами берега Двины бѣдны картинными видами и все больше и больше тяготятъ своимъ безлюдьемъ и однообразіемъ по мѣрѣ приближенія къ сѣверу. Можетъ

быть поэтому русскій народъ и не воспѣвалъ Сѣверную Двину въ своихъ пѣсняхъ, хотя эта рѣка имѣла и имѣетъ огромное значеніе въ жизни нашего сѣвера.

Движеніе грузовъ по Двинѣ очень дѣятельно, но, къ сожалѣнію, рѣка остается почти въ первобытномъ состояніи, и потому лоцманы не всегда могутъ предупредить крушенія судовъ. Двину необходимо очистить отъ камней, углубить и точнѣе обозначить ея фарватеръ, на что, впрочемъ, уже обратило вниманіе Министерство Путей Сообщенія.

Хотя Двина около двухсотъ дней въ году покрыта льдомъ, но очень богата рыбой. Изъ Камы по Екатерининскому каналу (между двумя Кельтмами, изъ которыхъ одна течетъ въ Вычегду, другая въ Каму; теперь этотъ каналъ упраздненъ) въ Двину проникла дорогая стерлядь и замѣчательно въ ней размножилась. Кромѣ стерляди, въ Двинѣ добываютъ въ значительномъ количествѣ навагу, нельму и налима.

Самые крупные притоки Сѣверной Двины: *Вага* съ лѣвой, *Вычегда* и *Пинега* съ правой стороны. Самый важный изъ этихъ притоковъ—Вычегда, занимающая по своему протяженію, глубинѣ и ширинѣ, первое мѣсто послѣ главной рѣки. Она имѣетъ болѣе тысячи верстъ длины судоходна на протяженіи 700 верстъ и принимаетъ до 200

притоковъ, изъ которыхъ иные судоходны. Общимъ видомъ своихъ береговъ, своими переносными мелями и размываніемъ береговъ Вычегда сильно напоминаетъ Сѣверную Двину, но течетъ гораздо быстрѣе ея. При устьѣ этой рѣки стоитъ селеніе Котласъ, которое является конечнымъ пунктомъ назначенной уже къ сооруженію Пермь-Вятка-Котласской желѣзной дороги.

Мезень на картѣ является довольно значительною рѣкою по своей длинѣ и обширности своего бассейна. Она течетъ вдоль западной окраины Тиманской гряды, принимаетъ большое количество притоковъ и впадаетъ въ Мезенскую губу Бѣлаго моря. При устьѣ она имѣетъ около версты въ ширину, но доступна для пароходовъ только во время прилива, который движется съ такою быстротою, что суда съ трудомъ удерживаются на якоряхъ. Во время отлива Мезень превращается въ небольшую мутную рѣченку, текущую по извилистому фарватеру, среди камней и песковъ.

Печора, главная рѣка восточной части сѣвернаго края, длиннѣе Сѣверной Двины, но площадью своего бассейна захватываетъ менѣе значительное пространство. Эта огромная рѣка, богатая рыбою въ своихъ водахъ, лѣсомъ и пушнымъ звѣремъ на берегахъ, начинается въ Сѣверной части Пермской губерніи, на недалекомъ разстояніи отъ гу-

берній Вологодской и Тобольской. Начинается она изъ ручьевъ, стекающихъ съ Урала, и уже въ Пермской губерніи, въ 100 верстахъ отъ своего истока, имѣетъ семьдесятъ сажень ширины и доступна даже для пароходовъ. Берега рѣки здѣсь безлюдны и покрыты громадными лиственными лѣсами, среди которыхъ зачастую попадаются и кедры съ ихъ широкими шапками на верхушкѣ. Въ Вологодской и отчасти въ Архангельской губерніи Печора течетъ вдоль западныхъ отроговъ Урала, откуда выходятъ также ея главные правые притоки, изъ которыхъ мы назовемъ *Щугоръ*, начинающійся съ горы Тельпосъ-Исъ, и *Уссу*. Принявъ р. Уссу, Печора направляется на юго-западъ, къ Тиманской грядѣ, и принимаетъ съ лѣвой стороны порожистыя рѣки *Ижму* и *Цыльму*. Отъ устья этой послѣдней рѣки Печора направляется къ сѣверу и впадаетъ въ Ледовитый океанъ, развѣтвившись на множество рукавовъ, омывающихъ безчисленные острова, островки и песчаныя мели, мѣняющіе свои очертанія при каждомъ ледоходѣ. Вступивъ въ предѣлы Архангельской губерніи, Печора достигаетъ громадной ширины. На рѣкѣ то и дѣло попадаются большіе острова, иной разъ верстъ десять въ длину, покрытые превосходною травою, которая обыкновенно гніетъ безъ употребленія, такъ какъ населеніе по Пе-

чорѣ рѣдкое и скота держатъ мало. Кромѣ луговъ, до Цыльмы по Печорѣ тянутся густые лиственные и сосновые лѣса. При устьѣ Цыльмы, на правомъ берегу Печоры, растянулось большое (6000 жителей) селеніе Усть-Цыльма, въ которомъ сосредоточены всѣ правительственныя учрежденія Печорскаго уѣзда: полицейское управленіе, казначейство, почта, телеграфъ и больница. Селеніе это является естественнымъ средоточіемъ всего Печорскаго края, а потому и превышаетъ численностью своего населенія всѣ уѣздные города Архангельской губерніи.

За Цыльмою Печора вступаетъ въ область тундры. Правильные лѣса здѣсь прекращаются и замѣняются уродливыми кустарниками или стелющимися по землѣ елями. Рѣка становится все шире и шире, разливается на второстепенные протоки (по-русски „шары“, по-зырянски „виски“) и образуетъ усѣянную островами и извѣстную своими семужными и звѣриными промыслами Печерскую Болвановскую губу. На этихъ островахъ пріютилось 18 селъ и деревень, состоящихъ изъ почернѣвшихъ отъ времени крестьянскихъ избъ старинной постройки. Среди этихъ печальныхъ развалинъ рѣзко выдѣляются новые дома богачей и приходскія церкви. Въ 20 верстахъ отъ Печоры лежитъ бывшій городъ Пустозерскъ, доживающій свой вѣкъ. Пустозерскъ, основан-

ный въ XVI вѣкѣ, былъ впослѣдствіи мѣстомъ ссылки многихъ замѣчательныхъ людей, а теперь служитъ мѣстомъ управленія самоѣдовъ Большеземельской тундры.

Малочисленное населеніе береговъ Печоры живетъ вообще зажиточно, занимаясь на югѣ въ небольшихъ размѣрахъ хлѣбопашествомъ, а на сѣверѣ оленеводствомъ и рыбными промыслами. Въ Печорѣ ловится много рыбы изъ породы лососей (семга, нельма) и сиговъ (чиръ, омуль, муксунъ, пеледь) и эта рыба составляетъ предметъ значительнаго торга. Торговое движеніе по Печорѣ производится на одномачтовыхъ большихъ лодкахъ, которыя называются каюками, а съ 80-хъ годовъ стали ходить по Печорѣ и буксирные пароходы.

III.

Климатъ сѣвернаго края, ничѣмъ не защищеннаго отъ холодныхъ сѣверныхъ и сѣверо-восточныхъ вѣтровъ, дующихъ съ Ледовитаго океана, вообще очень суровъ. Это самый холодный край не только въ Европейской Россіи, но и во всей Европѣ. За исключеніемъ трехъ западныхъ уѣздовъ Вологодской губерніи съ средней годовой температурой 2^0, вся остальная область обладаетъ средней годовой температурой около 1^0, а восточные уѣзды губерніи Во-

логодской и сѣверо-восточный уголъ Архангельской имѣютъ даже среднюю температуру ниже нуля. Здѣсь въ сущности только два времени года: короткое лѣто и продолжительная зима, а переходныя времена года очень непродолжительны.

Суровость климата сѣвернаго края прежде всего выражается въ суровости и продолжительности зимы. Слѣдуетъ при этомъ замѣтить, что на крайнемъ сѣверо-западѣ области, на Мурманскомъ берегу, зимы отличаются замѣчательной мягкостью—не холоднѣе, чѣмъ на сѣверномъ берегу Азовскаго моря. Благодаря вліянію теплыхъ водъ Гольфштрома, здѣсь въ земнее время морозы въ -10^0 или -15^0 случаются очень рѣдко и плаваніе судовъ по океану возможно въ теченіе всей зимы. Снѣгъ здѣсь начинаетъ выпадать въ сентябрѣ и во вторую половину зимы падаетъ иногда въ такомъ количествѣ, что заполняетъ ущелья между скалами такимъ толстымъ слоемъ, который не успѣваетъ растаять за лѣто. Но хоть и не сурова зима на Мурманѣ, но она удручаетъ человѣка своею темнотою. Съ половины ноября до 9-го января не восходитъ солнце и тянется непрерывная ночь. Впрочемъ, темноту этой ночи нельзя сравнить съ темнотой нашихъ осеннихъ ночей, когда, какъ говорится, зги не видно. Въ ясную погоду можно читать безъ свѣчи за часъ

до полудня; на открытомъ воздухѣ можно различать всѣ предметы при свѣтѣ зари часовъ до двухъ пополудни. Кромѣ луны и блестящихъ звѣздъ, полярная ночь часто озаряется сѣвернымъ сіяніемъ. Широкое пространство неба свѣтлѣетъ и на этомъ свѣтломъ фонѣ выступаетъ яркая дуга, изъ которой вылетаютъ тысячи огненныхъ сноповъ. Въ заключеніе надъ свѣтовыми полосами поднимается вѣнецъ изъ яркихъ лучей, затѣмъ сіяніе меркнетъ и исчезаетъ безслѣдно. Сѣверное сіяніе показывается также во множествѣ другихъ картинъ: въ видѣ блестящихъ вѣнцовъ, золотистыхъ, прихотливо изогнутыхъ полосъ, радугъ, лежащихъ одна на другой, красныхъ облаковъ и т. д. Поэтому-то всѣ путешественники, видѣвшіе это явленіе, описываютъ его по своему. Но внутри Лапландіи зимы бываютъ очень суровы и морозы въ 30^0—40^0 не рѣдкость. Но не столько страшны для человѣка морозы, сколько леденящій вѣтеръ „хвіюсъ“, вьюги и мятели, часто нарушающія тишину и спокойствіе полярной ночи. Мчится съ далекаго полюса леденящій вѣтеръ, наполняетъ воздухъ крутящейся снѣжной пылью и часто губитъ своимъ мертвящимъ дыханіемъ не только человѣка, но и звѣря.

Сурова также зима въ сѣверо-восточной части Архангельской губерніи, въ тундрахъ, лежащихъ за полярнымъ кругомъ и по со-

сѣдству съ нимъ. Рано начинаются въ тундрѣ холода и сковываютъ въ плотную ледяную массу верхній слой тундровыхъ болотъ, успѣвшій оттаять въ короткое лѣто. Только самыя жидкія и зыбучія болота, а такихъ здѣсь не мало, не замерзаютъ всю зиму, продолжая выдѣлять изъ себя обильные пары сѣроводороднаго газа. Замерзшая тундра покрывается глубокими, ослѣпительно бѣлыми снѣгами и лежитъ мертвой однообразной гладью на сотни верстъ, отъ береговъ Мезени до западныхъ склоновъ Урала. На короткое время озаряетъ солнце эту печальную равнину и, едва поднявшись надъ горизонтомъ, опускается внизъ и наступаетъ двадцатичасовая ночь, а дальше на сѣверѣ оно нѣкоторое время и совсѣмъ не показывается. Только сѣверныя сіянія (сполохи) да снѣжныя бури придаютъ тундрѣ нѣкоторую жизнь и движеніе. Прекрасную картину этой суровой полярной зимы даетъ поэтъ:

Пустыня... Глушь... Кругомъ снѣга...
Повисло небо сѣрой тучей...
Порою бѣсится вьюга—
И злится словно звѣрь могучій
Въ желѣзной клѣткѣ, на цѣпи.
Пройдетъ гроза въ нѣмой степи,
До новой бури тишина,
Нѣмого ужаса полна.

А ночь, настанетъ—издалека
Полнеба разомъ озаритъ
Во тьмѣ недремлющее око—
Сполохъ загадочный горитъ.
То кинетъ полымя высоко,
То ляжетъ яркою дугой,
То вдругъ короной огневой,
Пустыню мертвую вѣнчая,
Виситъ, таинственно мерцая...
Нѣмого полюса сосѣдъ,
Дикарь унылый, молчаливый,
Порою мчится самоѣдъ
Съ своей подругою сонливой.
Къ спинѣ прижавъ свои рога,
Его полярные олени
Мелькнутъ, не бросивъ даже тѣни
На неподвижные снѣга *).

Непогода въ тундрѣ бываетъ часто: то идетъ крупными хлопьями пушистый снѣгъ, то ранѣе выпавшій снѣгъ разносится вѣтромъ во всѣ стороны, то паденіе снѣга сопровождается сильною мятелью и т. п. Въ непогоды бываетъ теплѣе, но часто случается, что по мѣсяцу, а на сѣверѣ тундры и по два, стоятъ сорока-градусные морозы.

Слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что на крайнемъ сѣверѣ Архангельской губерніи

---

*) Изъ „Живописной Россіи“.

зима, вслѣдствіи согрѣвающаго вліянія океана, менѣе холодна, чѣмъ на югѣ этой губерніи и даже въ губерніи Вологодской. Но зима эта хоть и холоднѣе, но не такъ мрачна и угрюма, какъ на сѣверѣ Бѣломорскаго края. Въ южной полосѣ этого края, хоть и не дологъ зимній день, но все же восходитъ и свѣтитъ солнце. Хороши безконечные сѣверные лѣса, въ ясные, морозные и тихіе дни. Лѣсъ стоитъ точно заколдованный. Снѣгъ лежитъ толстыми слоями на древесныхъ сучьяхъ, пригибая ихъ низко, почти до самой земли, искрится онъ подъ лучами солнца на лѣсныхъ полянахъ и блестятъ серебромъ угрюмыя ели и сосны. Изрѣдка на лѣсныхъ прогалинахъ пробѣжитъ лисица, промелькнетъ заяцъ или сорвется съ дерева тетеревъ, тяжело помахивая крыльями, но все это происходитъ почти безъ шума—все это видишь, но не слышишь.

Во второй половинѣ апрѣля, а у океана нѣсколько позже, снѣгъ начинаетъ таять и въ началѣ мая земля уже бываетъ открыта. Быстро наступаетъ весна на сѣверѣ, быстро оживаетъ мертвая тундра и мѣсяца на три становится совершенно неузнаваема по сравненію съ тѣмъ, что она представляла зимою. На необозримомъ пространствѣ она пестрѣетъ разноцвѣтными мхами, цвѣтами, часто скрывающими подъ собою опасныя топи; тамъ; гдѣ посуше, выростаетъ трава, а ку-

сты и мелкій приземистый лѣсокъ покрываются зеленью. Съ наступленіемъ теплаго времени безчисленныя стаи птицъ летятъ въ тундру, а рыба въ огромномъ количествѣ стремится изъ моря въ рѣки метать икру. У океана, за полярнымъ кругомъ, лѣтомъ солнце не заходитъ, но все-таки ему не удается настолько согрѣть землю, чтобы вызвать къ жизни лѣсную растительность. Дѣло въ томъ, что солнце здѣсь стоитъ невысоко, лучи его падаютъ косо, а потому и грѣютъ меньше, подобно нашимъ вечернимъ или утреннимъ лучамъ. Кромѣ того, большое количество тепла уходитъ на то, чтобы растопить массы снѣга, и не успѣетъ почва въ достаточной мѣрѣ высохнуть, какъ кончается лѣто и наступаютъ холода. Наконецъ и море въ весеннее и лѣтнее время всегда понижаетъ температуру.

Въ лѣсной полосѣ сѣвернаго края весна нѣсколько продолжительнѣе и лѣто нѣсколько теплѣе. Но онѣ наступаютъ позже и раньше кончаются, чѣмъ въ средней полосѣ Россіи. Въ Архангельской губерніи березы распускаются только въ концѣ мая, а въ половинѣ сентября деревья уже теряютъ листъ. Кромѣ того, сѣверное лѣто отличается быстрыми переходами отъ тепла къ холоду: въ теплый день, если подуетъ вѣтеръ съ сѣвера, градусникъ въ іюнѣ мѣсяцѣ опускается до нуля и иногда выпадаетъ снѣгъ;

днемъ жаръ иногда доходитъ до 30° въ тѣни, а ночью бываютъ иней и заморозки. Отъ этихъ внезапныхъ холодовъ главнымъ образомъ и страдаетъ земледѣліе въ сѣверномъ краѣ.

Атмосферной влаги, въ видѣ, дождя, снѣга, инея, росы, въ сѣверномъ краѣ выпадаетъ въ общемъ меньше, чѣмъ въ средней Россіи, хотя здѣсь болотъ больше, о засухахъ и понятія не имѣютъ. Наибольшее количество влаги изъ воздуха земля здѣсь получаетъ въ іюнѣ и въ августѣ, но осенью дождливые дни чаще, и въ сентябрѣ мѣсяцѣ иногда много дней сряду длится ненастье и мороситъ мелкій дождь.

IV.

Площадь почвъ, пригодныхъ для земледѣлія, въ губерніяхъ крайняго сѣвера занимаетъ сравнительно небольшое пространство. Только по прибрежьямъ Сѣверной Двины и ея притоковъ, Сухоны, Юга и Ваги, встрѣчаются не очень сырыя полосы плодороднаго ила, а на западѣ Вологодской губерніи даже полосы чернозема. Такъ какъ сѣверно-русская равнина представляетъ покатость, очень слабо наклоненную къ океану, то снѣговая и дождевая вода остается въ почвѣ и превращаетъ ее въ болото. Болота образуютъ сплошное пространство, которое тянется на востокъ широкой полосою отъ

рѣки Мезени до Урала, а на югъ приблизительно до полярнаго круга. Вологодская губернія въ общемъ также представляется обширнымъ болотомъ, богатымъ стоячими водами и поросшимъ лѣсомъ. На болѣе возвышенныхъ мѣстахъ сѣвернаго края почва обыкновенно глинистая и песчано-каменистая, иногда усѣянная довольно крупными валунами. Къ западу отъ Онеги въ Лапландіи почвенный слой, лежащій на гранитномъ основаніи, сильно пропитанъ дождевыми и снѣговыми водами, образующими также во всѣхъ котловинахъ многочисленныя озера.

Вслѣдствіи суровости климата вся сѣверная часть Бѣломорскаго края, лежащая въ предѣлахъ полярнаго круга, не имѣетъ древесной и травяной растительности и представляетъ собою такъ называемую *тундру*. Кольскій полуостровъ только на югѣ и западѣ покрытъ лѣсами, состоящими изъ сосны, ели и отчасти березы, осины, рябины, ольхи кустовъ красной смородины. Дальше къ сѣверу лѣса замѣняются корявыми березами, похожими на яблонь и ростущими на значительныхъ разстояніяхъ другъ отъ друга, а у океана лѣсъ и совсѣмъ исчезаетъ и на прибрежныхъ скалахъ, въ мѣстахъ, защищенныхъ отъ вѣтра, стелется по землѣ только полярная береза—карлица. Большая часть полуострова покрыта не лѣсомъ, а мохомъ, ягелемъ и низкорослыми

кустарниками. Зеленый мохъ, ягель, вороньи ягоды, морошка и нѣкоторыя другія растенія устилаютъ поверхность Лапландскихъ болотъ такими упругими кочками, что по нимъ можно смѣло идти безъ опасенія завязнуть, за исключеніемъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ торфъ обнаженъ или гдѣ течетъ болотный ручей.

Хотя и говорятъ про Лапландскую тундру, но тундрами, какъ было сказано выше, въ Лапландіи называются вершины горъ, лишенныя лѣсной растительности, и по своему общему виду Лапландская тундра мало имѣетъ общаго съ тундрой, которая лежитъ на востокъ отъ рѣки Мезени и извѣстна на Каниномъ полуостровѣ подъ именемъ Канинской тундры, на западъ отъ Печоры Тиманской, а на востокъ Большеземельской.

Къ берегамъ Ледовитаго океана тундра подошла однообразной, обильно пропитанной водою, мшистой равниной. Главный внѣшній признакъ тундры—это отсутствіе лѣсной растительности. Не могутъ рости деревья въ тундрѣ, потому что въ короткое лѣто она успѣваетъ оттаять не больше какъ на $^3/_4$ аршина, а подъ этимъ насквозь прохваченнымъ водою слоемъ находится навѣки окаменѣвшая отъ мороза земля—такъ называемая мерзлота. Этотъ верхній слой почвы въ тундрѣ не просачиваетъ сквозь себя воду, а держитъ ее въ себѣ, поэтому и представляется сплошнымъ зыбуномъ, по

которому нельзя проѣхать ни на колесахъ, ни верхомъ на лошади, потому что колеса врѣжутся въ зыбунъ, а лошадь провалится: здѣсь зиму и лѣто ѣздятъ въ легкихъ санкахъ, запряженныхъ легкими тонконогими сѣверными оленями. На болѣе низкихъ и сырыхъ мѣстахъ тундры раскидываются безконечныя моховыя болота, усѣянныя кочками, на которыхъ вмѣстѣ съ стелющейся по землѣ и прячущейся въ мохъ полярной ивой растутъ разныя ягоды: клюква, морошка, брусника, черника, а южнѣе малина. На небольшихъ возвышеніяхъ, очень рѣдкихъ въ тундрѣ, затерянныхъ среди неизмѣримыхъ моховыхъ пространствъ, растутъ нѣкоторыя цвѣтковыя растенія, напр. фіалка, альпійскій макъ, желтая калужница и еще нѣсколько видовъ злаковъ. Тамъ, гдѣ тундра повыше и посуше, она покрыта бѣловатымъ лишайникомъ или ягелемъ, извѣстнымъ подъ именемъ оленьяго моха. Эти мѣста тундры еще печальнѣе на видъ, но они-то и даютъ возможность существовать человѣку въ этой мокрой пустынѣ. Безъ оленя нельзя жить въ тундрѣ, а для оленя ягель составляетъ здѣсь единственную и лакомую пищу. Зимою снѣжный покровъ окутывающій тундру, спасаетъ ягель отъ губительныхъ морозовъ, а оленей отъ голодной смерти.

Южнѣе полярнаго круга начинается лѣ-

сная полоса. Слѣдуетъ при этомъ замѣтить, что граница лѣса и тундры не представляетъ прямой линіи: то лѣсъ выдвигается къ сѣверу, въ область моховыхъ болотъ, то тундра забѣгаетъ на югъ, врѣзываясь клиньями въ лѣсную полосу. Самый переходъ отъ тундры къ лѣсу происходитъ постепенно. Стелющаяся по землѣ полярная береза-карлица, по мѣрѣ удаленія на югъ, выпрямляется и достигаетъ высоты человѣческаго роста. Дальше всѣхъ высокоствольныхъ деревьевъ уходитъ къ сѣверу, за предѣлы лѣсной растительности, ель.

Этими еловыми лѣсами, сорными и неопрятными, растущими на буграхъ Мезенской тундры, и начинаются тѣ дремучія лѣсныя дебри, которыя покрываютъ южную часть губерніи Архангельской и губернію Вологодскую, занимая площадь приблизительно въ 60 милліоновъ десятинъ. Въ здѣшнихъ лѣсахъ вездѣ преобладаютъ хвойныя породы, преимущественно сосна, на которую приходится безъ малаго половина всѣхъ древесныхъ породъ, затѣмъ ель, пихта, лиственница и сибирскій кедръ. Сосновыя лѣса сѣвернаго края не вездѣ одинаковы.

Въ сосѣдствѣ съ тундрой растетъ сосна, малорослая, хрупкая, разлетающаяся въ щепки подъ топоромъ, съ толстымъ корнемъ и тонкой вершиной. На болотахъ ра-

стетъ такъ называемая „Мендовая“ сосна съ бѣловатой, рыхлой древесиной и толстой заболонью, и только на супесчаныхъ возвышенностяхъ выступаютъ красивые, опрятные лѣса сосны „кондовой“.

Съ елью роднится пихта, покрывающая большія пространства на востокѣ края, ближе къ Уральскому хребту; у Урала же встрѣчается и сибирскій кедръ. Лиственница, одно изъ самыхъ долговѣчныхъ и прочныхъ деревьевъ, очень рѣдко растетъ сплошнымъ лѣсомъ, а обыкновенно встрѣчается отдѣльно, среди другихъ деревьевъ. Чѣмъ дальше къ югу, тѣмъ болѣе хвойныя деревья перемѣшиваются съ лиственными, съ березой, осиной, ивой. Въ этомъ мѣшаномъ лѣсѣ на обширныхъ болотахъ встрѣчаются исключительно хвойные лѣса („колки“)— любимое мѣстопребываніе волковъ и россомахъ.

По Онегѣ и Двинѣ, а также въ западной части Вологодской губерніи лѣса значительно порѣдѣли отъ усиленной вырубки. Кромѣ того, много лѣса гибнетъ отъ лѣсныхъ пожаровъ, тушить которые нѣтъ никакой возможности, вслѣдствіе обширности лѣсовъ и отдаленности селеній. Страшный видъ представляетъ хвойный лѣсъ во время пожара. Пламя быстро перебѣгаетъ по хвоѣ съ дерева на дерево, разомъ охватываетъ смолистую кору и стремится дальше; дымъ

распространяется на десятки верстъ и черной тучей застилаетъ небо. Но несмотря на все это, лѣсныя дебри сѣвернаго края тянутся непрерывно на сотни верстъ и много еще здѣсь такихъ глухихъ лѣсныхъ трущобъ, куда еще не врубался топоръ человѣка. Лѣсъ покрываетъ собою и болотныя низины, и холмы, и глубокіе овраги. Съ вершины какого нибудь холма только и видишь, что лѣсъ и лѣсъ. Если и замѣтны бываютъ прогалины въ этомъ лѣсу, то это не поля и луга, а моховыя болота, слѣды бывшихъ на ихъ мѣстѣ озеръ. На нѣкоторыхъ изъ этихъ болотъ моховой покровъ еще такъ тонокъ, что не выдерживаетъ ноги человѣка, на другихъ онъ уже затвердѣлъ и началъ поростать кривымъ, тонкимъ и невысокимъ ельникомъ.

Сѣверные лѣса поражаютъ своимъ однообразіемъ, безмолвіемъ и угрюмостью. Иногда на огромныхъ пространствахъ тянется одинъ какой нибудь видъ сосны и ели, не мѣшаясь ни съ какимъ другимъ лѣсомъ, и это однообразіе такъ велико, что даже и выросшіе среди лѣсовъ, мѣстные жители нерѣдко сбиваются съ пути. Особенно угрюмы и непроходимы лѣса на востокѣ сѣвернаго края, по рѣкамъ Вычегдѣ и Печорѣ. Особенно трудно путешествіе по этимъ глухимъ лѣснымъ дебрямъ лѣтомъ, такъ какъ безпрестанно попадаются топкія мо-

Всероссійск. П.-Т. Союзъ * Архангельская П.-Т. Контора * Мѣстный Комитетъ

ховыя болота, надъ которыми носятся тучи комаровъ, да и встрѣча съ царемъ этихъ лѣсовъ, косолапымъ медвѣдемъ, представляетъ явленіе весьма обыкновенное. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ единственными дорогами черезъ лѣсъ служатъ рѣки, на берегахъ которыхъ только и ютятся рѣдкія селенія.

Дремучіе сѣверные лѣса очень богаты звѣремъ и лѣсной дичью. Кромѣ множества волковъ и медвѣдей, здѣсь живутъ сѣверный олень, лось, рысь, россомаха, куница и милліоны бѣлокъ. Изъ лѣсной дичи здѣсь водятся тетерева, рябчики, глухари и бѣлыя куропатки.

V.

Древнѣйшими обитателями сѣвернаго края были чудскія или финскія племена; русскіе позже водворились здѣсь, хотя и составляютъ теперь главную массу населенія. Первыми насельниками этого края явились предпріимчивые новгородцы. Уже въ XI-мъ вѣкѣ проникли они въ страну, лежавшую по Двинѣ и ея притокамъ, извѣстную подъ общимъ именемъ *Заволочья*. Такое названіе страна получила вѣроятно оттого, что находилась за *волоками*, существовавшими между рѣками, текущими въ Волгу и Сѣверный Ледовитый океанъ. Первоначально Заволочьемъ назывался неопредѣленно весь сѣверо-восточный край, но впослѣдствіи

это имя осталось за областью по обѣимъ сторонамъ С. Двины, отъ Мезени до рѣки Онеги; область эта носила также названіе Двинской земли. Другія части сѣвернаго края, болѣе отдаленныя, стали извѣстны подъ особыми именами: Пермь (по верховьямъ Камы и Вычегды), Печора, Югра (на востокъ отъ Мезени), Терскій берегъ.

Въ XI-мъ вѣкѣ новгородцы собирали уже дань съ Печоры. Въ XII-мъ они предпринимали частые походы въ Двинскую землю, а съ XIII-го не только стали правильно и настойчиво заселять ее, но получали дань даже съ отдаленнаго Терскаго берега, населеннаго лопарями, или, какъ тогда говорили, лопами. Постепенно русскіе люди начали селиться не только въ Двинской землѣ, но и въ Перми и Печорѣ, проникли даже на самый сѣверъ Лапландіи, гдѣ въ 1264 г. былъ основанъ новгородцами самый сѣверный городъ Европейской Россіи, Кола. Предпріимчивый духъ, домашняя нужда и выгодная торговля пушнымъ звѣремъ увлекала новгородцевъ въ дремучіе сѣверные лѣса. Главными путями на сѣверъ для русскихъ поселенцевъ служили рѣки: онѣ вводили поселенцевъ въ лѣсную глушь и выводили ихъ на просторъ морскихъ побережій. По рѣкамъ шли отряды удалой новгородской вольницы „ушкуйниковъ“, по нимъ шло и мирное населеніе русскаго сѣвера, занятіе и

расчистка подъ пашни „лѣсовъ отъ вѣка не паханныхъ“. Что касается ушкуйниковъ, то они шли на сѣверъ преимущественно съ цѣлью наживы и пріобрѣтенія, въ лицѣ мѣстныхъ инородцевъ, новыхъ данниковъ Господину Великому Новгороду. Съ береговъ Двины шайки новгородцевъ дѣлали смѣлые набѣги на сѣверо-востокъ до Печоры и на сѣверо-западъ до Мурмана и вступали въ борьбу за обладаніе сѣвернымъ краемъ съ мѣстными финскими племенами. Туземцы, конечно, всѣми силами сопротивлялись пришельцамъ, но отчасти погибли въ борьбѣ съ ними, отчасти были вытѣснены въ менѣе удобныя мѣста, отчасти слились съ пришельцами, переродились въ русскихъ. Подробности этой борьбы въ точности неизвѣстны, но и до сихъ поръ въ преданіяхъ сѣвернаго края сохранились темныя воспоминанія о томъ, что жилъ какой-то народъ чудь, воевалъ съ русскими, былъ истребленъ. Въ какомъ-нибудь мирномъ сѣверномъ селѣ и теперь можно слышать разсказъ о томъ, что въ давнія времена здѣсь три дня и три ночи происходила жестокая битва между русскими и чудью бѣлоглазой, что много чуди было истреблено здѣсь, а остальная ушла и зарылась въ землю.

Какимъ способомъ владѣлъ Новгородъ отдаленнымъ сѣвернымъ краемъ? Можно сказать, что дѣйствительная власть въ этомъ

краѣ принадлежала не самому Новгороду и не Новгородъ, какъ государство, водворялъ здѣсь гражданскій порядокъ и управленіе, хотя и называлъ Пермь, Печору, Югру, Лапь, Терь (Терскій берегъ) своими волостями. Онъ посылалъ только сборщиковъ дани, которые ходили по странѣ съ вооруженными отрядами и собирали дань съ туземцевъ. Дѣйствительная власть принадлежала именитымъ новгородцамъ, которые силою захватывали цѣлыя области. Извѣстная Марѳа Борецкая владѣла почти всѣмъ побережьемъ Бѣлаго моря отъ Онеги до Кеми, а также вотчиною на Терскомъ берегу и щедро надѣляла цѣлыми поселками церкви и монастыри; между прочимъ она подарила только что возникшей тогда Соловецкой обители посадъ Суму, село Сороку и городъ Кемь. Изъ другихъ крупныхъ владѣльцевъ на сѣверѣ извѣстны: Степановы, владѣвшіе землями по Вагѣ, Окладниковы, владѣтели нынѣшней Богословской волости на Мезени, Строгановы въ Колѣ и на Новой Землѣ. Именитые новгородское бояре и купцы, владѣвшіе большими землями въ Двинской землѣ, призывали на эти земли охочихъ людей и такимъ образомъ немало содѣйствовали распространенію русскаго населенія въ Двинской землѣ или въ предѣлахъ нынѣшней Архангельской губерніи. Къ сильнымъ владѣльцамъ, каковы были новгородскіе име-

нитые люди, народъ шелъ охотно и селился на ихъ землѣ, находя у нихъ защиту отъ всякихъ притѣсненій и помощь во время нужды. Важную роль въ дѣлѣ заселенія русскаго сѣвера, особенно нынѣшней Вологодской губерніи, играли обители и монастыри, а дѣятельность такихъ подвижниковъ православія, какъ Зосима и Савватій Соловецкіе, Ѳеодоритъ Кольскій, Стефанъ Пермскій, Трифонъ Печенегскій, много помогла дѣлу упроченія въ краѣ русской народности, обрусенія и просвѣщенія инородцевъ.

Расчищая лѣса подъ пашни, занимаясь рыбными и звѣриными промыслами, шелъ русскій народъ на сѣверъ, ободряя себя пословицей: „есть Спасъ и за Сухоной“. Это движеніе продолжалось и послѣ того, какъ новгородскія владѣнія были присоединены къ Москвѣ. Когда при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ было произведено исправленіе церковныхъ книгъ, когда возникъ расколъ и начались преслѣдованія раскольниковъ, то дремучіе сѣверные лѣса стали населяться выходцами изъ центральной Россіи. Приверженцы „древняго благочестія“ спасались отъ преслѣдованія властей въ самыя глухія и недоступныя дебри архангельскія и вологодскія. Въ глухихъ лѣсныхъ трущобахъ, на островахъ сѣверныхъ озеръ, возникали раскольничьи скиты, число которыхъ стало быстро возрастать особенно послѣ взятія

Соловецкаго монастыря, когда нѣсколькимъ десяткамъ мятежныхъ монаховъ удалось спастись отъ московскихъ ратныхъ людей, осаждавшихъ монастырь. Съ одной стороны эти раскольничьи общины служили пріютомъ и разсадниками грубаго суевѣрія и религіозныхъ заблужденій, но съ другой стороны онѣ принесли сѣверному краю извѣстную долю пользы, ожививъ человѣческимъ трудомъ глухія трущобы, положивъ начало земледѣльческимъ и хозяйственнымъ общинамъ въ такихъ мѣстахъ края, куда добрая воля долго бы еще не привела людей.

Въ настоящее время раскольниковъ въ сѣверномъ краѣ немного, какъ немного осталось прежнихъ насельниковъ края, народовъ чудскаго происхожденія. Большинство населенія принадлежитъ къ великорусскому племени и исповѣдуетъ православную вѣру. Русскіе живутъ разбросанно въ разныхъ мѣстахъ сѣвернаго края, но преимущественно сосредоточились по С. Двинѣ и ея притокамъ и по берегамъ Бѣлаго моря. Здѣсь всего чаще встрѣчаются деревни, населенные чистокровными великоруссами, потомками новгородскихъ и московскихъ выходцевъ.

Великоруссы сѣвернаго края—народъ по большей части рослый, крѣпкаго тѣлосложенія, долговѣчный, напоминающій своимъ говоромъ и образомъ жизни то далекое вре-

мя, когда ихъ предки впервые отважно проникли въ сѣверныя лѣсныя дебри. Жизнь среди суровой природы, постоянная борьба съ безплодной почвой, съ опаснымъ и бурнымъ моремъ развила въ сѣверномъ великоруссѣ энергію, рѣшительность, предпріимчивость, находчивость, терпѣніе и смѣлость. Поморъ гораздо смѣлѣе и рѣшительнѣе жителя средней или южной Россіи. Онъ никогда не останавливается передъ опасностью: смѣло и рѣшительно пускается онъ въ море въ бурную и ненастную погоду, на плохомъ карбасѣ, съ плохимъ компасомъ или и безъ него; во время тюленьяго боя смѣльчаки-промышленники пробираются къ звѣрю, перескакивая со льдины на льдину, хоть и знаютъ, что первый порывъ вѣтра разломаетъ ледъ и унесетъ льдины вмѣстѣ съ промышленниками въ открытое море на вѣрную смерть. Хорошимъ примѣромъ находчивости поморовъ могутъ служить приключенія Хилкова съ товарищами, которые сумѣли прожить на одномъ изъ необитаемыхъ острововъ Шпицбергена шесть лѣтъ и три мѣсяца. Изъ четырехъ человѣкъ за это время умеръ только одинъ, а остальные не только остались живы, но и вернулись домой съ хорошей добычей. Женщины здѣсь отличаются такой же смѣлостью, энергіей и находчивостью, какъ и мужчины. Когда надо, онѣ смѣло идутъ на дѣло и въ

зыбучую тундру, и въ дремучій лѣсъ, и пускаются въ опасное и бурное море на утлыхъ и мелкихъ суденышкахъ. Въ то время, какъ мужчины работаютъ на морскихъ промыслахъ, поморки дома исполняютъ множество мужскихъ дѣлъ и обязанностей. Замѣтимъ, наконецъ, что мрачный и величавый характеръ природы холоднаго и туманнаго сѣвернаго края наложилъ на его обитателей печать какой-то сосредоточенности и серьезности; придалъ его убѣжденіямъ и вѣрованіямъ сухое, практическое направленіе и задержалъ до извѣстной степени развитіе поэтическаго чувства. Напѣвы сѣверныхъ пѣсенъ однообразны, печальны и строги, не имѣютъ той прелести и богатства гармоніи, какими, напр., отличаются пѣсни волжскія.

Великоруссы сѣвернаго края, особенно Архангельской губерніи, благодаря обилію лѣса, живутъ свѣтло и просторно. Крестьянскія избы двухъ-этажныя, съ большимъ числомъ оконъ и часто обращаютъ на себя вниманіе своей старинной архитектурой. Прекрасное русское зодчество, создавшее Коломенскій дворецъ, отчасти уцѣлѣло еще на сѣверѣ. Особенную красоту избѣ придаютъ широкія, крутыя и высокія крыльца съ точеными столбиками и перилами, крытыя высокими остроугольными, полубочечными и бочечными чешуйчатыми крышами,

яркая раскраска подзоровъ, коньковъ и наличниковъ и затѣйливая рѣзьба на окнахъ. Подъ крышами часто устраиваются раскрашенные балкончики. Памятниками старинаго зодчества, съ своеобразнымъ мѣстнымъ оттѣнкомъ, служатъ деревянныя сельскія церкви, съ островерхими, шатровыми, чешуйчатыми куполами, обнесенныя галлерейками съ узорной рѣзьбой. Особенно много памятниковъ стариннаго русскаго зодчества, самобытно развивавшагося на сѣверѣ, сохранилось въ Поморьѣ, къ сожалѣнію вмѣстѣ съ другимъ остаткомъ старины, закоснѣлымъ расколомъ безпоповщины.

Въ подгородныхъ архангельскихъ селахъ, въ Поморьѣ и Колѣ по праздникамъ можно видѣть старинный русскій женскій нарядъ: платья, скрывающія формы тѣла въ складкахъ тяжелыхъ и яркихъ матерій, золотыя серьги съ подвѣсками, жемчужныя ожерелья, кики на головахъ, украшенныя жемчугомъ въ такомъ количествѣ, что жемчужныя нити падаютъ на лицо и т. п.

Кромѣ русскихъ въ сѣверномъ краѣ живутъ слѣдующія инородческія племена: *зыряне* и *самоѣды* въ восточной части края, *корелы* и *лапландцы* или *лопари* въ западной*). Самыми многочисленными изъ этихъ инородцевъ являются зыряне (около 120 т.),

---

*) См. отдѣльные очерки.

далѣе по численности идутъ корелы (22 т.), самоѣды (около 7 т.) и лопари (около 2 тыс.). Въ общей массѣ населенія Архангельской (347.560 чел.) и Вологодской губерній (1,365.313 чел.) инородцы составляютъ сравнительно небольшую часть и постепенно сливаются съ русскимъ населеніемъ. Такъ напр., Въ Вологодской губерніи зыряне теперь населяютъ только Усть-сысольскій уѣздъ и восточную часть Яренскаго, а въ XIV вѣкѣ св. Стефанъ Пермсккій встрѣтилъ зырянъ рии устьѣ рѣки Вычегды. Изъ инородцевъ только самоѣды управляются по своимъ обычаямъ и своими старшинами, тогда какъ лопари, корелы и зыряне входятъ въ составъ общаго кресьянскаго населенія.

Несмотря на громадное протяженіе сѣвернаго края, занимаюшаго одну пятую часть площади всей Европейской Россіи, въ немъ живетъ только *одна шестидесятая* ея населенія. Населеніе это распредѣлено крайне неравномѣрно. Почти $^2/_3$ жителей скучилось въ семи юго-западныхъ уѣздахъ Вожогодской губерніи, гдѣ и наибольшая плотность населенія, а восточная часть Вологодской губерніи и Архангельская губернія отличаются такой невѣроятно малой плотностью населенія, такимъ безлюдьемъ, какого нигдѣ въ Европѣ уже не существуетъ *). Вслѣдствіе малолюд-

*) Въ Архангельской губерніи на 1 квадр. версту приходится 0,5 жителей, въ Вологодской 3,9.

ства сѣвернаго края большая часть его земель принадлежитъ не сельскимъ обществамъ и не отдѣльнымъ собственникамъ, а государству: государству принадлежатъ и тундры и почти всѣ неизмѣримые лѣса сѣвера *).

VI.

Какъ ни суровъ климатъ сѣвернаго края, какъ ни малоплодородна его почва, но русскій человѣкъ и здѣсь не покинулъ своего любимаго, исконнаго занятія—земледѣлія, и занимается имъ вездѣ, гдѣ только возможно, сѣетъ хлѣбъ даже подъ 65° сѣверной широты. Но, конечно, земледѣліе занимаетъ здѣсь въ ряду другихъ промысловъ очень скромное мѣсто. Только въ трехъ уѣздахъ Вологодской губерніи, окружающихъ Кубенское озеро, иловатая почва, при болѣе мягкомъ климатѣ, даетъ порядочные урожаи и небольшіе избытки хлѣба, идущаго въ продажу и на винокуреніе. Но уже начиная съ Тотемскаго уѣзда (по среднему теченію Сухоны) въ Вологодской г. удобныхъ для хлѣбопашества земель очень мало и хозяйство не можетъ вестись обыкновеннымъ трехпольнымъ способомъ. Въ Архангельской губерніи только въ Шенкурскомъ уѣздѣ высѣвается значительное количество хлѣба и земля можетъ прокормить пахаря.

---

*) Въ Архангельской губерніи казнѣ принадлежитъ 97,3% всего пространства; въ Вологодской 83%.

Вообще почти вся восточная часть губерніи Вологодской и южная часть Архангельской состоитъ изъ дѣвственныхъ болотистыхъ лѣсовъ, мѣстами перемежающихся моховыми прогалинами. Только изрѣдка, посреди этого лѣсного океана, поднимаются, въ видѣ небольшихъ пологихъ островковъ, пространства, на которыхъ послѣ выжиганія и расчистки лѣса можно сѣять хлѣбъ.

Постоянныхъ пашенъ въ сѣверномъ краѣ очень мало. Здѣсь издавна установилось и до сихъ существуетъ такъ называемое *подсѣчное, огневое,* или *лядинное* хозяйство. Выбравъ въ лѣсу ровное и сухое мѣсто, поросшее мелкимъ, но густымъ березникомъ и ельникомъ, крестьяне лѣтомъ вырубаютъ на этомъ участкѣ лѣсъ и срубленныя деревья раскладываютъ такимъ образомъ, чтобы они, по возможности, ровно и плотно покрывали землю. Дѣлается это съ тою цѣлью, чтобы покрытая срубленными деревьями земля въ зимнее время не такъ сильно промерзла, а весною болѣе прѣла. На второе лѣто подсѣченный и уже высохшій лѣсъ зажигаютъ, вспахиваютъ выжженное мѣсто сохою, разрыхляютъ бороною изъ еловыхъ сучьевъ и на удобренной пепломъ почвѣ сѣютъ рожь, ячмень, а въ иныхъ мѣстахъ даже ленъ. Если посѣвъ не погибнетъ отъ утреннихъ заморозковъ, то даетъ богатѣйшій урожай и съ избыт-

комъ вознаграждаетъ тяжелый и изнурительный трудъ земледѣльца. Но производительная сила почвы непрочна: на второй годъ пашня уже не заслуживаетъ посѣва, если ее не удобрить. А такъ какъ луговъ въ лѣсной области мало и скота для удобренія нельзя держать въ достаточномъ количествѣ, то пашню пускаютъ черезъ два-три года въ перелогъ или на отдыхъ; она зарастаетъ лѣсомъ и только лѣтъ черезъ 35—40 можетъ годится подъ свѣжій посѣвъ. Само собой разумѣется, подсѣчное земледѣліе наноситъ страшный вредъ лѣсамъ, составляющимъ главное богатство края, и потому расчистки лѣса подъ пашнею до извѣстмой степени ограничиваются правительственными мѣрами.

Изъ хлѣбовъ въ сѣверномъ краѣ сѣютъ преимущественно ячмень, такъ какъ это неприхотливое растеніе можетъ выносить самый суровый климатъ и даетъ наилучшіе урожаи; по Двинѣ, Онегѣ, Пинегѣ и Вычегдѣ ячмень является рѣшительно преобладающимъ хлѣбомъ. Въ области рѣкъ Сухоны и Юга сѣютъ ячмень, рожь, овесъ, даже пшеницу въ незначительномъ количествѣ, также горохъ и картофель. Здѣсь же воздѣлывается въ значительныхъ размѣрахъ ленъ (лучшій сортъ растетъ по берегамъ Сухоны) для волокна, которое отчасти вывозится, отчасти переработывается

на мѣстѣ или самими крестьянами, или на огромной прядильно-полотняной фабрикѣ купца Грибанова.

Хлѣба, производимаго въ сѣверномъ краѣ далеко не хватаетъ для потребностей населенія; недостатокъ мѣстнаго хлѣба пополняется покупнымъ, который привозится на сѣверъ съ береговъ Волги и Камы.

Скотоводство въ сѣверномъ краѣ настолько удовлетворительно, насколько это позволяетъ количество сѣнокосовъ, находящихся въ распоряженіи крестьянъ.

Разведеніе крупнаго рогатаго скота наиболѣе хорошо поставлено въ Двинско-Онежской и Сухоно-Югской мѣстностяхъ. Въ первой есть отличные заливные луга, дающіе до двухсотъ пудовъ сѣна съ десятины. Петръ Великій, замѣтивъ сходство этихъ луговъ съ лугами Голландіи, выписалъ оттуда нѣсколько головъ голландскаго скота, который отлично приспособился къ новому мѣсту и далъ очень молочную, хорошую породу *холмогорскаго* скота. Холмогорскій скотъ пользуется вездѣ въ Россіи большою славою и теперь разводится не въ одномъ только холмогорскомъ уѣздѣ, но и въ другихъ мѣстахъ сѣвернаго края и въ другихъ губерніяхъ. Въ юго-западной части Вологодской губерніи скотоводство и молочное хозяйство сдѣлало большіе успѣхи послѣ проведенія Вологодско-Ярослав-

ской желѣзной дороги, открывшей молочнымъ произведеніемъ этой мѣстности сбытъ въ столицы. Вслѣдствіе обилія луговъ здѣсь держатъ много коровъ простой русской породы и въ широкихъ размѣрахъ занимаются производствомъ масла и сыра. Самое производство представляетъ любопытную смѣсь заводскаго дѣла и кустарнаго промысла: здѣсь есть и усовершенствованные маслобойные и сыроваренные заводы и незатѣйливыя крестьянскія заведенія.

Относительная численность лошадей въ сѣверномъ краѣ уступаетъ численности рогатаго скота. Здѣшнія лошади малорослы, но отличаются крѣпостью и выносливостью. Лучшая мѣстная порода лошадей—*мезенская*.

Она произошла отъ смѣшенія мѣстныхъ лошадей съ лошадьми, приведенными сосланнымъ въ концѣ XVII вѣка княземъ В. Голицынымъ. На чистокровную мезенскую лошадку залюбуется всякій путешественникъ, но къ сожалѣнію, порода эта, вслѣдствіе плохого ухода и продажи лучшихъ лошадей, быстро вырождается.

Овцеводство въ сѣверномъ краѣ ничтожно а разведеніе свиней значительно только въ области рѣкъ Сухоны и Юга.

На Кольскомъ полуостровѣ и въ тундрахъ Мезенскаго и Печорскаго уѣздовъ весьма важное значеніе для жителей имѣетъ оленеводство. Олень для жителей тундро-

вой полосы сѣвернаго края представляетъ неоцѣненное сокровище и значитъ гораздо больше, чѣмъ верблюдъ для араба: онъ доставляетъ мясо и молоко; шкуры его служатъ одеждой, обувью, постелью, изъ нихъ выдѣлываютъ замшу для продажи, ими же покрываютъ жилища; рога, копыта и кости оленя идутъ на выдѣлку посуды и разныхъ предметовъ, а жилы служатъ у сѣверныхъ инородцевъ вмѣсто нитокъ; наконецъ олень на сѣверѣ перевозитъ и людей и кладь. Олень цѣненъ и потому, что не требуетъ никакого ухода и самъ находитъ въ тундрѣ все необходимое для своего существованія. Онъ зиму и лѣто живетъ на открытомъ воздухѣ и питается подножнымъ кормомъ— преимущественно бѣлымъ лишайникомъ или ягелемъ, въ изобиліи растущимъ въ тундрѣ. Для лопарей и самоѣдовъ оленеводство въ сравнительно недавнее время служило единственнымъ источникомъ существованія, и нѣкоторыя семьи имѣли до 20 тысячъ головъ оленей, но теперь занятіе это у самоѣдовъ упало и перешло въ руки зырянъ, которые сумѣли широко развить это дѣло и считаются самыми лучшими оленеводами. Оленеводство—занятіе очень выгодное, но, къ сожалѣнію, повальныя язвы (ящуръ и сибирская язва) слишкомъ часто опустошаютъ стада. Во вторую половину 1896 года и первую 1897 г. въ Тиманской и Больше-

земельской тундрахъ погибло отъ ящура около 120 т. оленей, а вслѣдъ за этимъ въ Тиманской тундрѣ начала свирѣпствовать сибирская язва и произвела большія опустошенія. Оленеводы понесли болѣе двухъ милліоновъ рублей убытка и многіе изъ нихъ окончательно раззорились.

Лѣсъ, тѣсно обхватывающій селенья, пашни и сѣнокосы сѣвернаго края, служитъ однимъ изъ главныхъ источниковъ многихъ заработковъ мѣстнаго населенія.

Лѣсъ на сѣверѣ могущественно вліяетъ на бытъ и характеръ мѣстныхъ жителей и всецѣло входитъ въ обиходъ повседневной жизни. Изъ дерева и бересты здѣсь дѣлаютъ множество предметовъ домашней утвари, посуду, даже замки и ключи. Рубка и сплавъ лѣса ведутся на сѣверѣ въ большихъ размѣрахъ и доставляютъ жителямъ хорошіе заработки, особенно въ Архангельской губерніи. Промыслы эти не замысловатые, но одни изъ самыхъ трудныхъ.

Рубить деревья крестьянамъ приходится въ зимнюю пору, по поясъ въ снѣгу, а отдыхать послѣ тяжелой работы въ угарной лѣсной избушкѣ, прямо на полу и на сквозномъ вѣтрѣ изъ щелей. Еще тяжелѣе сшивка плотовъ, когда приходится иногда работать по плечи въ холодной водѣ, а отдыхать и отогрѣваться чаще всего на свѣжемъ воздухѣ у костра, или въ шалашѣ

на самомъ плоту. Не мало трудовъ и напастей приходится вынести сплавщикамъ и тогда, когда плотъ уже собранъ и вышелъ на средину рѣки: можетъ онъ застрять у берега или на мели, надломиться или разсыпаться. И для жизни и для здоровья опасности много на такой работѣ, и немногимъ изъ сплавщиковъ удается уберечься отъ разныхъ простудныхъ болѣзней.

Важными лѣсными промыслами являются также „сидка“ смолы, „гонка“ дегтя и скипидара. Смолокуреніемъ занимаются преимущественно въ Шенкурскомъ уѣздѣ Архангельской губерніи. Въ началѣ весны крестьяне отправляются въ лѣсъ и производятъ „засочку“ сосенъ, т. е. обдираютъ кору отъ корня на высоту человѣческаго роста. Засоченныя деревья остаются на корню 2—4 года и каждый годъ заливаются новой сѣрой, которая спускается изъ подъ коры внизъ по осочкѣ и тутъ застываетъ. Затѣмъ деревья срубаютъ, раскалываютъ на чурки или полѣнья и выкуриваютъ смолу или въ ямахъ (что дешевле, но зато смола ниже достоинствомъ), или въ особо устроенныхъ печахъ Заработокъ смолокура ничтоженъ— нѣсколько копеекъ въ день, но такъ какъ этотъ промыселъ ведется силами семьи и въ свободное время, то онъ въ общемъ составляетъ видную статью крестьянскаго до-

хода. Деготъ добывается путемъ перегонки изъ березовой коры; самый лучшій сортъ дегтя гонится въ Кадниковскомъ уѣздѣ Вологодской губерніи.

Охота на звѣрей и птицъ является въ лѣсной полосѣ весьма важнымъ источникомъ пропитанія для зырянъ и для многихъ русскихъ. Съ Рождества Богородицы крестьяне на лыжахъ, вооружившись плохими самодѣльными ружьями и взявъ запасъ сухарей и толокна, отправляются въ лѣсъ и проводятъ тамъ время до глубокихъ снѣговъ, когда собака вязнетъ и охота становится невозможною. Охотники ночуютъ или подъ открытомъ небомъ, или въ одной изъ промысловыхъ избушекъ, которыхъ довольно много настроено звѣропромышленниками въ лѣсной глуши. Несмотря на то, что законъ 1892 г. запретилъ ловлю птицы и звѣря силками и тенетами, дозволивъ только охоту ружейную, охотой здѣсь занимаются очень многіе и заработокъ ихъ достигаетъ крупной цифры. Здѣсь бьютъ множество бѣлокъ, медвѣдей, выдръ, лисицъ, норокъ, даже куницъ и горностаевъ; здѣсь процвѣтаетъ также охота на лѣсную дичь (тетерева, рябчики, куропатки), и зимою цѣлые обозы съ дичью отправляются съ сѣвера въ Москву и Петербургъ. Зимою въ тундровой полосѣ также производится дѣятельная охота на пушнаго звѣря, а на о-вѣ

Колгуевѣ въ лѣтнее время избивается огромное количество гусей. Къ охотничьимъ промысламъ можно отнести и добываніе на скалахъ Мурмана, на о-вѣ Колгуевѣ и на Новой Землѣ цѣннаго гагачьяго пуха. Къ сожалѣнію, этотъ промыселъ ведется очень неразсчетливымъ способомъ. Поморы убиваютъ гагаръ и собираютъ ихъ яица, не приносящія и сотой доли той пользы, какую могъ принести гагачій пухъ. Птицы, постоянно преслѣдуемыя, покидаютъ Архангельскія побережья и переселяются въ Норвегію, гдѣ законъ дозволяетъ только выбирать пухъ изъ покинутыхъ птицами гнѣздъ; благодаря такой разумной бережливости, норвежцы зарабатываютъ ежегодно на гагачьемъ пуху нѣсколько сотъ тысячъ рублей. Въ Печорскомъ краѣ, по сосѣдству съ Ураломъ, жители промышляютъ сборомъ кедровыхъ орѣховъ. Промыселъ этотъ ведется такъ же неразсчетливо, какъ и предыдущій: чтобы собрать орѣхи, крестьяне рубятъ вѣковые кедры, надѣясь на то, что всѣхъ ихъ не вырубить.

Минеральныя богатства сѣвернаго края мало еще извѣстны и разработка ихъ не имѣетъ крупныхъ размѣровъ. Вологодская губернія, повидимому, не особенно богата минералами. Главные изъ нихъ соль и желѣзо. Соль издавно добывается изъ соляныхъ ключей въ Тотемскомъ (Леденгскія соле-

варни) и Яренскомъ (Сереговскія солев.) уѣздахъ, а желѣзо по берегамъ рѣки Сысолы; кромѣ того, предметомъ добычи служитъ брусяной камень на берегахъ Печоры. По р. Ухтѣ, начинающейся въ Вологодской губерніи и впадающей въ Ижму въ предѣлахъ г. Архангельской (при селеніи Усть-Ухта), есть залежи горючаго сланца (доманика), сильно пропитанныя нефтью. По мѣстнымъ преданіямъ, въ половинѣ XVIII-го вѣка одинъ купецъ устроилъ на Усть-Ухтѣ нефтеочистительный заводъ и отправлялъ нефть въ Москву. Въ концѣ XVIII-го вѣка заводъ сгорѣлъ и дѣло это заглохло на долгое время. Въ 70-хъ годахъ текущаго столѣтія извѣстный знатокъ сѣвера, М. К. Сидоровъ, обратилъ вниманіе на Ухтинскую нефть и получилъ отъ правительства участокъ въ одну квадр. версту для добыванія горной смолы. Сидоровъ немедленно приступилъ къ буренію, причемъ одна буровая скважина дала 1000 пуд. нефти, а затѣмъ отправилъ значительное количество доманика въ Парижъ для добыванія свѣтильнаго газа. Дѣло это однако не развилось, но въ послѣдніе годы одинъ предприниматель произвелъ многочисленныя развѣдки по Ухтѣ и получилъ отъ правительства значительныя льготы для разработки нефти. Изъ ухтинской смолы можно приготовить и керосинъ, и парафинъ, и асфальтъ, и смазочное масло,

а изъ доманика мѣстные крестьяне уже давно дѣлаютъ разныя прочныя и красивыя вещицы. Но ископаемыя богатства Архангельской губерніи не ограничиваются одною нефтью. По рѣкѣ Цыльмѣ встрѣчаются мѣдныя руды, къ разработкѣ которыхъ уже преступили, въ окрестностяхъ Тиманскаго кряжа—сѣрный колчеданъ, лигнитъ (бурый каменный уголь) и небольшія залежи свинцоваго блеска. Кромѣ того, на нѣкоторыхъ островахъ Бѣлаго моря и въ Лапландіи имѣются свинцово-серебряныя и мѣдныя руды; въ разныхъ мѣстахъ Лапландіи находили также цинкъ, желѣзо и даже золото. Но покамѣстъ всѣ эти богатства мало привлекаютъ къ себѣ вниманіе капиталистовъ и предпринимателей.

Самымъ главнымъ источникомъ пропитанія населенія Архангельскаго края служитъ море. Не даромъ поморы говорятъ: „Море—наше поле: дастъ Богъ рыбу—дастъ Богъ и хлѣбъ“. На Бѣломъ морѣ и на быстрыхъ, порожистыхъ рѣкахъ, въ него впадающихъ, ловится самая цѣнная рыба сѣвера, семга. Промышленники ловятъ семгу осенью разными способами: и заборами, и въ мережи, и ставными неводами. Зимою семга въ соленомъ видѣ отправляется на продажу въ столицы. Сельдяной промыселъ отличается менѣе прибыльнымъ, но зато чрезвычайно обильнымъ уловомъ. Сельдь ловится преи-

мущественно осенью, главнымъ образомъ въ Онежской и Кандалакшской губахъ Бѣлаго моря, причемъ въ послѣдней она гораздо крупнѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ. Въ Бѣломъ морѣ, а также въ Мезени и на Печорѣ также весьма обиленъ въ зимнее время уловъ одному нашему сѣверу свойственной рыбы, наваги. Она ловится изъ прорубей на удочки и сбывается въ мороженомъ видѣ внутрь Россіи. Но самый главный и коренной промыселъ поморовъ—это ловъ трески на Мурманскомъ берегу.

Зимою вмѣстѣ съ наносными льдами въ Бѣлое море приплываютъ морскія звѣри: тюлени, тевякъ, морской заяцъ и нерпа. Въ февралѣ самки приносятъ дѣтенышей и кормятъ ихъ грудью. Весною, вмѣстѣ со льдами, звѣри стремятся въ океанъ и въ это время промышленники бьютъ звѣрей на льдинахъ или баграми или стрѣляютъ ихъ изъ винтовокъ. Лѣтомъ ловятъ сѣтями бѣлухъ (изъ породы дельфиновъ), которыхъ очень много водится въ мутныхъ водахъ Мезенскаго залива. Ловъ морскихъ звѣрей очень прибыленъ не только на Бѣломъ морѣ, но и у побережья тундры и у острововъ Колгуева, Вайгача и Новой Земли. У береговъ Мурмана водится много китовъ и акулъ, ловъ которыхъ можетъ давать крупные барыши, но китобойный и

акулій промыслы въ настоящее время еще не развиты *).

Обработывающая промышленность сѣвернаго края вообще незначительна. Изъ отраслей ея наиболѣе видное мѣсто занимаютъ приготовленіе на лѣсопильныхъ заводахъ Архангельской губерніи брусьевъ, досокъ и тесу для отправки за границу, затѣмъ судостроеніе. Оно сосредоточивается преимущественно на побережьяхъ Бѣлаго моря, но существуетъ также и въ другихъ мѣстахъ, напр., по Сухонѣ строится довольно много рѣчныхъ судовъ, особенно такъ называемыхъ каюковъ. Съ февраля мѣсяца во всѣхъ бѣломорскихъ селеніяхъ идетъ дѣятельная стройка и починка шкунъ, яхтъ и промысловыхъ безпалубныхъ шнякъ и карбасовъ. Всего больше строятъ здѣсь двухмачтовыхъ шкунъ. Постройкою хорошихъ и ходкихъ морскихъ судовъ славятся деревня Подужемье (близъ Кеми) и села Шуя и Мудьюга. Здѣшнія суда, треть которыхъ носитъ имя св. Николая, плаваютъ по Бѣлому морю, ходятъ изъ Архангельска на Мурманъ, въ Норвегію и даже въ Петербургъ, кругомъ Скандинавскаго полуострова. Далѣе заслуживаютъ вниманія канатно-прядильное и кожевенное производства и выдѣлка замши. Пенька для

---

*) Подробности о рыболовствѣ и морскомъ звѣроловствѣ находятся въ отдѣльныхъ очеркахъ нашего сборника.

канатно - прядильныхъ заводовъ главнымъ образомъ привозится изъ Вятской губерніи; идетъ въ дѣло и мѣстная пенька, но въ очень незначительномъ количествѣ. Выдѣлка замши изъ оленьихъ шкуръ, сосредоточивающаяся въ Печорскомъ уѣздѣ, составляетъ важную отрасль промышленности. Производство замши состоитъ въ слѣдующемъ: шкуры, очищенныя ножемъ отъ шерсти, выдерживаются нѣкоторое время въ жидкомъ известковомъ растворѣ, а затѣмъ снова очищаются двуручными ножами отъ остатковъ шерсти. Очищенную шкуру два раза поочередно мнутъ и пропитываютъ ворванью, затѣмъ сушатъ, промываютъ крѣпкимъ, горячимъ щелокомъ, вывѣтриваютъ, вторично сушатъ и тогда уже отправляютъ на продажу въ Москву или въ Нижній-Новгородъ.

Въ западной части Вологодской губерніи довольно обширные размѣры имѣетъ производство полотна. Пряденіе нитокъ и выдѣлка холста здѣсь распространены повсемѣстно и въ нѣкоторыхъ волостяхъ этимъ дѣломъ занимаются по окончаніи полевыхъ работъ не только женщины, но и мужщины. Кромѣ того, огромное количество мѣстнаго льна перерабатывается на полотняной и льнопрядильной фабрикѣ купца Грибанова, при деревнѣ Красавиной, въ Устюгскомъ уѣздѣ. Фабрика основана въ 1815 году и

производитъ пряжи, полотенъ и другихъ издѣлій на нѣсколько сотъ тысячъ рублей. Работы на фабрикѣ производятся отчасти ручнымъ способомъ. Ленъ скупается въ полуобработанномъ видѣ въ уѣздахъ Устюгскомъ и Сольвычегодскомъ, а главными мѣстами сбыта издѣлій служатъ обѣ столицы и ярмарки ирбитская и нижегородская.

Кромѣ того, въ разныхъ мѣстностяхъ сѣвернаго края издавнѣ существуютъ многіе кустарные промыслы: въ Холмогорахъ выдѣлка рѣзныхъ и точеныхъ издѣлій изъ моржовой кости, въ Вологдѣ—плетеніе кружевъ, находящій себѣ хорошій сбытъ въ столицу и даже въ заграничные магазины, въ окрестностяхъ Кубенскаго озера выдѣлка различныхъ вещей изъ рога, особенно гребней, въ Устюгѣ и Сольвычегодскѣ выдѣлка серебряныхъ издѣлій и т. д.

Промышленная жизнь сѣвернаго края, несмотря на ея разнообразіе, въ настоящее время находится въ застоѣ. Между тѣмъ природа открыла здѣсь поприще для многихъ видовъ человѣческаго труда, исключая земледѣліе, и даетъ полную возможность обезпеченнаго существованія болѣе многочисленному населенію, чѣмъ какое живетъ теперь въ этомъ краѣ. Край этотъ богатъ и рыбой, и морскимъ и пушнымъ звѣремъ, и минералами; его лѣса могутъ составить крупную постоянную статью государствен-

наго дохода и отпускной торговли, а поемные луга по рѣкамъ представляютъ всѣ условія для широкаго развитія скотоводства. Наконецъ въ Архангельскѣ Россія имѣетъ превосходный портъ, а на Мурманѣ незамерзающія гавани, откуда русскій флотъ можетъ имѣть свободный выходъ во всѣ страны міра. Когда этотъ край будетъ соединенъ желѣзнодорожными путями съ остальной Россіей, тогда конечно оживится его промышленная и торговая дѣятельность. Начало этому соединенію уже положена: Архангельскъ уже соединенъ съ Москвой рельсовымъ путемъ, который несомнѣнно принесетъ большія выгоды всему нашему сѣверу *).

10. Путь изъ Кандалакши въ Колу.

(Д. Н. Островскій).

Изъ всѣхъ лодочно-пѣшеходныхъ путей на сѣверъ путь изъ Кандалакши въ Колу наиболѣе устроенный и легкій. Мѣстами пѣше-

*) *Источники и пособія:* „Систематическій сборникъ очерковъ по отечествовѣдѣнію". Спб. 1898 г.; Э. Реклю. „Земля и люди" т. V; „Живописная Россія". Т. I ч. I; Д. Н. Островскій „Путеводитель по сѣверу Россіи". Спб. 1898 г.; П. Семеновъ „Геогр. словарь Россійской Имперіи"; „Энциклопедическій словарь". изд. Брокгауза и Ефрона; А. П. Энгельгардъ „Русскій Сѣверъ"; К. К. Случевскій. „По сѣверо-западу Россіи"; учебники П. Бѣлоха (въ переработкѣ А. Соколова), С. Меча и мног. друг.

ходная дорога такъ хороша, что производитъ впечатлѣніе проѣзжей. На нѣкоторыхъ протяженіяхъ, даже камни убраны въ сторону и лежатъ маленькими барьерами. Иногда дорога съуживается въ тропинку и вьется по гористымъ и каменистымъ переходамъ. На болотистыхъ мѣстахъ проложены мостки или троттуары, въ четыре пластины, съ круглыми бревными по бокамъ. Мѣстами различается зимнее и лѣтнее направленіе дороги. Дорога часто прерывается, озерами и рѣчными плесами, по которымъ сообщеніе производится на лодкахъ. Переходы по дорогѣ отъ одного озера до другого называются „тайболами“. Этотъ путь пройденъ многими туристами и даже туристками. Проходящіе по Кольскому полуострову уплачиваютъ прогонные по числу почтовыхъ лошадей, но каждая лошадь замѣняется двумя ямщиками—лопарями, которые провожаютъ путника отъ станціи до станціи, несутъ его багажъ, не свыше 2-хъ пудовъ на носильщика, и везутъ его на лодкахъ по рѣкамъ и озерамъ. Ружье и удочка всегда доставятъ къ столу путника рыбу (кумжу, харіусовъ, семгу, окуней, сиговъ) и дичь (глухарей, бѣлыхъ куропатокъ и утокъ разныхъ породъ). По дорогѣ встрѣчаются въ изобиліи грибы и ягоды. Надо принимать во вниманіе, что лѣтомъ внутри Лапландіи термометръ нерѣдко показываетъ $+20^0$ и

25° Ц. въ тѣни, и хотя вечеръ, ночь, утро и день въ этихъ широтахъ опредѣляются только часами, такъ какъ солнце не сходитъ съ горизонта, но все-таки идти лучше ночью, когда бичъ сѣвера—комары не такъ осаждаютъ. Во время ходьбы на лицо слѣдуетъ надѣвать отъ комаровъ тюлевую вуаль—„накомарникъ“, а въ палаткѣ или въ избѣ зажигать такъ называемые Соловьевскія курительныя свѣчи. Разстояніе между Кандалакшей и Колой по лѣтнему пути 229½ верстъ и обыкновенно проходится въ 3 сутокъ.

Высокія утесистыя горы, нерѣдко только до половины покрытыя лѣсомъ, пробирающіяся между ними и съ шумомъ несущіяся по камнямъ порожистыя рѣки и потоки, широкая гладь пустынныхъ озеръ постепенно развертываютъ предъ глазами идущаго по Лапландіи путника рядъ безконечно разнообразныхъ, чарующихъ своею дикою прелестью картинъ. Особенно привлекаетъ къ себѣ вниманіе путника, огромное озеро Имандра, имѣющее по прямому направленію съ юга на сѣверъ въ длину 100 верстъ и въ ширину отъ 5 до 30 верстъ Къ западу оно образуетъ нѣсколько длинныхъ и широкихъ заливовъ. На южномъ берегу озера станція Зашеекъ, на западномъ станція Іокостровъ, противъ которой на противоположномъ восточномъ берегу

высятся громады Хибинскихъ горъ съ остроконечными снѣжными вершинами. Далѣе къ сѣверу противъ острова Высокаго онѣ круто спускаются въ озеро и образуютъ дикое и мрачное ущелье Юмъегоръ, идущее съ запада на востокъ и представляющее собою узкую щель между нависшими каменными скалами. Ущелье находится на высотѣ 1.835 фут. надъ уровнемъ озера, и изъ него открывается живописный видъ на озеро Имандру, съ его островами и заливами, и на пестрѣющія снѣжными пятнами среди лѣсовъ и холмовъ величавыя тундры Чумъ и Мончъ. Очень живописны также берега р. Колы. Не доѣзжая по ней до г. Колы 30-хъ верстъ, путникъ выходитъ на берегъ и поднимается на гору Суолова-рака, съ которой открывается одинъ изъ живописныхъ видовъ Лапландіи: справа бурно несется по порогамъ рѣка Кола, слѣва быстро, но плавно течетъ широкая Тулома, между ними внизу на мысу разсыпался маленькій городокъ Кола (68° 52′ с. ш). съ бѣлой громадой своего собора, прямо среди горъ теряется и уходитъ вдаль къ океану Кольскій заливъ. Красивая Лапландія, съ начала до конца пути, даритъ любителя природы минутами высокаго восторга и наслажденія.

Съ прекращеніемъ пароходныхъ рейсовъ по Бѣлому морю и Сѣверному океану и

по наступленіи зимняго пути, что однако случается обыкновенно не ранѣе начала декабря, по этой дорогѣ между Кандалакшой и Колой открывается почтовое сообщеніе на оленяхъ. Въ концѣ февраля и въ началѣ марта по этому пути проходятъ ватаги покрученіковъ (рыбопромышленниковъ) на Мурманскій берегъ. Зимній путь нѣсколько короче лѣтняго (215 верстъ) и при благопріятныхъ условіяхъ, т. е. при хорошей погодѣ и безъ задержекъ на станціяхъ по случаю поисковъ оленей, можетъ быть совершенъ въ 1½ сутки. Самый характеръ пути совершенно измѣняется. Догащившись „лежакомъ“ въ одиночку отъ Кеми до Кандалакши, путникъ садится здѣсь на оленей. Для ѣзды на оленяхъ по русской Лапландіи употребляются троякаго рода экипажи: чунки—санки съ высокими полозьями, кережки, имѣющія видъ корыта, заостреннаго съ однаго конца и болокъ, т. е. кережка, поставленная на полозья и закрытая парусиннымъ верхомъ. Хорошо устроенный болокъ тепелъ покоенъ и удобенъ въ дурную погоду или на очень длинныхъ перегонахъ. Въ кережку впрягается или, вѣрнѣе, къ ней привязывается веревкою, идущею отъ надѣтаго на шею хомутика, всегда только одинъ олень; въ кережкѣ можно ѣхать только одному и самому надо править оленемъ, что требуетъ

нѣкоторой снаровки и самого терпѣливаго и кроткаго обращенія съ оленемъ, бить котораго совершенно безполезно и никогда въ Лапландіи не допускается. Управляются олени всегда одной возжей и погоняются длинною двухсаженною палкою (хорей). Въ болокъ и санки впрягается пара, тройка и даже четверня оленей. Картина оленьяго поѣзда или „райды“ слѣдующая. Вещи укладываются и увязываются въ кережки; всѣ становятся у своихъ оленей, крѣпко намотавъ на правую руку возжу, и ждутъ когда тронется передній лопарь — проводникъ, райникъ. Райникъ вскочилъ въ кережку и полетѣлъ впередъ. За нимъ вскачь стремглавъ бросаются остальные олени. Перегоняя другъ друга, несутся олени, стараясь изъ всѣхъ силъ догнать своего передняго товарища и неразбирая ни камней, ни кручъ, ни выбоинъ. Съ обѣихъ сторонъ надъ ухомъ путника слышится свистящій храпъ, мелькаютъ разинутые морды, болтаются окрававленные языки, черные глаза горятъ дикимъ огонькомъ. Въ этой сумятицѣ роговъ, въ вихрѣ летящаго изъ подъ копытъ и залѣпляющаго глаза снѣга несется райда двѣ-три версты, пока не вылетитъ изъ лѣсу на полянку или на просторъ озера, гдѣ райникъ вдругъ сворачиваетъ своего оленя въ сторону, выскакиваетъ изъ кережки и втыкаетъ въ

снѣгъ свой хорей—знакъ остановки. Происходитъ еще большая путаница. Разбѣжавшіяся санки и кережки бьютъ оленей по ногамъ, тѣ прыгаютъ, бросаются въ сторону, наконецъ останавливаются и жадно хватаютъ снѣгъ. Далѣе олени бѣгутъ уже обыкновенной мѣрной рысью одинъ за другимъ, вереницей, тяжело дыша и высунувъ языки, какъ собаки. Черезъ каждыя 7—10 верстъ снова короткая остановка для утоленія снѣгомъ жажды оленей, и такъ до слѣдующей станціи, гдѣ на свѣжихъ оленяхъ снова бѣшенная скачка, затѣмъ мѣрная рысь и т. д. и т. д.

Путешественнику по Лапландіи зимой не разъ приводится наслаждаться и дивными лунными ночами, и чуднымъ зрѣлищемъ сѣвернаго сіянія (сполохъ). Дивное зрѣлище! Но само собою разумѣется, что отправляясь зимой въ Лапландію, надо быть готовымъ и къ другимъ подчасъ тяжелымъ условіямъ: страшные морозы, леденящій кровь вѣтеръ—„хвіюсъ“, вьюги, мятели могутъ застигнуть путника въ пути и потребовать отъ него мужества въ перенесеніи невзгодъ.

---

11. Мурманскій берегъ.

(В. И. Немировичъ-Данченко).

Начиная отъ Святого Носа до устья рѣки Ворьемы, т. е. до границы Норвегіи, тянется громадный каменный валъ, извилины котораго образуютъ множество заливовъ, губъ и полуострововъ. Высота гранитнаго кряжа отъ 200 футовъ доходитъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ до 1,000 футовъ и болѣе. Дикимъ величіемъ вѣетъ отъ сѣрыхъ громадъ, только кое-гдѣ подернутыхъ скудною зеленью да полевыми пятнами ягеля. Скалы разорваны и искрещены безчисленными щелями и трещинами, въ которыхъ до послѣднихъ чиселъ іюня, а въ другихъ и до августа, бѣлѣютъ полосы еще не стаявшаго зимняго снѣга. Массы скалъ навалены однѣ на другія; самые причудливые утесы вздымаются прямо изъ пѣнистыхъ валовъ океана, отвѣсныя стѣны берега окаймляютъ покойныя воды заливовъ, гдѣ въ самыя сильныя бури на океанѣ—вода не всколыхнется и только разбѣгающаяся широкимъ кругомъ зыбь бороздитъ воду тамъ, гдѣ на поверхность ея подымаются безчисленныя стада сайды или плюхнетъ хищная акула. Круглые, овальные, растянувшіеся въ длинные хребты острова запираютъ входы въ эти бухты, да и за ними въ океанѣ, на безконечномъ про-

сторѣ мѣрно вздымающихся и падающихъ валовъ, сѣрѣютъ тѣ же безлюдныя, мертвыя, сѣрыя громады. Разноцвѣтные лишаи, пестрятъ гранитныя, гнейсовыя или сланцовыя породы, переходящія за островомъ Кильдинымъ въ сплошныя стѣны. Куполообразныя, пирамидальныя, коническія пахты (скалы) иногда выдвигаются далеко за предѣлы этого берега, словно природные молы, защищая его отмелые склоны отъ бѣшеннаго напора Ледовитаго океана. Въ другихъ мѣстахъ виды горъ становятся еще величественнѣе и живописнѣе: мрачныя, каменныя массы крутыми уступами обрываются въ море, глухо шумящее у ихъ колоссальныхъ подножій. Часто эти сплошные валы разсѣдаются, раскалываются сверху до самаго моря на вертикальныя щели; еще чаще они представляютъ стѣны, сваленныя изъ камня, каждая величиной съ домъ средняго размѣра. Вокругъ вьются съ рѣзкими криками цѣлыя стаи чаекъ, гагаръ, гагъ, чистиковъ, нырцовъ и буревѣстниковъ. На далекихъ карнизахъ каменнаго берега тянутся волнистыя бѣлыя линіи милліоновъ сидящихъ здѣсь полярныхъ птицъ. Часто гребни и террасы обрывовъ кажутся покрытыми снѣгомъ; но пусть загремитъ выстрѣлъ—и вся эта бѣлая полоса вдругъ вспыхнетъ и разсѣется съ унылымъ крикомъ такими же бѣлыми тучами надъ разомъ опустѣвшею гра-

нитною громадой. Орлы-рыболовы черными точками висятъ надъ этимъ каменнымъ великолѣпіемъ хаотическихъ громадъ, а издали высоко взметываются вверхъ фонтаны, выбрасываемые многочисленными китами изъ своихъ дыхалъ.

Вотъ и ихъ черныя, неуклюжія массы. Одна плюхнула у самаго подножія утеса, нырнувъ головою внизъ и плеснувъ хвостомъ по остеклѣвшей влагѣ; миріады брызгъ засверкали надъ взбаломученною поверхностью океана, чайки еще рѣзче застонали надъ нею, да издали откликнулось имъ жалобное рыданіе гагаръ... Земля у самаго океана почти безплодна. Близъ Семіостровья вы уже не встрѣтите ни одного деревца, только въ логахъ зеленѣютъ узкія полоски травы, да три четыре сѣверныхъ цвѣтка оживляютъ печальное однообразіе полярнаго пейзажа.

Словно пробивая себѣ узкія дороги сквозь каменныя породы, быстрыя рѣки мчатся въ океанъ или Бѣлое море по корридорамъ, образуемымъ гранитными массами Лапландіи,—гремя по пути въ безчисленныхъ порогахъ, падая сотнями прелестныхъ водопадовъ, а тамъ, гдѣ стѣны этихъ корридоровъ расходятся, расплываясь въ недвижные, чистые какъ хрусталь, прекрасные плесы. Зимою этотъ берегъ безжизненъ и пустыненъ, за исключеніемъ дальняго запада, гдѣ недавно устроились девятнадцать колоній. Ледяные

припаи оковываютъ въ это время восточную половину Мурмана,—весь же онъ засыпается снѣгами. По свинцовому простору ходятъ громады ледяныхъ стамухъ и торосовъ. Только кое-гдѣ въ щели, защищенной отъ сѣвернаго вѣтра, курится одинокая вѣжа лопаря, сторожащаго безлюдное становище. Зато лѣтомъ въ каждой губѣ ключемъ бьетъ промысловая жизнь, тысячи шнякъ и сотни людей и шкунъ бороздятъ воды океана, суета неутомимаго безотходнаго труда кипитъ въ станахъ, гдѣ небольшія, развалочныя избы переполнены рыболовами. Становища—тѣ же села, съ тѣмъ только различіемъ, что избы здѣсь разбросаны то одиночками, то группами по небольшимъ выступамъ и площадкамъ утесовъ. Однѣ вверху, другія внизу, однѣ упрятались въ горную щель, другія — ютятся у подножія сѣрыхъ скалъ, третьи торчкомъ выпятили свои срубы на плѣшкахъ куполообразныхъ холмовъ. Иногда одинъ станъ виситъ надъ другимъ, и по крутой тропинкѣ тянутся между ними жерди въ видѣ перилъ. Между избами — амбары для складовъ рыбы, скеи, изрѣдка черныя бани, жиротопенныя печи и заводы, и повсюду длинные ряды увѣшенныхъ сухою трескою палтуховъ, громадные костры сушеныхъ тресковыхъ головъ, тресковыя же головы, разсѣянныя и разбросанныя по всему берегу, чаны съ саломъ,

жирныя, покойныя собаки и группы измученнаго на работѣ, но кажущагося до первой горячки здоровымъ на видъ трудоваго люда. На отмелый берегъ опрокинуты нарочно вытащенныя и просто накренились на бокъ обсохшія во время отливовъ шняки и карбасы; въ волнахъ бухты слегка покачиваются на якоряхъ шкуны, во всѣхъ направленіяхъ бороздятъ океанъ ладьи и парусныя лодки;—и, неизбѣжныя, впереди и позади, направо и налѣво, сѣрѣютъ и желтѣютъ причудливыя каменныя массы, на крайнихъ выступахъ которыхъ чернѣютъ кучки высокихъ деревянныхъ крестовъ. Это—могилы промышленниковъ, или погибшихъ на промыслѣ, или умершихъ здѣсь въ становищахъ, далеко отъ всего любимаго, милаго, дорогого сердцу.

---

12. Птичій базаръ.

(А. Никольскій).

Недалеко отъ входа въ Гавриловскую бухту *) находится крошечный скалистый островокъ, Гусинецъ, на которомъ имѣются птичьи горы, одна изъ самыхъ замѣчательныхъ особенностей животной жизни полярныхъ морей. Мурманскіе поморы называютъ такія горы базарами, и въ дѣйствительности

*) На Мурманѣ.

это настоящій птичій базаръ, или даже ярмарка. Представьте себѣ большую скалу, отвѣсно, въ видѣ стѣны, спускающуюся въ море. На узкихъ выступахъ камня этой стѣны отъ самой вершины ея почти до поверхности воды длинными рядами, словно солдаты, вытянувшись въ струнку, сидятъ птицы. Это гагарки и кайры. Тутъ же подъ бушующимъ прибоемъ въ такомъ же множествѣ носятся чайки. Такова картина „базара“, если смотрѣть на него издали.

Вблизи, наблюдателя положительно оглушаетъ страшный содомъ, который поднимаетъ птичье населеніе колоніи съ появленіемъ человѣка или какого другого опаснаго для птицъ существа. Для перваго знакомства я забрался на самую верхушку Гусинца съ пологой его стороны и, подойдя къ обрыву, легъ на землю; затѣмъ, пододвинувшись къ самому краю его, выставилъ голову надъ пропастью. Съ грохотомъ разбиваясь о каменную стѣну, внизу пѣнился прибой; на выступахъ скалы, блестя своими, бѣлоснѣжными брюшками, сидѣли гагарки и кайры; въ сторонѣ отъ нихъ, прикрывая своими тѣлами огромные камни, держались стада чаекъ. Въ колоніи царили миръ и спокойствіе. Какъ разъ подо мной на разстояніи двухъ трехъ саженъ на узкомъ карнизѣ лѣпились нѣсколько кайръ. Онѣ замѣтили мою голову и съ любопытствомъ

стали разглядывать этотъ нежданно явившійся предметъ. Одна самка, то и дѣло озираясь въ мою сторону, съ видимымъ волненіемъ поправляла своего единственнаго дѣтеныша. Когда я сталъ бросать въ нее камешки, она пыталась схватить ихъ клювомъ, если какой-нибудь слишкомъ близко пролеталъ мимо нея.

Такъ какъ съ вершины скалы стрѣлять было безполезно, потому что убитыя птицы падали бы въ море, то я, сдѣлавъ обходъ, спустился къ подножію горы въ томъ мѣстѣ, гдѣ отвѣсная стѣна пересѣкалась ущельемъ. По бокамъ его точно также гдѣздились птицы. Вотъ здѣсь-то началось настоящее вавилонское столпотвореніе. Еще когда я только что началъ пробиваться по дну ущелья ближе къ морю, меня замѣтили чайки. Дружно, словно пернатая армія, повинующаяся одному начальнику, съ крикомъ и визгомъ, бросились онѣ на врага. Цѣлой тучей, заслоняя своими крыльями небо вились онѣ надъ моей головой; по временамъ то та, то другая вырывалась изъ общей стаи и съ яростью бросалась ко мнѣ, пытаясь долбануть меня клювомъ, или выпачкать пометомъ. Послѣ перваго выстрѣла чайки метнулись въ сторону, крикъ ихъ на мгновеніе замолкъ, а изъ-за угла ущелья появились новыя тучи потревоженныхъ птицъ, не участвовавшихъ въ сраженіи. То

были по большей части гагарки и кайры. Не прошло секунды, какъ чаячья армія снова окружила меня и съ удвоенной яростью пыталась нанести мнѣ увѣчье. При этомъ поднялся такой содомъ, что рева прибоя уже какъ бы не существовало: онъ совершенно заслушался птичьими криками. Мало того, когда въ видѣ опыта, я закричалъ такъ громко, какъ только могъ, то не услышалъ собственнаго голоса. Отъ множество рѣзкихъ криковъ, то похожихъ на плачъ ребенка, напоминающихъ хохотъ взрослаго человѣка, или хрюканье свиньи, въ воздухѣ стоялъ настоящій стонъ. Слѣдующіе выстрѣлы уже не производили никакого особаго впечатлѣнія на птицъ. Убитыя чайки падали къ моимъ ногамъ, кайры валились къ подножію стѣны, а натискъ птичьей арміи и всеобщій содомъ ни мало не ослабѣвали въ своей силѣ. Особенно поражали какимъ-то необычайнымъ для дикихъ птицъ безстрашіемъ гагарки и кайры. Несмотря на мою пальбу, онѣ преспокойно сидѣли на своихъ карнизахъ не далѣе, какъ въ двухъ десяткахъ шаговъ отъ меня. Когда я разстрѣлялъ всѣ патроны крупной дроби и сталъ палить въ кайръ бекасинникомъ, то тѣ самыя птицы, которыхъ я обдавалъ это самой мелкой и по большей части безвредной для нихъ дробью, какъ ни въ чемъ не бывало, сидѣли себѣ на своихъ гнѣздахъ.

Сердито хрюкая, онѣ только отряхивались отъ дроби, или если она попадала имъ прямо въ голову, падали мертвыми. Такимъ поведеніемъ гагарки и кайры обнаруживали, конечно, ни что иное, какъ глупость, но въ дѣйствіяхъ чаекъ нельзя не видѣть геройства, въ самымъ возвышенномъ смыслѣ этого слова. Въ самомъ дѣлѣ, чайки прекрасно знаютъ, что за существо человѣкъ, да еще человѣкъ вооруженный ружьемъ. Попытайтесь подойти къ нимъ, когда онѣ парами или въ одиночку вдали отъ колоніи сидятъ на берегу моря, и вы увидите, что чайка не подпуститъ васъ близко: она улетитъ раньше, чѣмъ вы подойдете къ ней на разстояніе выстрѣла, а тутъ, въ этой колоніи, гдѣ тысячи птицъ выводятъ своихъ дѣтей, чайки преображаются. Здѣсь онѣ, вполнѣ сознавая опасность, забывая чувство самосохраненія, идутъ на смерть для того, чтобы прогнать ихъ общаго врага. Каждая отдѣльная птица въ этомъ случаѣ защищаетъ не себя, и даже не дѣтей своихъ, такъ какъ ея собственное гнѣздо можетъ находиться гдѣ-нибудь поодаль на недоступной скалѣ, она охраняетъ всю колонію вообще и ради этихъ общественныхъ интересовъ жертвуетъ жизнью. Чѣмъ отличается такой поступокъ отъ подвига, совершеннаго человѣкомъ? Единственно только безсознательностью. Посмотрите, какіе пло-

ды приносятъ самоотверженное поведеніе чаекъ, когда въ ихъ колоніи появится хищникъ четвероногій или пернатый, лисица напр. или орелъ. „Дай Богъ убраться только по добру и по здорову!“—вотъ что подумаетъ этотъ хищникъ, если его случайно занесетъ судьба въ это птичье государство. Вонъ, летитъ орланъ-бѣлохвостъ, тотъ самый орланъ, который безъ всякаго труда бьетъ гагарокъ и кайръ, если онъ встрѣтитъ кого-нибудь изъ нихъ въ одиночку. А посмотрите, какой дѣлаетъ онъ крюкъ, для того, чтобы быть подальше отъ колоніи; онъ знаетъ, что тамъ же живутъ и чайки, а съ ними шутки плохи. Замѣчательно, что чайки, той же самой породы, которая обнаруживаетъ настоящее геройство при защитѣ колоніи, совершенно не умѣютъ, какъ будто не желаютъ вовсе, отстаивать свои личные интересы.

Отойдемъ немного въ сторону отъ птичьей горы въ то мѣсто, гдѣ чайки ловятъ добычу. Вотъ одна выхватила изъ воды какую-то живность и собирается ее съѣсть. Вдругъ изъ-за ближайшей скалы выворты-вается паразитникъ, или по мѣстному, доводчикъ, птица немногимъ больше самой чайки, очень похожая на нее, но только приспособившаяся къ разбойническому образу жизни. Завидѣвъ свою жертву, доводчикъ тотчасъ же устремляется за ней, чай-

ка пытается улетѣть, но тотъ неотступно преслѣдуетъ ее, щиплетъ, пока она не выброситъ изъ клюва свою добычу, которую и подхватываетъ на-лету пернатый разбойникъ. Тутъ же носятся въ воздухѣ еще десятка два чаекъ: стоило только двумъ или тремъ изъ нихъ присоединиться къ преслѣдуемой подругѣ, и онѣ сообща могли бы прогнать доводчика, но онѣ не обращаютъ никакого вниманія на этотъ открытый разбой. „Это, дескать, дѣло частное и не касается общественныхъ интересовъ“.

13. Животныя въ тундрѣ.

(С. Максимовъ).

Зимою, особенно въ началѣ ея, начинается въ тундрѣ періодическое переселеніе лѣсного звѣря, какъ говорятъ, изъ странъ зауральскихъ, и значительное передвиженіе тѣхъ лѣсныхъ звѣрей, которые выбрали себѣ тундру мѣстомъ постояннаго пребыванія. Огромными вереницами въ тѣсныхъ рядахъ, бѣгутъ, подъ предводительствомъ своего королька, горностаи—эти крысы, выродившіяся въ поразительно бѣлаго, въ уродливо-длиннаго звѣрка съ чернымъ мягко-пушистымъ хвостикомъ. Въ различныхъ, безконечно прихотливыхъ изгибахъ и полосахъ по снѣжной тундрѣ намѣчаютъ они слѣды

своими круглыми лапками, заостренными крошечными пятью ноготками. Бѣгутъ они, серебрясь на солнышкѣ, шкурками, въ прямомъ направленіи на сѣверъ, гдѣ предполагаютъ найти себѣ любимую свою мясную и рыбную пищу въ остаткахъ отъ трапезы блуднаго волка, жадной лисицы и зловѣщаго ворона. Обезнадеженные скудостью пищи въ придорожныхъ мѣстахъ Большеземельской тундры, горностаи разбиваютъ огромную массу свою: по Мезенской тундрѣ они уже разсыпаются отдѣльными, небольшими отрядами и все-таки бѣгутъ подъ предводительствомъ одного вожака, опытнаго и надѣленнаго отъ природы большимъ инстиктомъ. Посчастливитъ имъ судьба—они, съ первыми признаками весны, поспѣшатъ возвратиться опять на старыя мѣста; измѣнятъ вожаку его инстинктъ и опытность—они дѣлаются добычею пастей (ловушекъ) *). Одновременно съ горностаями является въ тундрѣ и рѣдкая гостья—куница. Вырывая себѣ нору, звѣрекъ лежитъ тамъ, уркаетъ (говоря мѣстнымъ выраженіемъ) и какъ будто выжидаетъ чуткой собаки, которая указала-бы хозяину это мѣсто.

Песецъ (псецъ, по-туземному выговору), какъ бы выродившаяся собака, съ сиповатымъ, густымъ голосомъ, похожъ на лисицу:

---

*) Законъ 1892 г. дозволяетъ только ружейную охоту.

съ такимъ же пушистымъ хвостомъ, но съ болѣе тупымъ рыломъ, и съ меньшими и кругловатыми ушами, чѣмъ у послѣдней. Вырывая себѣ норы со множествомъ выходовъ, песцы, называемые вешняками, въ апрѣлѣ уходятъ туда щениться и теряютъ въ это время всю свою бѣлую шерсть.

Щенки ихъ, называемые въ это время норниками, въ іюнѣ подрастаютъ, хотя еще отецъ и мать ихъ остаются по-попрежному безобразно голыми; въ августѣ являются и отецъ, и мать, и сами щенки-норники уже крестоватиками, съ сѣрой спиной, пересѣченной крестообразно сѣрыми же полосами, идущими надъ лопатками. Въ октябрѣ, на короткое время, крестоватики превращаются въ голубцовъ-чалковъ одноцвѣтно-сѣрыхъ съ незапушившеюся еще шерстью (и потому недопесцовъ) и только около Николина дня (въ декабрѣ мѣсяцѣ) являются они настоящими песцами (рослопесцами) съ совершенно уже бѣлою шерстью. *). Сверкая ею на солнышкѣ и рѣзко отливая ее отъ окрестнаго снѣга, бойко бѣжитъ песецъ за

---

*) Голубые песцы вообще рѣдкость въ природѣ и потому особенно дороги; въ Мезенской тундрѣ они не попадаются, а живутъ почти исключительно на Новой-Землѣ, равно какъ и на Колгуевѣ; относятся и бѣлые песцы на льдахъ, на которые они набѣгаютъ. Голубые песцы подвержены тѣмъ же измѣненіямъ въ шерсти, съ тою только разницею, что они голубѣютъ по всѣмъ частямъ тѣла, когда спина еще остается сѣрою.

добычей одинъ, рѣдко вдвоемъ; пушистый хвостъ его заметаетъ слѣдъ, на всемъ пути не попалось ему ни одной кулемки, ни одной западни: видно, добѣжать ему до озера и вытащить оттуда рыбу на лапкѣ; видно, и опять ему придется бѣжать тѣмъ же путемъ не одинъ разъ впередъ и обратно. Поднявши голову, песецъ продолжаетъ бѣжать все впередъ; повертывая по временамъ головой и обнюхивая окрестный воздухъ, звѣрекъ настораживаетъ круглыя свои уши, дрожитъ весь и вдругъ припадаетъ къ снѣгу. Видно, донесла струя воздуха до чуткаго носа его незнакомый, враждебный запахъ человѣка; наконецъ, и зоркіе глаза его уже не обманываютъ: изъ лѣсу показался мезенецъ верхомъ на лошади и съ ружьемъ. Звѣрокъ не вѣритъ близости несчастія, не возвращается назадъ, а приподнявшись, продолжаетъ бѣжать прежнимъ путемъ все впередъ да впередъ, попрежнему сверкая на солнышкѣ своей серебристой, соблазнительной шкуркой. Человѣкъ, между тѣмъ, зная обычаи звѣрка, старается его облукавить: всякій разъ, когда бѣгущій звѣрекъ оглянется, онъ повертываетъ лошадь въ сторону и какъ будто ѣдетъ мимо. Звѣрекъ простодушно вѣритъ человѣку, начинаетъ бѣжать замѣтно тише, какъ бы старается отдохнуть и, наконецъ, совсѣмъ припадаетъ на снѣгъ и не встаетъ во все вре-

мя, пока врагъ его дѣлаетъ на лошади круги все больше и больше, все ближе и ближе, на разстояніе ружейнаго выстрѣла. Песецъ продолжаетъ сидѣть на одномъ мѣстѣ, зорко выслѣживая за кругами лошади, не сводя своихъ черненькихъ глазъ съ роковаго мѣста, и, наконецъ, окончательно прикурнетъ головкой въ снѣгъ, закроетъ мордочку своими лапками, когда заприметитъ ружейное дуло: какъ будто потерявшись окончательно въ надеждахъ, онъ не находитъ иного спасенія и другого исходу. Пуля, пускаемая всегда вѣрною и опытною рукою, попадаетъ прямо въ голову и подкидываетъ звѣрка въ предсмертныхъ судорогахъ на мѣстѣ и потомъ разъ перебрасываетъ съ одной стороны на другую. Неподвижно распускается тогда его пушистый хвостъ по снѣгу, обагренному теплой, красной кровью. Здѣсь песецъ въ явной почти ровной борьбѣ съ человѣкомъ, который, въ то же время, живится на его счетъ и другими путями, по большей части въ тѣхъ случаяхъ, когда звѣрь еще не вытравленъ изъ норы. Зайцевъ, которыхъ такъ много по тундрѣ, ловятъ обыкновенно на петлю, сдѣланную изъ бѣлыхъ, тонкихъ, но крѣпкихъ нитокъ.

Тѣми же снарядами, какъ песцовъ, ловятъ и лисицъ, которыя тоже выкапываютъ себѣ норы и съ тою же цѣлію, чтобы ки-

дать тамъ щенятъ. Лисица мечетъ ихъ обыкновенно слѣпыми и уходитъ изъ норы за пищей, оставляя щенятъ своихъ на произволъ судьбы. Большею частію удѣлъ ихъ таковъ: позднею весною отыскиваютъ эти норы промышленники, по чутью собакъ или по личнымъ примѣтамъ; нору разламываютъ шестами, или, затыкая палками всѣ отверстія ея, выкуриваютъ потомъ дымомъ сначала самокъ—матерей, и крючьями уже вытаскиваютъ потомъ самыхъ щенятъ, лисьихъ или песцовыхъ. Вытащеннымъ щенятамъ (иногда штукъ по 12 изъ одной норы) надламываютъ одну ногу и воспитываютъ ихъ потомъ въ избахъ, сначала на молокѣ. потомъ на кускахъ оленьяго мяса или рыбы, Нерѣдко они околѣваютъ отъ голода и духоты, нерѣдко перегрызаютъ другъ другу горло, чтобы освободиться изъ плѣна: нерѣдко убѣгаютъ, и съ переломленной ногой, въ лѣсъ, улучивъ первый благопріятствующій случай; но частію доживаютъ и они до той поры, когда хозяину придетъ пора пустить ихъ въ дѣло (обыкновенно въ октябрѣ). Тогда, строго наблюдавшій за ними до той поры хозяинъ, обыкновенно наступаетъ ногой на сердце каждой лисицы поочередно и имѣетъ затѣмъ непопорченную, мягкую пушнину, которую легко можетъ сбыть за хорошую цѣну. Любя въ полдень лежать въ норѣ, лисица охотница бѣгать по снѣгу

въ лунную ночь, и тогда обыкновенно выслѣживается охотниками на лыжахъ.

Волкъ—изъ вѣковъ хищный, вѣчно голодный, вѣчно бродящій попарно и въ стаяхъ, всегда хитрый и предусмотрительный, съ неизбѣжнымъ своимъ раздирающимъ душу воемъ, всегдашній непріятель смирныхъ и беззащитныхъ—и здѣсь, въ тундрѣ, является врагомъ и ненавистнымъ страшилищемъ для оленей. Стада волковъ этихъ вырѣзаютъ иногда довольно значительные косяки въ оленьихъ стадахъ, иногда истребляя за одну ночь все достояніе какого-нибудь бѣдняка—самоѣда. Носясь по тундрѣ широкими прыжками (большею частію въ небольшихъ стаяхъ), волки нападаютъ на оленя сзади, прогрызаютъ ему горло и потомъ съѣдаютъ его всего, оставляя одни только кости. Не находя оленей по пути, или напуганный выстрѣлами бдительнаго сторожа ихъ самоѣда, волкъ охотно хватаетъ отраву.

Въ нѣкоторые годы всѣ эти звѣри: горностаи, песцы, лисицы и даже волки текутъ за пестрою и бѣлою мышью—пеструшкой, и тундра на время пустѣетъ. Переселенія эти, случающіяся обыкновенно разъ въ четыре года и всегда всѣмъ почти количествомъ наличнаго звѣря опустошаютъ, однако, тундру на время. Черезъ два — три мѣсяца она снова наполняется вновь прибѣгающими звѣрями, а нерѣдко и старыми,

вернувшимися, и снова манитъ звѣролововъ на промыселъ и на вѣрный и богатый барышъ.

Когда-то по тундрѣ водились огромныя стада дикихъ оленей, надѣленныхъ отъ природы способностью никогда не дѣлаться ручными и домашними, и отличающихся отъ послѣднихъ только болѣе быстрымъ бѣгомъ и прирожденною ненавистью къ нимъ. Теперь большая часть стадъ этихъ оленей ушла въ самыя глухія, въ самыя безлюдныя мѣста, каковы окрестности сѣверной оконечности Уральскаго Камня, даль Канинскаго полуострова, наконецъ острова Вайгачъ, Колгуевъ и Новая Земля. Тамъ они уже безопасно могутъ прыгать по дѣвственнымъ гранитнымъ скаламъ, не боясь, что самоѣдъ пришлетъ къ ихъ дикому стаду домашняго оленя, съ напутанными на рога петлями и веревками, съ которымъ бы имъ привелось драться, запутаться рогами въ веревкахъ и, стало быть, поддавшись хитрости, погибнуть. Теперь, такимъ образомъ, тундра сдѣлалась почти исключительнымъ, необходимымъ и единственнымъ въ тоже время мѣстомъ жительства для домашнихъ оленей.

Безполезная по виду и ничтожная сама по себѣ, растительность тундряныхъ болотъ—ягель, или проще—бѣлый оленій мохъ одинъ и исключительно обусловливаетъ всю важность значенія тундры для этихъ не-

большихъ животныхъ, съ тонкими, короткими ногами, съ хвостомъ, находящимся въ зачаточномъ состоянiи, съ вѣтвистыми рогами — именно этихъ красивыхъ оленей, которыхъ причисляютъ обыкновенно къ породѣ лапландскихъ. Ни одно животное, какъ давно и положительно извѣстно, не приноситъ столько существенной пользы и не служитъ большимъ подспорьемъ въ жизни сѣверныхъ людей, какъ это, и ни одно, въ тоже время, не нуждается на столько мало въ личныхъ услугахъ и уходѣ за нимъ человѣка, какъ тотъ же олень мезенской тундры. Человѣку онъ не обязанъ положительно ничѣмъ: такъ же свободно и на вольномъ просторѣ родится онъ, черезъ 40 недѣль по зачатiи, теленкомъ, гдѣ нибудь на лѣсной окраинѣ, и когда весенній снѣгъ начинаетъ таять, и также съ первыхъ же недѣль по рожденiи (обыкновенно на четвертой), вмѣстѣ съ молокомъ матери, становится необходимымъ для него лакомый мохъ—ягель. Три, впрочемъ, первыхъ дня новорожденный неповоротливъ; но черезъ недѣлю уже такъ быстръ на бѣгу, что поймать его невозможно. Мать всегда при немъ и крикомъ, топаньемъ передними ногами предупреждаетъ его о близости врага; пыжикъ тотчасъ припадаетъ къ травѣ или заваливается за высокiя тундряныя кочки. Лѣтомъ (въ iюнѣ и iюлѣ) взрослые олени

обыкновенно линяютъ и дѣлаются къ осени или сѣрыми, или бѣлыми, или коричневыми; въ августѣ они скоблятъ свои рога, въ октябрѣ ихъ сшибаютъ и олени остаются комолыми во всю зиму до весны, когда опять наростаютъ рога, въ видѣ сосудистаго нароста, покрытаго множествомъ бородавокъ, который потомъ припухаетъ и вздувается, вслѣдствіе отложенія внутри костяного начала, выходящаго въ видѣ роговъ, покрытыхъ кожицей, нѣжной, очень раздражительной и наполненной кровью. Олень скучаетъ во все это время: укрывается въ тѣни и влагѣ, поникаетъ головою, боясь ежеминутно разбередить свои новые рога. Черезъ девять недѣль по рожденіи, рога молодого оленя окончательно готовы, кожица остается еще на нихъ, но обтирается потомъ животными о деревья. Рога эти у молодыхъ бываютъ бѣлые, у оленей средняго возраста—бурые, а у стариковъ—совершено черные; на третій годъ у оленя на рогахъ шесть концовъ, на четвертый—восемь (по четыре на каждомъ), на пятый—десять и т. д.

Робкіе по виду, терпѣливые до послѣдней степени, олени, сильно свыкшіеся съ холодами полярной страны, въ короткое лѣто, на три только мѣсяца посѣщающіе тундру, терпятъ муки, равняющіяся тремъ годамъ возможныхъ для нихъ страданій.

Миріады комаровъ, покрывающихъ въ то

время тундру, оводы, проѣдающіе кожу животнаго и оставляющіе подъ нею свои яички, которыя превращаются потомъ и тамъ же въ насѣкомое, заставляютъ оленей съ храпомъ бѣгать кругами, до истощенія силъ, или спасаться въ ближнихъ рѣкахъ или озерахъ. Олень заходитъ туда по самую шею и стоитъ тутъ иногда по цѣлымъ суткамъ и — это единственное спасеніе ихъ. Человѣку—хозяину опять-таки рѣшительно нѣтъ никакого дѣла до того: пусть ноютъ и гноятся у оленей копыта послѣ гололедицы: пусть бьетъ въ голову, когда, послѣ вымочившихъ ее дождей, замерзаетъ она отъ мгновенно—закрутившихся холодовъ; пусть прибѣгаютъ и рѣжутъ оленьи стада волки— человѣкъ-сторожъ покрутитъ головой, опять пересчитаетъ стадо, опять не досчитается, но помочь ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ не можетъ, по закоренѣлому неумѣнью и по природной лѣни. Это обстоятельство оправдываетъ ту повсемѣстную распространенность повальныхъ болѣзней всякаго рода и особенно сибирской язвы, которая, проходя изъ конца въ конецъ тундры, словно вихремъ, валитъ съ ногъ всѣ стада оленьи, и уже не поднимаетъ ихъ во-вѣки! Цѣлыми десятками лѣтъ приготовляется потомъ новое населеніе для тундры, чрезъ пятнадцать лѣтъ достигающее только половиннаго количества противъ прежняго, несмотря на то, что олени замѣчательно плодовиты.

14. Дремучіе лѣса.

(С. В. Максимовъ.)

Хвойные (или, ближе по-русски, красные) лѣса выступили первыми на борьбу съ палящими морозами мерзлой пустыни, знаменующими себя приниженіемъ и истребленіемъ всякой кустарниковой и травяной растительности,—тѣ лѣса, которые въ сплошныхъ и непрерывныхъ насажденіяхъ извѣстны въ Европейской Россіи подъ общимъ именемъ *тайболы*, въ западной Сибири подъ названіемъ—*урмановъ*, въ восточной Сибири —*тайги*. Густое и безконечное обиліе древесной растительности, такъ сказать, лѣсистость этихъ чащобъ наиболѣе свойственна хвойнымъ лѣсамъ. Она поражаетъ воображеніе величіемъ и страхомъ во время бури, навѣваетъ тихія, успокоительныя и дремотныя думы во время затишья. Прислушившійся и приглядѣвшійся народъ справедливо придалъ имъ образное прозваніе дремучихъ и темныхъ за тотъ матовый оттѣнокъ днемъ и густой мракъ ночью, которые, подобно безпросвѣтной ночи, лежатъ на ихъ сплошныхъ насажденіяхъ, рѣзко оттѣняя на свѣтломъ фонѣ небеснаго горизонта черное море этихъ страшныхъ лѣсовъ.

Всякому храму нуженъ притворъ,—вся-

кому лѣсу предшествуетъ подлѣсье, наиболѣе извѣстное народу подъ словомъ *раменья*.

Деревья подлѣсья лѣсной полосы Россіи медленно растутъ въ толщину: коротенькихъ лѣтнихъ жаровъ достаточно лишь на то, чтобы выгнать молодые побѣги. Они вырастаютъ на счетъ древесины, стволы оттого становятся столь дряблыми, что достаточно легкаго толчка или нажима плечомъ, чтобы переломить ихъ. Намъ попался на прогалинѣ еловаго лѣса цѣлый березникъ съ голыми сучьями, которые простирались къ туманному и тусклому небу съ мольбою и жалобою на безжалостную тундру: она выпустила леденящую струю мороза и попалила ею весь этотъ лѣсъ, такимъ образомъ безвозвратно и непоправимо замерзшій.

Такова лѣсная опушка, таковы раменья дремучихъ хвойныхъ лѣсовъ или сѣверной архангельской тайболы, которая уже на берегахъ рѣкъ Кулоя, Пинеги и Ижмы представляетъ всѣ разновидности лѣса, отмѣченныя въ русскомъ народномъ языкѣ особыми именами.

Глубоко врѣзалась своими корнями неразборчивая на почву сосна, самое распространенное въ холодныхъ странахъ дерево. Сосна, достигающая на хорошей почвѣ до 7 саженъ въ длину до первыхъ сучьевъ и

отъ 7 до 10 вершковъ въ верхнемъ отрубѣ, не умѣетъ различать болота отъ песчаной земли, плодороднаго суглинка отъ известковой почвы. Ей лишь бы укрѣпить въ глубокой почвѣ того или другого и пятаго сорта свой длинный и крѣпкій, какъ рѣдька, корень. Да былъ бы свѣтъ, который сосна очень любитъ. Дерево отъ дерева садится въ извѣстномъ разстояніи, чтобы не глушить сосѣда и не дѣлать такихъ непролазныхъ чащей, на которыя преимущественно охотливы и способны еловые лѣса. Около Уральскихъ горъ сосновыя лѣса представляютъ роскошные и красивые парки, какъ бы искусственно засѣянные и прочищенные. Здѣсь успѣшному произрастанію лѣсовъ способствуютъ благопріятныя мѣстныя условія: добротность почвы и соотвѣтственность климата. Сосновые лѣса, выросшіе на низменныхъ и мокрыхъ мѣстахъ, всѣ сплошь и безъ исключеній имѣютъ деревья съ рыхлой древесиной бѣловатаго цвѣта, который въ отрубѣ скоро синѣетъ; выросло дерево кривo, рѣдкослойно, съ толстой заболонью и совсѣмъ не смолисто. Эта сосна—болотная, дерево самыхъ сѣверныхъ хвойныхъ лѣсовъ, смѣнившихъ тундру.

Изъ болота сосновый лѣсъ вытянулся на возвышенности и укрѣпился корнями въ сухой почвѣ, всего чаще по супеси: такой

лѣсъ называется *боромъ* (безразлично — будетъ ли онъ сосновый или еловый). На борахъ растетъ уже другой сортъ сосны — *конда,* и боровый лѣсъ называется *кондовымъ.* Онъ обладаетъ противоположными и наилучшими свойствами: слои древесины мелки и смолисты, блонь небольшая, цвѣтъ древесины красноватый; на сухомъ деревѣ этого сорта гулко звенитъ топоръ и съ трудомъ отбиваетъ щепу. Выстроенные по Двинѣ и по Бѣлому морю изъ этого кондоваго лѣса Божьи храмы выстаиваютъ третью сотню лѣтъ. На бору такой же и грибъ—рыжикъ, непремѣнный спутникъ сосновыхъ лѣсовъ: очень твердый и сочный, дающій въ надломѣ сокъ такой же красный, какъ животная кровь. Въ этихъ же сухихъ борахъ, гдѣ въ соснѣ охотливѣе приселяются всѣ другія породы хвойныхъ деревьевъ и въ особенности можжевельникъ, въ сосѣдствѣ съ крупною ягодою брусникою (боровикою) и на ея счетъ, водится особая лѣсная птица изъ породы тетеревей — боровикъ, или собственно косачъ (гораздо крупнѣе полевого, и повидимому помѣсь тетерева и глухаря).

Унаслѣдовавъ отъ глухаря любовь къ уединенію и чрезвычайную боязливость, боровикъ по примѣру тетерева-косача самая осторожная птица, дѣлающая охоту наиболѣе заманчивою и для записныхъ охотни-

ковъ превращающая ее въ особенное наслажденіе. Какъ оба родича его, онъ сохраняетъ туже приверженность къ роднымъ мѣстамъ, которыхъ не покидаетъ и на зиму: не дѣлаетъ перелетовъ и не строитъ гнѣздъ, ограничиваясь вырытой въ пыли и пескѣ ямой, лишь бы освѣщалась она солнцемъ.

Разнообразясь полянами и переходя мѣстами въ тѣ узкія полосы, которыми соединяются два лѣса и которыя называются *перелъсками*, сосновые боры неизмѣнно тянутся на цѣлыя сотни верстъ, изрѣдка допуская къ себѣ лишь мелкія деревья или кусты березы. Сильнаго и самостоятельнаго сосѣдства хвойные лѣса вообще не терпятъ. Довольныя малымъ, хвойныя деревья, при необщительности, крайне неуживчивы, но зато не погибаютъ и въ одиночествѣ. Не задумываясь тѣснить и выживать сосѣда, они на этотъ владѣютъ сильными средствами и губительными свойствами. Именно, осыпая хвою, они приготовляютъ такую почву, которая не пригодна ни для какой растительности. Быстро вырастая и укрѣпляясь на крупные періоды времени, хвойныя деревья замедляютъ ростъ деревьевъ лиственныхъ и уступаютъ имъ мѣста лишь на опушкахъ (березѣ), на берегахъ рѣкъ и рѣчекъ (калинѣ, вербѣ, ветлѣ, осинѣ, ивѣ и рябинѣ). Эти лиственныя деревья, наоборотъ, ищутъ компаніи, не гну-

шаются даже дурнымъ обществомъ и во всякомъ случаѣ обнаруживаютъ наибольшую способность и склонность къ общественной жизни.

Если и въ лѣсахъ, какъ и во всѣхъ другихъ проявленіяхъ и правилахъ жизни, требуются и существуютъ исключенія, то въ хвойныхъ ихъ немного: ель, напр., выходитъ только на большія и высокія горы, не пренебрегая и скалистыми, уступая мелкія и каменистыя пихтѣ — своей вѣрной и неизмѣнной спутницѣ, которая однако не дерзаетъ перерастать и переживать своего покровителя (пихты выше 12 саженъ не бываютъ, больше 200 лѣтъ не растутъ). Пихта очень рѣдко выростаетъ самостоятельными чистыми насажденіями: пихтовники всегда коротки и нешироки.

Такія же исключенія, и также лишь въ пользу однородныхъ хвойныхъ породъ, позволяетъ себѣ и сосновый боръ, удѣляя мѣсто и снисходя покровительствомъ навязчивому товарищу—долговѣчной, живучей лиственницѣ.

А гдѣ сосна и пихта, тамъ вырастаетъ, безъ разбора на сырой и каменистой почвѣ, всклокоченное и безпорядочное видомъ, но превосходное внутренними качествами, дерево—сибирскій кедръ, къ сожалѣнію рѣдко растущій сплошнымъ лѣсомъ. По необычайной легкости своей, очень пригодное

для рѣчныхъ судовъ, дерево сибирскаго кедра обладаетъ еще тѣмъ драгоцѣннымъ свойствомъ, что приноситъ плоды—шишки съ орѣхами. Орѣхи питаютъ несмѣтныя стада веселаго, шаловливаго и рѣзваго звѣрка бѣличьей породы.

Прыгая съ дерева на дерево, бѣлки (или векши) ищутъ пищу въ шишкахъ кедровъ и другихъ хвойныхъ деревьевъ. Бѣлка срываетъ съ самой крайней вершины еловую шишку, садится граціозно и гордо вздымаетъ надъ веселой головкой пушистый хвостъ и съ быстротой обезьяны шелушитъ плодъ и посвистываетъ. Исчезая въ одно мгновеніе, она на вѣтвяхъ другого дерева продѣлываетъ тѣ же акробатическія штучки и воздушные полеты видимо беззаботно и откровенно. Но чуткое, какъ у лисицы, ухо насторожено. Собачьяго лая и глазъ бѣлка не боится, боится она только охотника. Увидѣвъ его, бѣлка взбирается все выше и выше, а тамъ, взмахнувъ хвостомъ, перелетаетъ въ густую хвою ели, гдѣ невидимо скрывается. Высоко цѣнится та собака, которая не теряетъ на это время шаловливаго звѣрка изъ виду. Когда холодно, бѣлка особенно рѣзва: самой опытной собакѣ, не услѣдить за ней. Въ вѣтреную погоду она бѣгаетъ по землѣ и, завидѣвъ собаку, дѣлаетъ забавные прыжки и прислушивается.

Въ еловые лѣса переходитъ бѣлка въ первой половинѣ ноября, набѣгавшись (съ сентября) въ лѣсахъ лиственныхъ. Когда же послѣдніе даютъ мало пищи, звѣрокъ перепрыгиваетъ въ сосновые боры. Когда бѣлка *идетъ по ели* (т. е. въ ноябрѣ), она уже выспѣла: получила лучшую ость, сдѣлалась сѣраго или бураго цвѣта. Въ это время начинается охота и продолжается до тѣхъ поръ, пока можно ходить людямъ на лыжахъ.

Лѣса, чѣмъ больше и дальше тянутся на югъ, тѣмъ бываютъ смѣшаннѣе и разнообразнѣе. Изъ сплошной массы сосновыхъ и еловыхъ лѣсовъ, на тайгѣ и тайболѣ, выдѣляются *уремы*—поемные лѣса близъ берега рѣчекъ, большею частію березникъ и ивнякъ въ смѣси съ долговязой осиной.—*Пармы* — лиственныя лѣсонасажденія, гдѣ однако все еще преобладаетъ ель. Появляются *березовни*—лѣсная поросль по моховинѣ, означающая появленіе плодородной земли и переходъ болота въ твердую почву. Зеленѣютъ *поросняги*—мелкіе лѣсишки, похожіе пока на кустарникъ, и *рощи*, т. е. отдѣльные островки на сухомъ мѣстѣ, около жилыхъ мѣстъ, но уже не съ хвойными, а исключительно съ лиственными деревьями. Темная зелень можжевельника живописно вырѣзается здѣсь въ сверкающей бѣлизнѣ березовыхъ стволовъ. И опять выдѣляются

на обширныхъ болотахъ лѣсные острова съ исключительнымъ хвойнымъ лѣсомъ, названные *колками.*

Здѣсь волчихи привыкли щениться, и вся разбойничья порода этихъ злодѣевъ предпочитаетъ такія мѣста всѣмъ другимъ разновидностямъ дремучихъ лѣсовъ, хотя въ сущности эти прожорливые и кровожадные звѣри по преимуществу бродяги. Для этого природа, на бѣду другихъ звѣрей и людей, поставила крѣпкое и неуклюжее волчье туловище на длинныхъ ногахъ. На нихъ „лютый звѣрь“ скачетъ такъ быстро, что ни одна борзая поджарая собака не можетъ за нимъ угоняться. Одного скачка достаточно ему, чтобы врѣзаться въ горло зазѣвавшагося животнаго и повергнуть его оземь, съ широко и страшно-зіяющей раной.

Изъ тѣхъ же колковъ на дудочку изъ бересты выходитъ на охотниковъ изъ своихъ норъ и подземныхъ ходовъ полосатый звѣрекъ съ пятью черными и двумя бѣлыми продольными полосами—бурундукъ. На счастливыхъ и отсюда же выбѣгаетъ необыкновенно сильная, лукавая, весьма мужественная и отчаянная росомаха, опасная даже кровожаднымъ волкамъ.

Если длинный серебристый горностай, удостоившійся чести украшать царскія порфиры, предпочитаетъ лѣсамъ тундру, то лисица наиболѣе любитъ жить и прятаться въ гу-

стыхъ чащахъ лѣса, откуда выходитъ только за добычей. Охриплымъ лаемъ этихъ звѣрей по ночамъ наполняются съ избыткомъ дремучіе наши лѣса, удаленные отъ жильевъ и неизвѣстные охотникамъ. Лисья порода многочисленна, и торговыя прозванія ея разнообразны: огневки—рыжія, бѣлодушки—желтыя съ бѣлой подшейкой, сиводушки—бурыя съ черной душкой и сивымъ пятномъ на крестцѣ, крестоватики—черныя съ желтизной или желтоватыя съ крестомъ на зашейкѣ, и наконецъ черныя, чернобурыя, самыя дорогія и рѣдкія.

Тамъ, гдѣ встрѣчаются въ самомъ близкомъ сосѣдствѣ лѣса хвойные съ лиственными, и одни другимъ не мѣшаютъ (красные на горахъ повыше на сухихъ мѣстахъ, черные на низу по влажнымъ долинамъ), народился живой представитель и характерный типъ въ пернатомъ царствѣ лѣсного бродяги, постоянно мѣняющаго мѣсто и непривычнаго къ осѣдлой жизни. Это—рябчикъ, одинъ изъ видныхъ и благодарныхъ кормильцевъ голоднаго промышленнаго лѣсного люда.

„Рябы, рябки“, (какъ называетъ эту птицу народъ), вопреки обычаю другихъ пернатыхъ сосѣдей, живутъ парами и нагуливаютъ свое вкусное и нѣжное мясо, прославившееся въ цѣломъ свѣтѣ. Если мать выпускаетъ птенцовъ на свѣтъ Божій въ лѣсныхъ трущобахъ, если вся ихъ семья

со всѣми слетками (молодежью) отправляется на зимовку также въ недоступную лѣсную глушь, то затѣмъ у рябовъ и кончается всякая связь съ лѣсомъ. Этотъ бродяга лѣсной, тѣмъ и отличается, что никогда не живетъ на одномъ мѣстѣ. Въ половинѣ марта рябчикъ прилетаетъ на опушки, потому что столько же любитъ близость полянъ и луговъ, на которыхъ растетъ любимая пища — кислица, щавель и трефоль. Самка, отлетая отъ самцовъ во второй половинѣ іюля для вывода дѣтенышей, старается присмотрѣть такія прогалинки, по которымъ струилась бы рѣчка. Хвойные лѣса онѣ обѣгаютъ, лиственныя у рѣчекъ, гдѣ много березы, ольхи и кустарниковъ, полагаются самыми лучшими. Когда поспѣетъ брусника—у рябчиковъ праздникъ; они опять остаются на токованье и откликаются на свистокъ (изъ гусинаго пера, налитаго водой). Въ сентябрѣ стада рябчиковъ столь многочисленны, что въ лѣсахъ стоитъ гулкій шумъ отъ ихъ перелетовъ. Стадами носятся они по перелѣскамъ и раменьямъ, отыскивая самый лакомый кусъ—ягоду рябины. Но такъ какъ ея далеко не хватаетъ на всѣхъ потребителей, то они въ это время на одномъ мѣстѣ не остаются дольше 6—7 часовъ. Съ постояннымъ сильнымъ шумомъ рябчики всей стаей снимаются съ мѣста и, такъ какъ въ это время бываютъ сыты и тяже-

леньки, то и не отлетаютъ далеко, а садятся на близрастущія деревья и иногда въ такомъ великомъ множествѣ, что поражаютъ самаго привычнаго охотника. Впрочемъ, осеннее множество птицы во многомъ зависитъ отъ весеннихъ и лѣтнихъ погодъ: холодная весна и ненастное лѣто во множествѣ губитъ молодыхъ. Стрѣляютъ рябковъ рано утромъ или часа за 2, за 3 до солнечнаго заката и выстрѣломъ мѣтятъ въ крайнихъ. Если попалъ онъ въ середину, вся стая разлетится на значительную даль и, вмѣсто деревьевъ, разсядется прямо на землѣ, гдѣ уже и не отличить птицы самому опытному глазу. При глубокихъ снѣгахъ сильные вѣтры и вьюги съ мятелями, когда нельзя слышать шума полетовъ, считаются самыми неблагопріятными, равно какъ и то время, когда выпадаетъ снѣгъ, и когда начнутъ усиливаться морозы. Благопріятною полагается погода пасмурная и дождливая, а лѣтомъ — урожай ягодъ. Стаями живутъ, въ стада собираются (табунятся) и подаютъ голоса наши вкусные рябчики только до ноября. Молодые остаются на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ вывелись; старики отправляются въ глушь лѣсовъ на зимовку, предпочитая старые ивовые, березовые, рябиновые вблизи рѣкъ и источниковъ. Здѣсь нерѣдко цѣлыми семействами, безъ дальнихъ размышленій и околичностей, эти стаи зарываются прямо въ снѣгъ.

Странствуя по лѣсамъ и волей-неволей наталкиваясь на звѣрей и птицъ, мы добрались наконецъ до такихъ мѣстъ, гдѣ лѣсная растительность все одолѣла, и господствуетъ одна, нераздѣльно. Мы проникли въ самыя трущобы; добрались до такихъ дремучихъ лѣсовъ, которые слывутъ въ народѣ подъ именемъ *слоземовъ*.

Дятлу указала природа жить во всѣхъ лѣсахъ безъ разбору и предназначила, по преимуществу, больныя и умирающія деревья, сердцевина и кора которыхъ кишитъ личинками насѣкомыхъ. Для этого природа сколотила ему крѣпкій черепъ и выковала длинный и сильный клювъ, такъ что вся голова птицы имѣетъ форму крѣпкаго долота. Долото это стукаетъ въ дерево и узнаетъ по звуку то, которое годится для его плотничьихъ работъ, сверлитъ кору и расщепляетъ древесину тѣхъ деревьевъ, которые испорчены гнилью и червоточиной. Тутъ неустанно, цѣлыми днями долбитъ дятелъ носомъ, и крушитъ большіе дубы съ тою лишь ничтожною цѣлью, чтобы подловить на весьма подвижный и роговой языкъ всѣхъ червячковъ, которые, напугавшись его стука, выскочили изъ норъ и побѣжали. Для плотничьихъ занятій онъ надѣленъ способностью лазить по деревьямъ (однако только вверхъ) и не оставляетъ ихъ даже въ ночную пору. Въ это время странное стуканье

гулко разносится по цѣлому лѣсу, а острые и пронзительные крики испуганной птицы и ея шумный полетъ дугообразными линіями умѣютъ увеличить лѣсные страхи, и безъ того сильные въ ночной тишинѣ дремучаго лѣса. Дятламъ помогаютъ въ томъ и таинственные тяжелые полеты, также вкривь и вкось, вылетающихъ на ночную добычу совъ и филиновъ. Эти въ особенности охотно избираютъ лѣсныя трещи и захолустья, чтобы въ самой густой тѣни еловыхъ лѣсовъ отъ докучливаго и невыносимаго для ихъ глаза дневного свѣта. Ночью, какъ блуждающая тѣнь, неслышно парящая ндъ травою полянъ и подъ тѣнью деревъ, эта ночная птица даже на смѣльчаковъ умѣетъ навести страхъ и сверкающимъфосфорическимъ блескомъ глазъ и горловымъ воемъ. Можду страшными голосами ночи нѣтъ болѣе ужасныхъ звуковъ, грудныхъ и свистящихъ, которые переходятъ въ шипящее сопѣнье, послѣ чего страшная птица начинаетъ задыхаться и хрипѣть. Обманывается путникъ и очень легко принимаетъ этотъ крикъ за отчаянную мольбу погибающаго въ трясѣ или осажденнаго со всѣхъ сторонъ кровожадными звѣрями несчастнаго, заблудившагось человѣка.

Только птицамъ подъ стать и подъ силу темные сюземы. Это такая глушь, на которой останавливаются и глохнутъ даже огнен-

ныя моря лѣсныхъ пожаровъ. Сюземы страшны уже тѣмъ, что на каждомъ шагу рядомъ съ молодой жизнью свѣжихъ порослей стоятъ, тутъ же подъ бокомъ и подлѣ, деревья, готовыя сейчасъ умереть, и валяются у корней окончательно сгнившія и погребенныя. И еще страшнѣе кажутся сюземы тѣмъ, что въ нихъ вѣчный мракъ и постоянная влажная прохлада, постоянная перемѣна цвѣта изъ сѣраго въ зеленый и снова въ сѣрый. Всякое движеніе, кажется, замерло; всякій крикъ, даже и не такой рѣзкій, какъ дятла, и хриплый, какъ совы, пугаетъ до мурашекъ и дрожи въ тѣлѣ. Колеблемые вѣтромъ стволы трутся одинъ о другой и скрипятъ такъ, что вызываютъ острую ноющую боль подъ сердцемъ. А такъ какъ всякій лѣсъ имѣетъ свой голосъ (березовый шелеститъ, липовыя рощи лепечутъ, хвойныя шумятъ, иные трещатъ), то въ сюземахъ всѣ эти голоса ужасаютъ. Здѣсь чувство тягостнаго одиночества и непобѣдимаго страха постигаетъ всякаго человѣка, какія бы усилія онъ надъ собою ни дѣлалъ, къ какимъ бы притворствамъ ни прибѣгалъ.

Любитъ слушать лѣсные крики и не боится ихъ, обожаетъ одиночество и вслушивается въ страшную тишину сюземныхъ трещей дѣйствительный житель нашихъ сѣверныхъ лѣсовъ, почтенный бродяга, не-

уклюжій и забавный простакъ и первый лѣсной комикъ — косолапый медвѣдь, костоправъ Михайло Потапычъ Топтыгинъ въ почестяхъ, Мишка Раменскій — попросту, сергачскій баринъ, сморгонскій студентъ—въ насмѣшку. Въ раменьяхъ онъ охотнѣе шатается, потому что они ближе къ овсамъ и сами покрываются ягодами, въ особенности кустами малины (когда успѣетъ послѣ пожара или бури завязаться молодая поросль). Въ глухихъ сюземахъ онъ укладывается спать на цѣлую зиму. На каждомъ шагу готовы ему здѣсь удобныя логовища– выбирай любое. Вотъ вѣтровалъ, гдѣ вырванное дерево съ корнемъ навѣсилось надъ моховой периной словно нарочно сложеннымъ шалашомъ. Вотъ другое, вѣтробойной дерево, свалившееся на бокъ, выдрало много земли и образовало яму, очень удобно прикрытую густыми бородами, широкими бахромами налипшаго и навѣсившагося моха. А вотъ и настоящіе буреломы, т. е. поломанныя и переломанныя деревья и упавшія такъ, что образовали настоящія и глубокія пещеры, съ трехъ сторонъ задрапированныя моховыми коврами и подушками. Выходя отсюда съ наступленіемъ весны на промыселъ, все одинъ и тотъ же съ неизмѣнными ухватками и застарѣлыми обычаями, онъ въ глазахъ охотниковъ либо му-

равейникъ, маленькій, самый злой и лакомка (опускаетъ языкъ въ муравьиныя кучи, чтобы наслаждаться щекотаньемъ), либо стервятникъ—самый крупный и кровожадный, либо овсяникъ—большой сластена и трусъ. Всегда медвѣдь флегматикъ, иногда до такой степени, что проходитъ, волоса не тронувши, мимо набѣжавшаго на него прохожаго; и притомъ весь изъ крайностей: либо залѣзетъ на крыши лѣсныхъ избушекъ, чтобы самымъ простодушнымъ образомъ обнюхать трубу, и бѣжитъ безъ оглядки отъ вспыхнувшей искры на загнеткѣ, отъ треска огня на шесткѣ, либо съ ревомъ подкатывается къ лошади, не соображая того, что у ней страшное для его челюстей оружіе, заключающееся въ заднихъ ногахъ съ желѣзными подковами; либо лѣзетъ на липовое дерево, чтобы полакомиться сладкимъ медомъ; либо остановится въ рѣкѣ поперекъ теченія и, образовавши собою заборъ или плотину, ловитъ рыбу; либо бросается въ сани проѣзжающей почты, спугиваетъ ямщика и почтальона, пугаетъ лошадей до бѣшеннаго бѣга и самъ набирается такимъ страхомъ, что сидитъ и не шелохнется и доставляетъ почту на станцію, но самъ попадаетъ въ западню. Говорятъ, что онъ даже способенъ умирать со страху внезапно, и то же время владѣетъ такой силой въ ко-

роткихъ переднихъ ногахъ, которыя не только гнутъ въ лѣсахъ дуги, но переламываютъ поперекъ и разрываютъ пополамъ беззащитныхъ и смирныхъ коровъ, несмотря на то, что онѣ ростомъ вдвое и втрое крупнѣе его. Охота на умнаго звѣря въ одиночку съ рогатиной или ружьемъ требуетъ большой осторожности и всегда очень опасна; онъ и человѣка старается переломить также поперекъ или снимаетъ съ головы его черепъ лапой.

Слѣдомъ за медвѣдемъ изъ сюземныхъ трущобъ, и притомъ самыхъ непролазныхъ, смотритъ на насъ несоразмѣрно большая, тяжелая голова лося, осѣненная на затылкѣ гривой, украшенная подъ горломъ длинной бородой. За отвислыми ушами торчатъ огромные рога въ формѣ лопатъ или вилъ, вѣсомъ до пятидесяти фунтовъ. Лось (извѣстный въ сибирскихъ лѣсахъ подъ именемъ сохатаго) вышиною съ лошадь, но длиннѣе ея. Его величественный видъ, когда животное цѣликомъ вырисуется передъ глазами, настолько внушителенъ, что заставляетъ содрогаться даже мужественнаго коня. Въ лѣсахъ этотъ звѣрь вмѣстѣ съ оленемъ—ихъ украшеніе; для присяжныхъ охотниковъ онъ—самый соблазнительный. Лось, пришедшій въ ярость, очень страшенъ и опасенъ,—ударомъ ноги убиваетъ волка, владѣетъ острыми чувствами

и способенъ по шуму упавшаго листа открыть близость опасности и присутствіе засѣвшаго въ засаду охотника. Между тѣмъ мясо его очень вкусно и одобряется какъ рѣдкость; языкъ же и отвислыя губы (какъ у всѣхъ животныхъ оленьяго рода) можно принять за самое тонкое лакомство.

Когда зимой распалятся морозы и начнутъ ледянить все живое, когда дышать уже нечѣмъ, и привычнымъ животнымъ становится невтерпежъ,—сохатые и олени спѣшатъ забраться въ самыя срединныя трещи сюземовъ. Здѣсь, уткнувши въ снѣгъ морду, эти звѣри въ оцѣпенѣломъ положеніи отстаиваются до поры и времени, когда тундра перемѣнитъ гнѣвъ на милость.

---

15. Въ лѣсахъ Архангельской губерніи.

(Разсказъ И. Воропая.)

Наступаетъ конецъ февраля. Теперь зима уже не такъ сурова, лыжи не тонутъ въ сыпучемъ рыхломъ снѣгу, а свободно скользятъ по тонкому насту. Вытаскиваетъ охотникъ изъ-за печки свою оленью винтовку, готовитъ пули и лыжи.

И что у него за винтовка такая! Тяжелый, длинный стволъ, покрытый снаружи

ржавчиной и грязью, выкованъ простымъ молоткомъ деревенскаго кузнеца, и вкладывается въ длинную березовую ложу, къ которой прикрѣпленъ жестяными гайками, а нето просто лоскутками бересты. Огромный курокъ съ однимъ взводомъ и наружною пружиной прикрывается кусочкомъ кожи на случай сырости и непогоды. Какъ видите, ружьецо незавидное. Но въ добрыхъ рукахъ эта вещь не худая: на разстояніи шаговъ 150 или 200, а то и больше, пуля дѣлаетъ огромную рану въ тѣлѣ животнаго и бьетъ чрезвычайно рѣзко.

На большомъ ременномъ кольцѣ, которое охотникъ надѣваетъ себѣ на шею, висятъ снаряды для заряжанія винтовки. Тутъ и деревянная пороховница, въ родѣ двухъ, сложенныхъ вмѣстѣ, чайныхъ блюдочекъ, тутъ и кожаный мѣшечекъ съ пулями и кремнями, тутъ и компасъ, одинъ изъ тѣхъ, что привозятся въ Архангельскъ иностранными матросами; въ немъ намагниченная проволока замѣняетъ стрѣлку, деревянная круглая коробка—оправу со стекломъ. Безъ компаса ходить опасно, — можно заблудиться и умереть съ голоду. Но бываютъ старики-охотники, которые носятъ компасъ такъ, для формы, не нуждаясь въ немъ нисколько. Они такъ хорошо знаютъ лѣсъ на десятки верстъ кругомъ, что имъ знакомы каждая рѣчка, каждая горка, каждое

болото. Кромѣ того, въ ясный день компасомъ служитъ солнце, въ ясную ночь — звѣзды, а въ пасмурную погоду—сосна, муравейникъ и другія примѣты. Мужичокъ-охотникъ давно запримѣтилъ, что на южной сторонѣ деревья и сучья растутъ гуще и ниже по стволу, да и лишаи лѣпятся по древесной корѣ обильнѣе; что мурашки, строя свои муравейники у корней большихъ деревьевъ, непремѣнно располагаютъ его на южной сторонѣ гдѣ лучше грѣетъ ихъ солнышко, гдѣ никогда не падаетъ на нихъ тѣнь великана, возлѣ котораго они поселились. Коротко лѣто въ сѣверной Россіи и хочется живымъ существамъ, населяющимъ ее, воспользоваться теплыми, ясными днями какъ можно лучше.

Лыжи охотника подбиты снизу шнурками съ оленьихъ ногъ, шерстью наружу. На подбитыхъ лыжахъ легче взбираться на горы и ходить ло мокрому снѣгу. Правда, на лыжахъ, ничѣмъ не подбитыхъ, можно бѣжать гораздо быстрѣе, чѣмъ на подбитыхъ мѣхомъ, но зато нельзя взбираться на гору. Случается, во время оттепели, что снѣгъ прилипаетъ цѣлыми глыбами къ лыжамъ, и тогда нельзя сдѣлать и трехъ шаговъ: въ такомъ случаѣ охотникъ беретъ смѣсь изъ оленьихъ мозговъ и жиру, завернутую въ тряпку, и натираетъ ею лыжи, нагрѣвъ ихъ предварительно на огнѣ. Тогда

снѣгъ уже не льнетъ къ нимъ больше,— напротивъ, чѣмъ онъ мокрѣе, тѣмъ итти легче.

Собираетъ и исправляетъ охотникъ свои снаряды, а тѣмъ временемъ жена его сушитъ сухари, порѣзавши ломотики чернаго хлѣба на маленькіе кусочки. Часть этихъ сухарей она толчетъ въ порошокъ, кладетъ въ мѣшечекъ толокна, берестяную солонку съ солью да мѣдный котелокъ; вотъ и вся провизія. Все это помѣщается въ шелгачъ—мѣшокъ изъ грубаго полотна съ крѣпкими, но мягкими лямками. Фунтовъ 30 будетъ въ этой ношѣ.

И вотъ надѣваетъ мужичокъ свой старый до-нельзя полушубокъ, полуразвалившіяся валенки (въ новыхъ очень ноги горятъ) да растрепанную шапку. А то иной и шапку считаетъ лишней. Несподручно въ ней, говоритъ: еще за сукъ зацѣпишь да потеряешь. Шапка, видите ли, хоть и худая, а стоитъ копейки три,—все-таки деньги; голова же не купленая,—стало-быть, и беречь ее очень нечего.

Рано утромъ, чуть забрезжится свѣтъ, товарищи, закусивши на дорогу, собираются къ одной избѣ и отсюда выступаютъ въ походъ. При этомъ, разумѣется, избѣгаютъ всякой встрѣчи, особенно съ женщинами. Попадись имъ баба, да еще съ

пустыми ведрами, вѣдь тогда не жди никакой удачи на охотѣ.

Съ шелгачами за спиной, съ винтовками на плечѣ потянулись охотники одинъ за за другимъ, однимъ слѣдомъ, какъ олени. Всѣхъ тяжелѣе переднему: снѣгъ садится подъ его лыжами, другіе же идутъ пробитою тропой. Дошли до опушки лѣса, иной оглянулся на деревню, на поле, и, перекрестившись,—въ лѣсъ. Пока не вернется домой, поля не увидитъ, да и вернется ли еще?

Не тѣ здѣсь лѣса, что въ средней или южной Россіи, гдѣ не успѣешь войти въ лѣсъ, какъ ужъ и засвѣтилось впереди поле. Нѣтъ, здѣшній лѣсъ — море! Есть гдѣ укрыться звѣрю, есть гдѣ и погулять охотнику. Идешь, идешь, все прямо да прямо, и не одну сотню верстъ пройдешь, а все не увидишь ни жилья ни поля. Да и народъ-то здѣсь... Господи, что за народъ такой! Иной, чтобы выпить пивца для праздника, встанетъ съ мѣста, ни слова не говоря снимаетъ шапку со стѣны—и пошелъ верстъ за 20 къ пріятелю. Ружье понадобится починить—идетъ къ мастеру за 100 верстъ, а то и больше.

Но возвратимся къ нашимъ охотникамъ. Медленно, не торопясь, подвигаются они впередъ, чтобы не терять понапрасну силъ, прежде чѣмъ найдутъ оленей. Если встрѣтится болото, идутъ по болоту; такъ легче.

Пока не видно оленьихъ слѣдовъ, идутъ другъ за другомъ въ одномъ порядкѣ. Но какъ только завидѣли на снѣгу отпечатки широкихъ копытъ, — начинаются приготовленія: заряжаются винтовки, и лучшіе стрѣлки выходятъ впередъ. Ткнувши палкой въ слѣдъ, сейчасъ можно узнать, старый ли онъ или свѣжій. Если олени долго были на одномъ мѣстѣ, то они вытаптываютъ и взрываютъ снѣгъ кругомъ на большое разстояніе; въ такихъ мѣстахъ олени уже недалеко. Тутъ охотники пробираются краемъ вытоптаннаго мѣста и осторожно подкрадываются или ползутъ. Послѣ выстрѣла половина охотниковъ сбрасываетъ шелгачи и пускается въ погоню, а остальные идутъ по слѣдамъ ихъ съ ношею.

Хорошо нужно ходить на лыжахъ, чтобы гнаться за стадомъ испуганныхъ оленей. Оленю вездѣ дорога. Его не задержитъ ни гора, ни оврагъ, ни колода. Съ крутизны въ нѣсколько саженъ онъ бросается очертя голову, безъ оглядки; бухнетъ въ снѣгъ, провалится въ него чуть не съ головою, а черезъ мгновеніе уже выбрался на верхъ, поднялся въ гору и мчится по лѣсу шибче, чѣмъ лошадь по большой дорогѣ.

Вотъ тутъ и гонись за нимъ! Быстро катится охотникъ съ крутой горы, лавируя между деревьями рискуя наткнуться на ель, изломать вдребезги лыжи и убиться до полу-

смерти. Но труднѣе всего подыматься въ гору; лыжи безпрестанно скатываются внизъ, такъ что иногда приходится снимать ихъ и, закинувъ на плечи, взбираться прямо, проваливаясь по поясъ въ глубокомъ снѣгу. Взобрался, а въ валенки понабилось снѣгу тьма тьмущая. Нечего дѣлать, — скидавай ихъ, выколачивай снѣгъ, а тамъ подвязалъ снова лыжи и въ догонку — олени-то ужъ далеко впереди.

Удачна охота или нѣтъ, но день кончился и приходится думать о ночлегѣ. Переночевать на снѣгу при хорошемъ морозѣ — задача не легкая. Неопытный человѣкъ либо замерзнетъ, либо перезябнетъ, но уже, во всякомъ случаѣ, соснуть ему не придется. Но если разложить огонь умѣючи, то можно выспаться не хуже, чѣмъ въ избѣ. Вотъ какъ здѣшніе охотники это дѣлаютъ. Выбравъ хорошую сушину, они валятъ ее на землю, потомъ перерубаютъ на двѣ части и кладутъ одно бревно на другое вдоль, а чтобы верхнее не скатывалось, его укрѣпляютъ коломъ. По обѣ стороны уложенныхъ такъ бревенъ вырываютъ въ въ снѣгу глубокія ямы. Дно и бока ямы выстилаются еловыми вѣтвями; потомъ втыкаютъ щепы между бревнами по всей ихъ длинѣ и, когда все готово, остается только зажечь ихъ. Скоро разгораются и бревна, но не кругомъ охватываетъ ихъ пламя, а только прикасаю-

щіяся поверхности, и разстилается горизонтально по обѣ стороны. Устроенный такимъ образомъ костеръ называется „нодья“. Огонь горитъ всю ночь безъ всякой поддержки, иногда только обгорѣлыя мѣста подрубаютъ топоромъ. Устровъ нодью и забравшись въ яму, охотникъ можетъ расположиться по-домашнему. Будь морозъ хоть градусовъ 30, онъ снимаетъ съ себя и платье и обувь, не боясь холода. Идущее горизонтально пламя нагрѣваетъ воздухъ надъ всей ямой и составляетъ надъ нею какъ бы теплую крышу.

Устроивъ квартиру охотники принимаются варить ужинъ. Тутъ первое дѣло добыть воды, а на это тоже нужно умѣнье. Конечно, не трудно зачерпнуть въ котелокъ снѣга да и распустить его надъ огнемъ, но такой воды почти нельзя пить. Въ снѣгу непремѣнно бездна хвойныхъ иглъ, и вода будетъ пахнуть смолою. Кромѣ того, пока вода таетъ въ котелкѣ, дымъ костра поминутно охватываетъ его со всѣхъ сторонъ, и такимъ образомъ къ запаху смолы примѣшивается запахъ дыма. Чтобы избѣгнуть всего этого, дѣлается такъ. На ближайшемъ пнѣ или еловой вѣткѣ всегда найдется порядочная глыба снѣга, „глыза“. Въ ней снѣгъ очень чистъ, потому что на гладкой ея поверхности хвоя не держится. Отломивъ глызу, втыкаютъ ее на палку, которую втыкаютъ

въ землю не далеко отъ огня, но только съ боку, не надъ пламенемъ, и черезъ минуту, поверхность глызы, обращенная къ огню, начинаетъ таять, и вода бѣжитъ струею въ подставленный котелокъ. На этой-то водѣ и готовятъ ужинъ.

Ужинъ, конечно, незатѣйливъ, да неприхотливые люди и садятся за него. Въ кипяченую и посоленную воду насыпаютъ толокна и сушеныхъ сухарей, кипятятъ еще раза два, снимутъ котелокъ съ огня — и, благословясь, за ужинъ. Съ аппетитомъ ѣдятъ его охотники, черпая деревянными ложками изъ котелка. Найдется какая лепешка—ѣдятъ на закуску, а нѣтъ—дородне и такъ. Главное достоинство кушанья—чтобы было какъ можно солонѣе, чтобы послѣ побольше напиться. Завершивъ ужинъ, охотникъ перекрестится три раза, приговаривая: сытъ, слава Тебѣ, Господи!—закуритъ трубку и разляжется у огня на разостланномъ полушубкѣ, словно дома на печкѣ. Другой примется чистить винтовку или чинить пороховницу, и всѣ на досугѣ начинаютъ бесѣдовать. О чемъ, о чемъ тутъ не говорится! Вольно и свободно льется разсказъ, слышатся только шутки и остроты. Не гладко и не замысловато, но зато мѣтко острятъ балагуры, и далеко раздается по лѣсу эхо отъ дружнаго хохота. Ярко и ровно горитъ костеръ, освѣщая загрубѣлыя,

но одушевленныя лица и широкія, открытыя груди охотниковъ, да близкія, покрытыя снѣгомъ, деревья. Морозъ стучитъ по лѣсу, словно стрѣляетъ изъ пистолета, но не страшенъ онъ у гостепріимнаго огонька, гдѣ сухо и тепло какъ дома. Мало-по-малу утихаетъ говоръ, и всѣ засыпаютъ богатырскимъ сномъ.

Но вотъ уже скоро и заря станетъ заниматься. „Эй, ребята, вставайте!“ отозвался одинъ изъ охотниковъ, и всѣ живо и бодро вскакиваютъ на ноги. Первая забота—завтракъ. Котелки съ водою навѣсили надъ огнемъ, а сами охотники принялись одѣваться. Умывшись снѣгомъ и размазавъ по лицу всю отмоченную сажу грязнѣйшимъ рукавомъ рубашки, охотники кладутъ въ закипѣвшую воду толокно, и черезъ нѣсколько минутъ завтракъ готовъ. Ѣдятъ хорошо; каждый помнитъ, что днемъ некогда будетъ возиться съ обѣдомъ, развѣ удастся пожевать на ходу сухарей.

Наконецъ, все готово. Вымытые и высушенные котелки вмѣстѣ съ провизіей уложены въ шелгачи, которые съ каждымъ днемъ дѣлаются все легче и легче; охотники одѣлись, закурили, у кого есть трубки и—съ Богомъ въ походъ.

Такимъ-то образомъ, день-за-день, ходятъ промышленники, пока есть хлѣбъ, или пока не помѣшаетъ погода; такъ доберутся и

до послѣдняго ночлега. Дома давно съ нетерпѣніемъ ожидаютъ ихъ.

Не совсѣмъ спокойна иная мать или молодая жена. Онѣ знаютъ, что не всегда возвращаются благополучно съ такихъ походовъ. Разорвавшаяся винтовка можетъ испортить руку; иной запутавшись въ чащѣ лыжами или спускаясь подъ гору, ушибся такъ, что не скоро поправится; тотъ не осторожно подошелъ къ раненому оленю и за это получилъ сильный ударъ копытомъ. Да мало ли что можетъ случиться? Въ лѣсу— не дома, да и дома „всѣ подъ Богомъ ходимъ“. Постоянно, цѣлый день бѣгающіе по улицѣ, ребятишки, взобравшись повыше, поглядываютъ во всѣ стороны. Но вотъ, показались охотники изъ опушки, и радостная вѣсть быстро разнеслась по деревнѣ. Хозяйки побросали иглы да прялки и принялись готовиться къ пріему дорогихъ гостей; теплый тулупъ да валенки положены поближе, столъ накрытъ, ярко пылаетъ огонь въ печи.

И вотъ, пришли охотники въ деревню. Каждый подошелъ къ своей избѣ, поставилъ лыжи къ стѣнкѣ и молча вошелъ въ избу. Взоры всѣхъ домашнихъ впились, кажется, въ него, а онъ какъ будто не видитъ этого, молча помолится Богу, снимаетъ шелгачъ, положитъ на мѣсто винтовку, медленно раздѣнется и сядетъ за столъ. Никто не смѣетъ

спросить у него: какъ? что? гдѣ были? убили что? Только послѣ обѣда, когда, растянувшись на полатяхъ подъ теплымъ тулупомъ и спустивши внизъ широкую бороду, хозяинъ окинетъ всѣхъ веселымъ взглядомъ, жена рѣшится спросить: „что Богъ далъ?“

---

16. — Борьба русскаго человѣка съ лѣсомъ.

(Н. Аксаковъ.)

Гудятъ—шумятъ непроѣзжіе и непроходимые даже лѣса. Не на десятки, а на цѣлыя сотни верстъ тянутся и теперь еще они на просторѣ, къ востоку и къ западу, къ сѣверу и къ югу, заслоняя отъ земли солнечные лучи и чуть ли не въ самыя облака упираяся строемъ остроконечныхъ, иглистыхъ вершинъ.

Какъ острова въ этомъ великомъ лѣсномъ океанѣ, разбросаны тамъ и здѣсь деревни и поселки съ зеленѣющими около нихъ луговинами и то чернѣющими, то зеленѣющими полями. Не сами собой появились и возникли эти острова среди этого темнозеленаго и почти вѣчно шумящаго моря, не споконъ вѣка существовали они.

Занятое ими пространство отвоевано у своенравнаго лѣсного царства упорнымъ и долгимъ трудомъ человѣка. Шагъ за ша-

гомъ увеличивалъ труженикъ человѣкъ свои владѣнія среди могучей дѣвственной природы, упрямо отстаивавшей свои права. Просторъ для деревни и поля приходилось оттягивать и отвоевывать у лѣса. Недаромъ и первыя владѣнія русскихъ людей опредѣлялись характеристическою поговоркой: "Куда топоръ да соха ходили". Съ трескомъ и грохотомъ, когда наступала пора, падали подъ топоромъ на землю гордыя лѣсные великаны, поджигались рукой человѣка, вздымали къ небу огромные огненные языки, а на образовавшемся тогда огневищѣ русскій человѣкъ открывалъ себѣ просторъ среди первобытной лѣсной тѣсноты, засѣвалъ первое поле и строилъ первую свою селитьбу. Крестьянскимъ трудомъ образовались приволье и острова среди охраняющаго свою неприкосновенность лѣсного царства.

Обращеніе лѣсовъ въ поля и луговины было тяжелымъ труженическимъ подвигомъ человѣка. Поля и луговины являются зачастую только вѣковыми монументами этого вѣковаго же и утомительнаго труда.

Съ лѣсомъ бороться было труднѣе, чѣмъ съ внѣшними врагами и сказочными чудовищами. Исподволь требовались для этой борьбы силы большія, чѣмъ силы дружинниковъ—воиновъ и богатырей. Богатырь—крестьянинъ, богатырь—земледѣлецъ, скром-

но творящій свою службу русской землѣ и занимаетъ потому главное мѣсто въ художественныхъ воспоминаніяхъ русскаго народа.

Дикому величью лѣсному, лѣсной глуши, широко стремящійся распространять свои права, русскій человѣкъ объявилъ войну, какъ только вступилъ на русскую почву. Не на готовыя уже жировья селился онъ, не у побѣжденныхъ племенъ отбиралъ воздѣланныя и обработанныя уже поля, какъ то дѣлали по всей Европѣ римляне и германцы, воздвигавшіе знамя побѣдителей надъ побѣжденными племенами, обязательно занимавшими въ странѣ подчиненное второстепенное положеніе, образовывавшими низшій, болѣе или менѣе безправный классъ населенія. Въ людяхъ русской земли не было и не вырыботывалось различія между высшими и низшими, между побѣжденными и побѣдителями. Главнѣйшая война велась съ самою природою, и собственность русскаго человѣка добывалась прежде всего не мечемъ, а топоромъ и сохою.

Но и природа въ борьбѣ съ лѣсною силою являлася иногда помощницею и пособницею человѣка. Искони прорѣзала она лѣсное пространство великими и малыми рѣками, разгородила лѣса какъ бы на участки и препятствовала имъ сливаться въ одну нераздѣльную стихію. Какъ ленты вьются

по широкому лѣсному простору большія и малыя рѣки, ручейки и рѣченки, раздѣляя его на участки, открывая для него то узкія, то широкія полосы свѣта и играя на солнцѣ голубыми, синими и, совершенно особаго цвѣта, коричневатыми волнами. Не съ горъ крутыхъ, какъ въ другихъ странахъ, получаютъ эти рѣки свое начало, чтобы затѣмъ гордо и величественно срываться съ высоты въ низменную долину, словно снисходя къ ней и кичливо шумя по ней своими волнами. Нѣтъ! онѣ сами являются чадами той же самой почти низменности и долины, по которой гонятъ онѣ впослѣдствіи вольныя струи свои. Тутъ же, въ лѣсной трущобѣ, въ заводяхъ, да въ болотахъ и рождаются онѣ на свѣтъ Божій, чтобы затѣмъ смиренно катить въ даль свои смиренныя волны.

Гладкая да ровная наша земля, какъ ладонь, просящаго передъ Богомъ. Немудрено, что и для свѣта существуетъ у насъ свой порядокъ и распредѣленіе. У насъ у солнышка нѣтъ своихъ любимцевъ, на которыхъ останавливало бы оно ревниво первую ласку свою и заботу. Какъ только встанетъ да проглянетъ оно по Божьему велѣнію, такъ и озаритъ оно сразу всю равнину, всю ширь; развѣ только на крестъ Господній броситъ оно нѣсколькими минутами раньше свои искры; словно какъ-бы помолится, вступая на дневную работу.

Оттого то и рѣки текутъ у насъ не такъ, какъ въ другихъ мѣстахъ. Тамъ, гордясь высокимъ своимъ происхожденіемъ, онѣ роютъ и подмываютъ почву подъ собою, такъ что по прошествіи долгой вереницы годовъ далеко углубляютъ свое русло и текутъ между крутыхъ и высокихъ какъ горы береговъ. У насъ въ глубь рѣки забираются развѣ только самую малость, потому что нѣтъ имъ для того законной причины, а спокойно катятъ свои волны все на одномъ и томъ же приблизительно уровнѣ и только съ каждымъ годомъ отступаютъ все болѣе и болѣе вправо или влѣво, смотря потому, каковъ имъ законъ положенъ, а оставляемыя угодія запускаютъ подъ луга шелковистые. Оттого-то съ одной стороны нашихъ рѣкъ и бываетъ всегда почти нагорье или стоятъ лѣса, до недавнихъ временъ совсѣмъ не початые, а съ другой стороны ужъ навѣрно стелется гладью луговое пространство, тамъ и здѣсь сдѣлавшееся уже жертвою сохи и великаго труда земледѣльческаго.

Не мало помогали человѣку въ борьбѣ съ лѣсною стихіею и вѣтры и ураганы. Кто не видалъ, тотъ не можетъ представить себѣ полной картины бурелома въ средѣ и теперешнихъ жалкихъ останковъ лѣсного царства, дикая мощь котораго давнымъ давно уже поколеблена и разшатана. На

многіе десятки верстъ прокладываетъ разыгравшаяся буря себѣ дорогу и прорывается черезъ представляемую лѣсами препону на вольный просторъ, не жалѣя ничего на пути и ничего, положительно ничего не оставляя въ неприкосновенности. Все падаетъ, все сокрушается подъ ея напоромъ, а дорога нужна ей широкая, въ нѣсколько десятинъ ширины. И тутъ-то совершается такое торжество разрушенія, какого и описать даже невозможно. Достаточно взглянуть на проложенный бурею путь не только черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, но даже и черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ ея губительнаго порыва.

Высокими стѣнами надъ освободившимся пространствомъ стоятъ лѣсныя опушки и въ даль, въ безконечную даль тянется широкая, отвоеванная у лѣса для будущихъ полей и луговъ полоса. Поле, гдѣ сражалася буря съ лѣсомъ, все покрыто брошенными щитами. Въ безпорядкѣ, на нѣсколько иногда саженъ вверхъ, поднимаются гладкіе, упирающіеся на ребра щиты... Это низко стлавшіеся когда-то корни сосенъ и елей, вывороченные и поднятые теперь вмѣстѣ съ имѣвшеюся между ними землею. Зеленая трава растетъ уже и на обѣихъ сторонахъ и на ребрахъ этихъ щитовъ: какъ кружева рисуется филигранная, свѣтлозеленая клюквенная листва. А среди щитовъ валяются и сами побѣжденные дере-

ва — воители. Но въ какомъ уже видѣ... Рѣдкое упало на землю цѣлымъ и неповрежденнымъ.

Прошли года, десятки лѣтъ, и тамъ, гдѣ могучая буря сражалась и ратовала съ могучимъ лѣсомъ и торжествовала полную свою побѣду, поростаетъ земля мелкимъ березнякомъ, Богъ вѣсть откуда и почему явившимся на смѣну величественныхъ когда-то сосенъ. Съ молодымъ березнякомъ человѣку управиться уже несравненно легче, чѣмъ съ упрямыми хвойными великанами. Легко падаютъ подъ топоръ человѣка стройныя, кудрявыя, молодыя березки, и къ осени, на остаткахъ прежняго лѣсного царства, уже разстилается и бѣлѣется громадный костеръ хвороста. Поджечь его—дѣло самое пустое. Ярко горитъ и потрескиваетъ успѣвшая загнуться и закрутиться за лѣто береста, жарко запылаетъ успѣвшій прочахнуть и просохнуть хворостъ,—и великое огненное море разольется и заволнуется тамъ, гдѣ нѣкогда торжествовала буря свою побѣду, а еще прежде стояли лѣсные колоссы, кичася и гордясь своею силою и неприкосновенностью.

Захватитъ, конечно, это разлившееся море и не мало стоячаго, не затронутаго еще бурею лѣса; шире и дальше бури совершитъ оно свое опустошеніе. Но что за бѣда? Лѣсного простора останется и такъ

еще слишкомъ достаточно. Долго по сторонамъ бывшаго бурелома будутъ торчать обгорѣлые скелеты сдѣлавшихся жертвою огня исполиновъ, а подкошенное когда-то бурею пространство разстелется ровною скатертью золы.

Засѣвай да борони эту скатерть и нѣсколько лѣтъ подрядъ будетъ на ней красоваться рожь своими колосьями, а надъ рожью будутъ взвиваться и кружится съ пѣніемъ новые гости жаворонки, никогда прежде не залетавшіе въ это пространство.

Истощится, утомится земля отъ долгихъ посѣвовъ, почувствуетъ, что питать изъ году въ годъ колосящуюся рожь труднѣе и изнурительнѣе, чѣмъ вѣками поддерживать на себѣ все лѣсное полчище... Запускай тогда равнину подъ траву, и пока будетъ по ней ходить каждое лѣто коса, не возвратитъ себѣ лѣсная стихія своей прежней власти, не покроетъ равнину свѣжая лѣсная поросль. Но стоитъ только повременить съ покосомъ годъ или два и лѣсное царство снова возвратитъ себѣ отвоеванное у него бурею, огнемъ и трудомъ человѣческимъ пространство.

Итакъ, не думайте, что вольный полевой просторъ самъ собою возникъ или существовалъ споконъ вѣка. Онъ отвоеванъ и оттяганъ отъ ревниво и алчно отстаивавшаго свои права лѣсного царства.

Шумятъ—гудятъ и теперь еще тамъ и здѣсь вѣковыя лѣса, съ которыми русскій человѣкъ съ изначала, въ теченіе долгихъ столѣтій долженъ былъ вести войну и борьбу, съ которыми долженъ былъ тягаться и мѣриться силами, отбирая у нихъ себѣ собственность во владѣніе. Но эти теперешніе лѣса только жалкіе останки того могучаго и властительнаго царства лѣсного, которое покрывало когда-то собою большую часть русской земли и упирало ея опушками и въ степь, и въ море и въ высокія горы на далекихъ окраинахъ русской земли. Появляются и теперь по временамъ въ этихъ останкахъ лѣсного моря новые острова полей и зеленыхъ луговъ, куда прилетаютъ изъ отдаленнаго простора новые гости—жаворонки и откуда улетаютъ лѣсныя птицы и торопится утекать лѣсное звѣрье... Строятся и теперь еще въ такихъ мѣстахъ новыя деревни, новые поселки или, по народному говору, починки, такъ какъ ими починается жизнь человѣческая въ новомъ краю... Тамъ то можно подсмотрѣть главный, и основной трудъ прадѣдовъ русской земли и русскаго народа... Отъ такихъ то трудовъ пошла воистинну русская земля и такова то была колыбель ея.

Шумятъ — гудятъ и теперь дремучіе останки лѣснаго царства, не признающіе при жизни власти человѣка и по вре-

менамъ выражающіе гнѣвъ на него своимъ вѣчнымъ ропотомъ и шумомъ. Въ лѣсахъ и только въ лѣсахъ сохранилась еще до сего времени всецѣло непокоренная человѣкомъ природа. Въ лѣсахъ и только въ лѣсахъ живетъ еще теперь природа прежнею своею полною, свободною жизнью. Чѣмъ глуше трущоба, тѣмъ самостоятельнѣе, полнѣе и свободнѣе ея жизнь. Тамъ человѣкъ еще невѣдомъ и незнакомъ; тамъ мирно встрѣчаютъ человѣка густыя темнозеленыя сѣни.

---

17. — Кубенское озеро.

(А. В. Кругловъ.)

Мы медленно приближались къ шлюзу. Ворота его уже были распахнуты. Пароходъ вошелъ, и мы очутились въ небольшомъ закрытомъ со всѣхъ сторонъ пространствѣ, облитые лучами показавшагося солнца. Сторожъ, имѣвшій видъ угрюмаго тюремщика, „поѣхалъ“ на закрывавшихся воротахъ, стоя на придѣланномъ къ нимъ балкончикѣ. Онъ заперъ ворота, перешелъ на балкончикъ вторыхъ воротъ, отперъ ихъ опять „поѣхалъ“. Нашъ пароходъ занялъ почти всю камору.

Открылись ворота, и мы вышли на „вольную воду“.

На лѣво отъ насъ виднѣлась на устьѣ Сухоны плотина преграждающая естественное теченіе рѣки. Шлюзъ, называющійся Знаменитымъ, и плотина устроены въ 1834 году съ цѣлью удержать воду озера на высокомъ горизонтѣ. Между тѣмъ, послѣ такого сооруженія вода въ Сухонѣ и въ озерѣ значительно упала противъ прежняго.

Мы приближаемся къ озеру. Здѣсь Сухона довольна широка, и глазъ не сразу замѣчаетъ, гдѣ граница, отдѣляющая ее отъ озера. Слѣва вдали виднѣется село Кубенское, широко разсѣвшееся и окутанное зеленью. Бѣлѣютъ храмы, вѣнчанные золотыми крестами. Издали живописное село кажется прелестнымъ уголкомъ.

Въ длину озеро 60 верстъ, а въ ширину отъ 5 до 10; оно имѣетъ продолговатое очертаніе и прилегаетъ западнымъ и южнымъ берегами къ Вологодскому уѣзду, а сѣвернымъ къ Кадниковскому. Озеро окаймлено террасообразною возвышенностію, идущею отъ него на разстояніи 15 верстъ. Пространство между озеромъ и возвышенностію заливается весенней водой и называется на мѣстномъ языкѣ, „поймою“. Дно озера почти вездѣ песчаное, значительная его часть поросла разными водяными растеніями, осокою, кувшинчиками и другими, которыя являются пищей и убѣжищемъ рыбному молодежнику.

„Кубенское озеро не море, а плавать по немъ горе“,—говорятъ крестьяне. Дѣйствительно, плаваніе по озеру на судахъ сопряжено съ большою опасностью. Много жизней человѣческихъ погребено на днѣ маленькаго бурнаго озера. Плоскіе безлѣсные берега не препятствуютъ разгулу вѣтра, и бури на озерѣ частыя. Судамъ негдѣ укрыться отъ бурь. Дно узкаго фарватера усѣяно мелями, встрѣчаются каменныя гряды. Не забыть мнѣ гибели рыбаковъ, которыхъ я зналъ лично. Это было много лѣтъ тому назадъ. Пять человѣкъ на маленькомъ баркасѣ отправились на озеро, чтобы свезти рыбу перекупщикамъ. Вѣтеръ дулъ попутный, и всѣ надѣялись, что благополучно возвратятся назадъ. Но вдругъ набѣжали тучи, взволновалось озеро, и во тьмѣ, охватившей окрестность, все сильнѣе, и чаще стали раздаваться удары грома: яркая молнія, пронизывая тьму, лишь на мигъ освѣщала клокочущее озеро и черное необъятное небо. Тщетно ждали рыбаки, что скоро утихнетъ: буря продолжалась съ тою же силою. Тяжело нагруженный баркасъ могъ легко потонуть, и было рѣшено пожертвовать для своего спасенія грузомъ. Жертва не принесла пользы. Лодку кидало и захлестывало. Рыбаки держались. Вдругъ что-то треснуло. Баркасъ попалъ на мель. Не прошло и минуты, какъ бар-

касъ уже лежалъ на боку. Два рыбака упали въ воду. Одинъ успѣлъ спастись, но другой потерялся во тьмѣ и его унесла волна. Гроза не прекращалась. Дождь усиливался. Рыбаки кое—какъ держались за бортъ и мачту, на которой парусъ уже былъ сорванъ. Валы такъ и хлестали о баркасъ, такъ и набѣгали на него; картина—ужасная. Съ каждой минутой силы измѣняли рыбакамъ. Они съ отчаяніемъ глядѣли во тьму, прислушивались къ реву волнъ. Вдругъ раздался сильный раскатъ грома, рѣзнула молнія, и набѣжалъ валъ. Онъ захлеснулъ баркасъ и снесъ въ воду обезсиленныхъ рыбаковъ. Вѣтеръ заглушилъ крики несчастныхъ. Изъ всѣхъ спасся только одинъ, которому удалось болѣе получаса продержаться на водѣ, ухватившись за обломокъ мачты. Волна выкинула его на берегъ.

Этотъ случай—только одинъ изъ многихъ. Но повторяющіяся несчастія не ослабляютъ отваги въ людяхъ, и прибрежные жители пускаются въ озеро не только на карбасахъ и большихъ лодкахъ, но и на своихъ „лодченкахъ“, въ которыхъ мы съ вами побоимся ѣхать и по рѣкѣ въ вѣтряную погоду.

Нельзя обойти рыбныхъ промысловъ, которые служатъ большой доходной статьей для приозернаго населенія. Но я коснусь этого кратко, пользуясь, кромѣ своихъ

юныхъ воспоминаній и данными, почерпнутыми мною изъ мѣстныхъ источниковъ, заслуживающихъ полнаго довѣрія.

Озеро очень богато рыбою, благодаря благопріятнымъ условіямъ, къ числу которыхъ относится разнообразный характеръ впадающихъ въ него рѣкъ.

Въ озерѣ водятся: окунь, ершъ, налимъ, сигъ, щука, сорога и—чѣмъ особенно славится озеро—нельма. Небольшая рыба этой породы, называемая нельмушкой, водится исключительно только въ Кубенскомъ озерѣ и нигдѣ болѣе. Не особенно давно, лѣтъ тридцать всего тому назадъ, стала попадаться стерлядь.

Ловъ рыбы производится артельно. Артель избираетъ себѣ хозяина, который распоряжается всѣми дѣлами артели: назначаетъ мѣсто и время лова, продаетъ пойманную рыбу и дѣлитъ деньги поровну между участниками предпріятія.

Когда озеро, вскрывшись ото льда, разольется по лугамъ и лѣсамъ сѣверо—восточнаго берега, и рыба пойдетъ метать икру въ затопленныя мѣста, разставляются верши.

Ловятъ еще ботальницами и, когда вода спадетъ, сѣтями, которыми ловятъ рыбу и въ зимнее время.

Къ Петрову дню (29 іюня) всякій ловъ прекращается, потому что крестьянъ отвле-

кают̀ъ от̀ъ озера полевыя работы. Съ Ильина дня (20 іюля) начинается ловъ молодого подроста, только что выведеннаго весною.

Прежде ежегодно вылавливалось до милліона пудовъ мелкой рыбешки. Нынѣ, послѣ запрещенія ловить подроста, его добываютъ уже значительно меньше, потому что дѣло ведется осторожно и не такъ широко, какъ раньше.

— А все-таки ловятъ?—спрашивалъ я.

— Ловятъ.

— Развѣ не понимаютъ вреда?

— Ну, что тамъ еще будетъ, а теперь выгодно... Всякій сегодняшнимъ днемъ живетъ... Мы не только въ одномъ этомъ случаѣ забываемъ о „завтрашнемъ днѣ“.

Во время лова рыбаки живутъ на берегу, въ построенныхъ для этой цѣли избушкахъ. Это—рыбачьи станы. Избушки раскинуты на большое пространство и находятся близко одна къ другой. Въ каждой такой избушкѣ, вдоль всей стѣны, противоположной входу, устроена печь, вѣрнѣе—рядъ печей, раздѣленныхъ между собою перегородками. Въ вышину и ширину печь—около трехъ четвертей аршина а въ глубину аршина два. Полъ печи покатъ къ устью. Передъ печами—платформа, на которую выгребаются уголья, послѣ того, какъ печи достаточно накалятся. Когда выгребутъ уголья изъ печей ихъ заметываютъ, и кладутъ въ нихъ

рыбешку, предварительно усыпавъ кирпичный „подъ“ пескомъ для того, чтобы рыбешка не пригорѣла. Высохшую рыбешку складываютъ въ мѣшки и продаютъ на вѣсъ подъ именемъ суща. Изъ суща варятъ щи, супъ, его ѣдятъ съ квасомъ, жарятъ съ картофелемъ и лукомъ. Щи изъ суща—прекрасные, да и селянка—очень вкусная. Для бѣднаго люда—это незамѣнимое кушанье, благодаря своей питательности и относительной дешевизнѣ. Много суща идетъ на монастырскія трапезы и въ плотничьи артели.

Существуетъ еще лученіе рыбы. Но имъ занимаются преимущественно любители.

---

18. Лѣсное царство. — Картины зырянской природы.

(А. В. Кругловъ.)

Зырянскій край это — край пустынь, моховыхъ болотъ, дебрей, изрѣзанныхъ тропами оленей,—пространныхъ озеръ съ трясинами, пловучими островами и множествомъ рѣкъ и рѣчекъ, совершенно неизвѣстныхъ записному географу... Все это обширное пространство (Зырянскій край) нѣкогда было морскимъ дномъ, которое до сихъ поръ еще не совсѣмъ обсохло; поверхность земли около рѣки Ирвы и во многихъ другихъ

мѣстахъ носитъ всѣ признаки новаго образованія, и здѣсь, въ составѣ подпочвы, находится много раковинъ и окаменѣлостей.

Астрономическія условія края*), масса болотъ и лѣсовъ, открытое положеніе со стороны полярнаго моря—все это уже достаточно ясно говоритъ о суровости климата... Зато онъ постояненъ, Большею частью зима устанавливается въ началѣ октября, продолжаясь до половины апрѣля. Морозы доходятъ до 40 градусовъ, такъ что стекла лопаются; морозъ въ 25 градусовъ считается нормальнымъ, а въ 15—легкимъ. Снѣгу выпадаетъ такъ много, что въ лѣсахъ онъ стаиваетъ только въ серединѣ іюня. Замѣчательно зато скоро развивается здѣсь растительность: довольно теплой недѣли, чтобы деревья покрылись зеленью. Случается замѣчать такое же рѣзкое развитіе растительности: въ 9 часовъ утра деревья еще въ почкахъ, а въ 12 — уже покрыты зеленью. Какъ бы въ воздаяніе за суровую и долгую зиму природа старается вознаградить край быстро развивающеюся растительностію, прекрасною весною и знойнымъ лѣтомъ, когда въ тѣни бываетъ отъ 23 до 26 градусовъ... Случается, что для роста ячменя (отъ посѣва до уборки) достаточно 40 дней.

---

*) Географическое положеніе, отъ котораго зависятъ продолжительность временъ года, высота солнца, нагрѣваніе. Составъ.

Вода въ рѣкахъ нагрѣвается, какъ парное молоко. А ночи такія свѣтлыя, что можно читать, не напрягая зрѣнія. Почва края вообще малоплодородна, такъ какъ преимущественно глинисто-песчаная, съ преобладаніемъ въ одномъ мѣстѣ глины, въ другомъ—песку. Чернозема нѣтъ вовсе, если не считать маленькой черноземной полосы по р. Визеньгѣ. Понятно, что земледѣліе не процвѣтаетъ у зырянъ. Въ нѣкоторыхъ уголкахъ они совсѣмъ не обрабатываютъ земли, живя исключительно разнаго рода промыслами и заработками. А гдѣ и занимаются земледѣліемъ, такъ труды плохо, а иногда и вовсе не вознаграждаются. Недостатокъ въ хлѣбѣ почти постоянный... Годъ лучше, годъ — хуже. Но особенно урожайные годы баснословно рѣдки. Зато неурожаи идутъ по пяти и шести лѣтъ къ ряду; тогда не собираютъ не только сѣмянъ, но даже и соломы... Вѣроятно, искусственно и можно было бы поднять земледѣліе, улучшивъ землю, но зыряне не хотятъ осушать болотъ: какъ истые охотники, они охоту ставятъ выше земледѣлія.

О способахъ обработки земли, о порядкѣ пользованія ею говорить много нечего, такъ какъ здѣсь мы не встрѣчаемъ ничего своеобразнаго. Вмѣстѣ съ понятіемъ о хлѣбопашествѣ, зыряне переняли у русскихъ и систему обработки, и орудія, и весь хозяй-

ственный распорядокъ. Земля послѣ каждой ревизіи дѣлится по душамъ, причемъ принимается за основаніе не наличное число душъ въ каждомъ семействѣ, а рабочія силы и то, за сколько душъ домохозяинъ платитъ государственныя подати. Поэтому земля отводится иногда бездѣтнымъ, вдовамъ, если онѣ берутся платить за душу, за двѣ или за пол-души и т. д. Если же мужчина не хочетъ платить податей, то ему вовсе не дается земли, и онъ считается бобылемъ. Сѣнокосная земля измѣряется копнами и косами. Копна—пять возовъ, а коса—пространство, какое одинъ человѣкъ можетъ скосить въ день.

Если мало силъ для обработки своего надѣла, прибѣгаютъ къ содѣйствію работниковъ или устраиваютъ „помочь“. За лѣто работникъ получаетъ отъ 7 до 12 рублей, а работница отъ 3 до 5 рублей. Кромѣ того, полагается при уходѣ четверикъ хлѣба, новые чирки (башмаки), сколько-нибудь льна. Годовой работникъ получаетъ 15—17 рублей работница 8—10 рублей. Помочи устраиваются точно такъ же, какъ и у русскихъ. Замѣчательно, что у зырянъ сохранился весьма древній обычай обрабатывать землю исполу, при чемъ половники бываютъ временные и постоянные.

При недостаткѣ хлѣба хорошимъ подспорьемъ служитъ картофель.

Чѣмъ особенно богатъ зырянскій край,—такъ это лѣсомъ и лугами. Изъ лиственныхъ и хвойныхъ деревьевъ растутъ береза, осина, черемуха, рябина, пихта, ель, лиственница, сосна, кедръ; дубъ — рѣдокъ и притомъ встрѣчается только въ видѣ кустарника. Садовыхъ деревьевъ нѣтъ, но попадаются плодоносные кустарники: черная и красная смородина, мелкій крыжовникъ и малина; изъ лѣсныхъ ягодъ: земляника, голубика, черника, морошка, поляника, сибирская ежевика, брусника, клюква. Грибовъ очень много.

Обиліе луговъ и травъ, позволяютъ зырянамъ держать много скота... Здѣсь встрѣчаются быки, дающіе двадцать пудовъ мяса, до семи пудовъ чистаго сала. Свиней держатъ не вездѣ, а куръ очень немногіе. Зыряне не ѣдятъ ихъ совсѣмъ.

Переходя къ царству ископаемому надо сознаться, что зырянскій край вовсе не такъ богатъ, какъ утверждали и еще утверждаютъ нѣкоторые писатели. Золота и серебра почти нѣтъ; по крайней мѣрѣ попытки найти оказались безуспѣшными. Мѣди очень мало. Вдоволь каменнаго угля и антрацита, но разработка этого пока еще въ зародышѣ... Много желѣза и графита. Мѣстами есть нефть. Отъ разработки желѣза соли и точильнаго камня получается немного болѣе 200,000 рублей валового дохода. Находятъ

еще въ нѣкоторыхъ мѣстахъ доманикъ, гипсъ, сердоликъ. Встрѣчаются аметисты.

Зырянскій край—дикъ, суровъ, но вѣдь есть красота и въ дикости... Сѣверная природа—тоже красавица, только не пылкая, не сверкающая ослѣпительными красками тропической зелени. Но сколько здѣсь живописныхъ мѣстностей! Сколько картинъ, отъ которыхъ забьется восторгомъ сердце каждаго человѣка! Одни лѣса зырянскіе—красота. О, какъ хороши они въ своей первобытной дикости! Они разнообразны въ своемъ однообразіи... Вотъ пылаетъ утренней зарею востокъ. Лѣсъ проснулся,—„каждой вѣткой встрепенулся“, шелеститъ листвой, точно потягиваясь отъ сна. Птицы одушевили зеленаго гиганта, наполнивъ его нѣдра тысячью свистовъ. Утренній вѣтерокъ свѣжъ. Онъ разноситъ живительные ароматы цвѣтовъ и зелени. Невысохшая еще роса сверкнула преломленными лучами брилліанта, при первомъ лобзаніи земли солнцемъ.

Птичка сѣла на вѣтку. Эта всколыхнулась,—посыпала самоцвѣтныя сокровища. Зазвенѣли въ травѣ кузнечики, застрекотали стрекозы. Поютъ птицы. Какъ-бы гимномъ привѣтствуетъ природа начинающійся день. Цвѣты гордо подняли свои освѣженныя головки... Все ожило, пробудилось...

Въ полдень картина измѣняетъ свой тонъ.

Деревья щедро освѣщены вертикальными лучами солнца. Воздухъ сухъ. Вѣтеръ не несетъ прохлады. Въ воздухѣ точно носится золотистая пыль, которая прозрачнымъ слоемъ покрыла деревья и зелень. Все блеститъ этимъ золотистымъ оттѣнкомъ, сверкаетъ яркостію колера. Лѣсной концертъ какъ бы замираетъ—не смолкая однако.

Вечеръ. Прошла сладкая истома. Точно стряхнувши съ себя дивныя чары, деревья заводятъ между собою бесѣду. Рои мошекъ и комаровъ тучами переносятся съ мѣсто на мѣсто. Вдова—кукушка затягиваетъ сиротливую жалобу, какъ бы вторя ропоту деревьевъ... Вотъ исчезло за горизонтомъ и солнце. Земля и вода точно вздохнули своей мощной грудью, и вздохъ этотъ въ видѣ пара появился на поверхности и улетѣлъ въ небо. Слабыя фіолетовыя тѣни стали сгущаться, переходя въ лиловые тоны. Мракъ окуталъ землю. Дневные музыканты попрятались. Ожили ночныя чудища.

Большеглазый филинъ проревѣлъ свое зловѣщее „угу!“ Звукъ прокатился по всему лѣсу... Это крикъ мрака,—царство котораго наступило...

Но выплылъ на небѣ серебряный кругъ блѣднолицой луны. Она разлила повсюду свой бѣлесоватый мягкій свѣтъ, проникающій сквозь листву деревьевъ, освѣтивши ихъ. Мракъ разсѣялся... Луна окунула свой

смѣняющійся ликъ въ тихо журчащій ручеекъ, оставивъ въ немъ свое изображенье, которое двоится и троится, растягивается въ серебряную полосу отъ набѣгающей ряби струй... Заснувшія деревья стоятъ точно покойники съ неподвижными членами березы блестятъ своей корой по стволамъ, словно завернуты въ саваны.

Иглистыя вѣтви сосенъ кажутся вылитыми изъ стали. Конусообразныя ели плотно сѣли на землю своими вѣтвями. Кажется, что ихъ верхушки воткнуты въ воздушную синеву...

А надо всѣмъ—небесный сводъ опрокинулся гигантской чашей. Звѣзды усѣяли его воздушную порфиру. Луна въ своемъ царственномъ величіи тихо плыветъ по безграничному эѳирному океану, разливая съ необъятной выси свой серебряный свѣтъ.

Такова то зырянская, лѣтняя лунная ночь. Таковы-то лѣса зырянскіе, вдохновившіе художника. Развѣ не дивно хороши они? Они—богатство и краса края, они—въ которыхъ только чувствуетъ себя счастливымъ и привольнымъ полуномадъ нашего сѣвера, зовущій себя лѣснымъ человѣкомъ.

Надо увидѣть эти лѣса, побывать въ нихъ... А кто видѣлъ—тотъ любитъ и никогда не забудетъ ихъ.

И надо сказать, зырянскій край не бѣденъ красивыми природными картинами...

Ихъ много въ обоихъ уѣздахъ—въ Усть-Сысольскомъ и въ Яренскомъ.

„Правый берегъ рѣки, — разсказываетъ одинъ путешественникъ,—постепенно возвышался и, наконецъ, достигъ высоты значительной, а именно не менѣе, если не болѣе, полуверсты въ отвѣсѣ; но, противъ обыкновенія, не былъ покрытъ лѣсомъ, а спускался роскошнымъ лугомъ.

Мы шли по лѣвому берегу и на вершинѣ противоположнаго едва могли разсмотрѣть нѣсколько избушекъ, а между тѣмъ это были довольно порядочные дома. Лѣвый берегъ разстилался богатыми пашнями; вечеръ былъ чудно хорошъ, и мы вышли изъ лодки съ намѣреніемъ прогуляться съ версту или полторы, но прошли 4, не замѣтивъ того; никогда еще не случалось мнѣ видѣть такого богатаго и огромнаго цвѣтника: цѣлая поляна, на пространствѣ 4—5 верстъ, была густо усѣяна кашками, дикою гвоздикой, колокольчиками, душистою повителью и множествомъ другихъ цвѣтовъ, возможныхъ видовъ и колеровъ; косвенные лучи солнца придавали имъ необыкновенную яркость и живость. Эту поляну можно было, безъ всякаго преувеличенія, назвать моремъ цвѣтовъ, по которому мы брели по колѣно...

Мѣсто, на которомъ мы остановились, могло бы быть съ честью помѣщено въ опи-

саніи любого чувствительнаго путешествія за границей, въ особенности въ Швейцаріи или Америкѣ“.

Или вотъ еще картины зырянской природы—описаніе ущелья на р. Щугорѣ, называемаго Желѣзными воротами *). Щугоръ замѣчателенъ по своимъ живописнымъ видамъ. „Онъ беретъ начало изъ Уральскихъ горъ и впадаетъ въ Печору, сдѣлавши около 350 верстъ извилистаго пути. Мѣстами эта рѣка довольно широка, глубока, почти вездѣ камениста; берега ея круты и обрывисты. Прозрачность воды изумительна: маленькій камешекъ, серебряный пятачекъ, нитка мишуры видны на глубинѣ 2-хъ и болѣе саженъ... Вода Печоры довольно чиста, но когда въ нее вливаетъ свои струи Щугоръ, онѣ рѣзко отличаются отъ Печорской воды, не утрачивая своей прозрачности на нѣсколько верстъ внизъ по теченію Печоры, около праваго ея берега. Одно изъ примѣчательнѣйшихъ мѣстъ на Щугорѣ, это—Желѣзныя ворота, позырянски—„Ульдоръ-Кырта“. Широкая рѣка вдругъ стѣсняется съ обѣихъ сторонъ каменными стѣнами образующими настоящія ворота. Эти каменныя стѣны, длиною въ нѣсколько сотъ шаговъ, а высотою до 150 футовъ, состоятъ изъ известняка, лежа-

*) „Щугоръ“ Ф. Арсеньева.

щаго отвѣсными пластами. Когда проѣдешь черезъ ворота и оглянешься назадъ, то увидишь, какъ, начиная отъ самаго узкаго мѣста, каждый новый пластъ отходитъ въ сторону далѣе предшествующаго, отчего ворота принимаютъ такой видъ, какъ будто они устроены изъ натуральныхъ кулисъ. Самые пласты гладки, обнажены и ослѣпительно бѣлы; но въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они прилегаютъ одинъ къ другому, въ узкихъ промежуткахъ между ними, сбѣгаютъ внизъ по разсѣлинамъ зеленыя полоски дерна и кудреватаго кустарника, какъ гирлянды бальнаго убора; а на вершинахъ лѣсъ, высоко возносящій свои зубчатыя верхушки къ небу. Сквозь эти каменныя рамы видна по ту сторону воротъ широкая, гладкая равнина рѣки съ ея зелеными берегами, а въ отдаленіи—хвойный дремучій боръ, замыкающій ландшафтъ. Передъ воротами разстилается такое же великолѣпное водное зеркало.

Трудно себѣ представить то обаяніе, подъ вліяніемъ котораго наблюдатель, окруженный величественною панорамою природы, въ видѣ безграничной скатерти водъ, съ играющими на нихъ лучами яркаго солнца, или въ видѣ дѣвственнаго, вѣчнозеленаго лѣса, или въ видѣ смѣло нагроможденныхъ горъ, подъятыхъ страшною силой за облака; но ни одна изъ подоб-

ныхъ картинъ не поражаетъ зрителя такъ, какъ картина воднаго зеркала, обставленнаго снѣговыми обрывами известковыхъ скалъ, заключенныхъ въ зеленую раму безграничнаго лѣса“...

---

19. Лопари.

(К. Спасскій).

По происхожденію лопари—родичи мордвѣ, вогуламъ и другимъ инородцамъ восточно-финскаго племени. Прежде лопари занимали весь сѣверъ Россіи (губ. Архангельскую и часть Олонецкой и Вологодской); тѣснимые болѣе сильными сосѣдями—корелами, финнами и позднѣе — русскими, они покинули, хотя и не безъ сопротивленія, привольныя мѣста и ушли на Кольскій полуостровъ, причемъ часть ихъ заняла сѣверъ Норвегіи.

Русскіе давно были знакомы съ лопарями; еще въ XI столѣтіи новгородцы упоминаютъ о „Лопской землѣ“; монахъ Лазарь, живший въ XIV столѣтіи, говоритъ, что „около озера Онега лопляне и чудь, страшные сыроядцы близъ мѣста сего живяху. Многи скорби и біенія и раны претерпѣхъ отъ сихъ звѣрообразныхъ мужей“. Какъ и теперь, лѣтомъ они кочевали, зиму жили въ погостахъ (селеніяхъ).

Стоитъ холодная зима. Рѣки, озера, болота скованы морозомъ; овраги и горныя разсѣлины завалены снѣгомъ. Блестя матовымъ блескомъ стелется тундра; не на чемъ остановиться глазу, ничто не радуетъ взора, утомленнаго однообразіемъ пустыни. Царитъ безконечная ночь, день походитъ на сѣрыя сумерки, все какъ бы окутано туманомъ. Едва просвѣчиваютъ звѣзды, сѣверное сіяніе, разбрасывая снопы желтыхъ, зеленыхъ и красныхъ лучей, порой охватываетъ горизонтъ и фосфорическимъ свѣтомъ озаряетъ и горы, и лѣса, и тундру. Ѣдешь часъ—другой, цѣлый день, и въ душу закрадывается какая-то непонятная тоска. Олени, запряженные въ легкія саночки (кережки), дружно бѣгутъ, постукивая широкими копытами. „Скоро ли погостъ?“ нетерпѣливо спрашиваешь возницу; онъ молча указываетъ рукою впередъ, гдѣ чернѣетъ что-то неопредѣленное—не то лѣсъ, не то гора, и вдругъ круто останавливаетъ оленей. Продираешь смерзшіеся глаза. Да, это и есть лопарскій погостъ. Полузаваленные снѣгомъ, сиротливо стоятъ четыреугольные деревянные срубы (тупа, пыртъ) съ плоскими, односкатными крышами, засыпанными для тепла землей и снѣгомъ. Войдемъ въ одинъ изъ нихъ.

Наружная дверь, на деревянныхъ петляхъ, ведетъ въ крошечныя сѣни; въ одной по-

ловинѣ пырта содержатся овцы, если таковыя есть, хранится одежда, припасы; въ другой живетъ лопарь съ семьей. Въ пыртѣ грязно и душно; когда освоишься съ темнотой и нестерпимымъ запахомъ тухлаго мяса или рыбы, то первое, что бросится въ глаза, это очагъ (каминъ) посреди комнаты, грубо сдѣланный изъ камней, едва скрѣпленныхъ глиной; надъ очагомъ виситъ котелъ, выше— труба, прямо выпускающая наружу дымъ. Жилое помѣщеніе не велико: аршина 4 въ длину и 2½—3 въ ширину и вышину. Въ углу иконы и иногда плохія картины; вдоль стѣнъ скамейки, полки съ посудой, столъ. Одно, рѣдко два окна пропускаютъ мало свѣта; вмѣсто стеколъ въ нихъ вставлена слюда.

По наружному виду лопари и лопарки очень похожи другъ на друга. Средняго роста, коренастые и крѣпкіе, лопари имѣютъ длинное, широкое туловище, короткія, нѣсколько согнутыя ноги; руки сравнительно съ ростомъ очень длинны.

Какъ тѣлесная, такъ и духовная природа лопаря выработалась подъ непосредственнымъ дѣйствіемъ окружающей природы; въ постоянной борьбѣ съ враждебными силами характеръ его закалился; онъ сдѣлался мужественнымъ, выносливымъ, смѣло смотрящимъ въ глаза опасности; но дома и въ сношеніяхъ съ содѣдями лопарь добръ, ве-

селъ, простодушенъ: путешественника, навѣстившаго погостъ, каждый старается затащить въ свою пырту и угостить всѣмъ, что есть лучшаго въ убогомъ жилищѣ.

Лопарь честенъ. Въ послѣднее время, отъ сношеній съ русскими купцами и кабатчиками, въ характерѣ лопаря произошла перемѣна—и перемѣна къ худшему. Купецъ надуваетъ его во всемъ: продаетъ негодный товаръ и всячески обсчитываетъ и тѣснитъ, принимая мѣха, оленьи шкуры и рыбу. Пройдя такую школу, довѣрчивый лопарь сдѣлался подозрительнымъ и пустилъ въ ходъ оружіе противника: за обманъ сталъ платить обманомъ; съ своими же онъ по-прежнему, добръ, честенъ и довѣрчивъ.

Среди лопарей рѣдко можно встрѣтить курящихъ; зато всѣ мужчины, женщины, старики и дѣти пьютъ водку и ромъ, которые въ изобиліи доставляются имъ норвежскими и русскими промышленниками.

Лѣтняя одежда лопаря—ситцевая рубашка (пайдъ) и такія же или суконныя штаны, узкія внизу (сарги-птуксъ); верхнее платье напоминаетъ русскій кафтанъ. На голову онъ надѣваетъ мягкій остроконечный колпакъ изъ свѣтло-сѣрой шерсти, съ узорчатой каймой, на ноги—туфли изъ оленьей кожи, съ приподнятыми носками безъ каблуковъ. Зимой надѣваетъ печокъ—мѣховую одежду, видомъ напоминающую мѣшокъ, въ кото-

ромъ прорѣзаны отверстія для рукъ и головы; затѣмъ слѣдуютъ мѣховыя же штаны, оленьи сапоги, шапка, рукавицы,—и лопарь готовъ совершить дальній путь, въ 30—35°-й морозъ. Одежда лопарки—ситцевое платье, похожее на сарафанъ (кохтъ); на головѣ—у замужнихъ шамширъ, у дѣвицъ — перевязка. Шамширъ по формѣ напоминаетъ шлемъ древняго рыцаря; его обвязываютъ цвѣтной матеріей, чаще всего красной, навѣшиваютъ на него лоскуты, бисеръ, старыя серебряныя деньги и жемчугъ, который добываютъ въ рѣкахъ Лапландіи. У женщины, наряженной въ шамширъ, совсѣмъ не видно волосъ. Перевязка, носимая дѣвушками, походитъ на цилиндръ безъ дна; украшенія тѣ же, что и на шамширѣ. Всѣ женщины носятъ въ ушахъ сережки, на шеѣ — ожерелья, кресты. Лопарку, одѣтую по зимнему, трудно отличить отъ лопаря.

Теперь посмотримъ, чѣмъ кормится лопарь и какъ добываетъ себѣ пропитаніе?

Пищей лопарямъ служитъ мясо рыбъ, птицъ и млекопитающихъ, которое они употребляютъ въ свѣжемъ, вяленомъ и соленомъ видѣ. Ржаная мука въ Лапландіи очень дорога, а потому бѣдняки часто ѣдятъ хлѣбъ, испеченный изъ муки, на половину смѣшанный съ сосновою корою. Въ будни лопари ѣдятъ соленую рыбу, оленину или сало, срѣзанное съ оленьихъ кишекъ; его моютъ,

набиваютъ въ кишки и вѣшаютъ для просушки. Въ праздники столъ разнообразится свѣжей рыбой и кашей, а потомъ лакомятся ягодами,—брусникой, морошкой, вороникой и др. Лопари ѣдятъ очень много, что вполнѣ необходимо въ такомъ холодномъ климатѣ.

Средства къ существованію въ прежнее время давали главнымъ образомъ олени; теперь съ сокращеніемъ оленеводства, первое мѣсто занимаетъ рыбная ловля. Рыбу ловятъ зимой, но больше всего весною и лѣтомъ. Какъ только повѣетъ весеннимъ тепломъ, лопарь покидаетъ свою душную пырту и отправляется путь; погосты пустѣютъ. На берегу ручья или озера раскидывается лѣтнее жилище—вѣжа, напоминающая шалашъ. Посреди вѣжи на очагѣ постоянно горитъ огонь, чтобы помѣшать комарамъ войти въ жилище; вверху отверстіе для выхода дыма. Въ вѣжѣ обыкновенно сидятъ, такъ какъ стоять возможно только въ серединѣ, у очага; обстановка та же, что была и въ пыртѣ.

Рыбу ловятъ преимущественно во внутреннихъ водахъ, такъ какъ промышлять въ морѣ на лодкахъ, да къ тому же плохими снастями и невыгодно, и опасно; но въ бухтахъ и заливахъ все-таки ловятъ сельдь, камбалу и треску. Въ рѣкахъ и озерахъ цѣнной добычей является семга, когда она идетъ съ моря въ устья рѣкъ и даль-

ше по теченію для метанія икры. Крупную рыбу чаще всего продаютъ промышленникамъ. Смотря по улову, лопарь мѣняетъ стоянку раза 4 въ годъ: выловивъ рыбу въ одномъ мѣстѣ, онъ переѣзжаетъ на другое; здѣсь неудача—на третье и т. д.

Олень доставляетъ лопарю пищу и одежду, на немъ совершаетъ онъ свои зимнія поѣздки, мчась въ легкихъ кережкахъ безъ пути—дороги по снѣжному морю. Про оленя лопарь сложилъ много пѣсенъ, которыя и распѣваетъ въ зимніе вечера, сидя въ пыртѣ у очага.

Число оленей постоянно уменьшается: такъ въ 1886 г. ихъ было только 12.690 штукъ: то звѣрь зарѣжетъ, то охотникъ нечаянно подстрѣлитъ, принявъ за дикаго, то самъ хозяинъ убьетъ или промѣняетъ на водку русскому купцу.

Охотятся за дикимъ звѣремъ и птицей лопари преимущественно зимою, но только крупнаго звѣря бьютъ пулей. Плохимъ кремневымъ ружьемъ лопарь кладетъ на мѣстѣ медвѣдя, бьетъ лисицу, мелкихъ же животныхъ ловитъ силками, ловушками, западнями и кладетъ отравленное мясо. Охота годъ-отъ-году становится хуже: пушной звѣрь или истребленъ, или ушелъ въ дебри и горы, гдѣ съ трудомъ отыскиваетъ его даже такой терпѣливый охотникъ, какъ лопарь. То же можно сказать и о пернатой дичи.

Изъ всѣхъ родовъ охоты особеннаго вниманія заслуживаетъ охота на медвѣдя. По мнѣнію лопаря, медвѣдь самое умное животное; духъ покойнаго медвѣдя, убитаго людьми, облекается въ новое тѣло, если трупъ хорошо зарытъ. Увидѣвъ звѣря, охотники уговариваютъ его не нападать на нихъ, а дать время изготовиться къ встрѣчѣ. Когда медвѣдь убитъ, лопари окружаютъ его, кланяются, и поютъ пѣсни, восхваляя свою храбрость. Въ заключеніе церемоніи охотники кладутъ ему въ пасть кусокъ соленой рыбы, приговаривая: „Не говори дома, что ты былъ въ гостяхъ и тебя не накормили. Пусть придутъ другіе, мы и ихъ накормимъ“.

Кромѣ рыболовства, оленеводства изъ звѣроловства, почти всѣ лопари занимаются дубленіемъ кожъ для себя и на продажу, нѣкоторые строятъ лодки, дѣлаютъ изъ бересты чашки, корзины, рубятъ лѣсъ, нанимаются караулить становища крупныхъ рыбопромышленниковъ, выстроенныя на берегу моря, и т. д.

Къ полной осѣдлости, связанной съ обработкой земли, изъ лопарей перешли очень не многіе; огромное большинство, попрежнему, кочуетъ, подвергаясь всѣмъ неудобствамъ подобной жизни; вѣжи даютъ плохую защиту отъ вѣтра, холода и сырости, потому-то среди лопарей часты заболѣванія; дѣтская смертность также велика; ме-

дицинской же помощи получить не откуда, ибо на всю Лапландію только одинъ докторъ. Случается, что при перекочевкахъ, семьи, хотя и съ горестью, бросаютъ своего тяжело больного родича, который не вынесетъ трудныхъ переходовъ. Выздоровѣетъ больной, онъ отыщетъ свою семью; въ противномъ случаѣ на обратномъ пути родичи похоронятъ его тѣло.

Лопари христіане, но вообще язычество еще сильно среди лопарей; оно живетъ въ преданіяхъ, пѣсняхъ и обычаяхъ народа. Суевѣрія гнетутъ лопарей, мѣшаютъ имъ пользоваться жизнію, развиваться; освѣтить дальнѣйшій путь и улучшить бытъ можетъ, главнымъ образомъ, школа, но къ сожалѣнію, до послѣдняго времени школа отсутствовала и способное лопарское племя не имѣло въ средѣ своей грамотныхъ; почти не было и людей, посвятившихъ себя великому дѣлу—просвѣщенія лопарей... Тѣмъ съ большимъ уваженіемъ должны мы помнить немногочисленныя имена тружениковъ неутомимо сѣявшихъ сѣмена просвѣщенія; одинъ изъ нихъ священникъ К. Щеколдинъ уже болѣе 20 лѣтъ работаетъ въ глуши Лапландіи, обучаетъ грамотѣ лопарскихъ дѣтей и наставляетъ взрослыхъ. 2 года тому назадъ возобновленъ былъ Печенгскій монастырь; монахи открыли школу, завели отличное хозяйство и лопари,

приходя на богомолье, поучаются здѣсь не только словомъ, но и живымъ примѣромъ.

20.—Самоѣды.

(К. Варсовъ).

Самоѣды—родичи лопарей, но худшій лопарь стоитъ лучшаго самоѣда. Малорослаго, широкоплечаго самоѣда съ короткими руками и ногами толстой шеей, большой головой—врядъ ли кто назоветъ красавцемъ; прибавьте къ этому широкое, плоское, изъжелта смуглое лицо съ выдающимися скуловатыми костями, узкій лобъ, несоразмѣрно большой ротъ, приплюснутый носъ, тонкія губы, скошенные глаза и рѣдкую бороденку—и вы получите типическій обликъ нашего самоѣда. Женщины, какъ и мужчины, очень некрасивы.

По уму и характеру самоѣдъ ниже лопаря: онъ плутоватъ; раболѣпенъ въ сношеніи съ богатыми и грубъ, жестокъ съ слабымъ, особенно женщиной. На охотѣ за пушнымъ звѣремъ, на морскихъ промыслахъ и рыбной ловлѣ, самоѣдъ проявляетъ, однако, не мало смышленности, а подчасъ и храбрости. Самоѣды—записные пьяницы и за водку готовы отдать все, что у нихъ есть: чумъ, оленей, жену; пьютъ рѣшитель-

но всѣ—взрослые и дѣти. Свою жену самоѣдъ бьетъ нещадно за вину и безъ вины, трезвый и пьяный; забитая, отупѣвшая женщина въ самоѣдской семьѣ проводитъ всю жизнь въ постоянномъ тяжеломъ трудѣ: шьетъ одежду себѣ, мужу, дѣтямъ, иногда на продажу, готовитъ кушанье, разбираетъ и собираетъ при перекочевкахъ походное жилище и мн. др. Самоѣдъ считаетъ женщину низшимъ, нечистымъ существомъ, мужъ не помогаетъ ей, какъ лопаркѣ, во всю жизнь не услышитъ она ласковаго слова. Онъ не задумается прогнать свою старую больную жену и взять другую.

Одежда мужчинъ и женщинъ почти во всемъ сходна. Главнымъ матеріаломъ служатъ оленьи шкуры, изъ которыхъ, при помощи иглы и оленьихъ жилъ, самоѣдка шьетъ *малицы* и *совики*; то и другое напоминаетъ по виду длинную рубашку, только къ воротнику совика пришитъ мѣховой колпакъ (*куколь*), шапка (*пыжица*), рукавицы и оленьи сапоги довершаютъ нарядъ самоѣда. И шапка и малица бываютъ украшены клочками разноцвѣтныхъ суконъ. Самоѣдская одежда тяжела, безобразна, но зато очень тепла. Женщины не прочь украсить свою малицу снизу оторочкой изъ собачьяго мѣха; дѣвушки заплетаютъ волосы въ косы (на двое) и вѣшаютъ на нихъ бездѣлушки.

Жилище самоѣда—*чумъ*; онъ очень похожъ на лопарскую вѣжу. Устройство чума крайне просто: заостренные съ одного конца шесты втыкаются конусообразно въ землю; вверху связываются ремнями, причемъ оставляется отверстіе для выхода дыма; сбоку, обыкновенно съ подвѣтренной стороны, дѣлаютъ выходъ. Лѣтомъ чумъ обкладываютъ берестой, зимой двойнымъ, рядомъ оленьихъ шкуръ; полъ устилаютъ вѣтками и оленьими шкурами. Внутри чума по стѣнамъ—постели, валяются чашки, коробки и плетушки, куда прячется убогій скарбъ самоѣда. Всюду грязь; воздухъ невыносимо тяжелъ. Посреди чума на очагѣ, огороженномъ досками, постоянно поддерживаееся огонь; надъ нимъ — котелъ, въ которомъ варится лисицевина, песцевина или рыба — обыкновенная пища самоѣдской семьи; иногда мясо коптится на деревянной рѣшеткѣ надъ очагомъ. Мороженую рыбу ѣдятъ сырую, стругая ножемъ, какъ дерево.

Оленина—рѣдкое блюдо у самоѣда; оленей за послѣднее время сильно поубавилось, и трезвый самоѣдъ рѣшится зарѣзать своего кормильца только въ исключительномъ случаѣ: на свадьбѣ, для угощенія важнаго гостя и др. Зарѣзавъ оленя, пьютъ чашками горячую кровь, потомъ вырѣзываютъ куски теплаго мяса и, ухвативши

зубами, ловко отрѣзываютъ меньшіе куски и глотаютъ почти не жеванными. При ѣдѣ соблюдается строгій порядокъ: сначала ѣдятъ мужчины, потомъ женщины и дѣти; кости достаются голоднымъ собакамъ.

Самоѣды—бродячій народъ; только ничтожная часть ихъ живетъ осѣдло по рѣкѣ Усѣ, въ деревнѣ Колвѣ, имѣетъ избы и обработываетъ поля и огороды. Жизнь бродячихъ самоѣдовъ, вполнѣ зависитъ отъ оленей: съѣденъ мохъ—и самоѣдъ переходитъ на другое мѣсто. Чтобы олени не терпѣли недостатка въ кормѣ, самоѣды ставятъ свои чумы на довольно далекое разстояніе другъ отъ друга—за версту и болѣе. Г. Максимовъ, хорошо изучившій сѣверъ Россіи, такъ описываетъ перекочевку самоѣдовъ.

„Рѣшившись перемѣнить стоянку, они посылаютъ своихъ смышленныхъ собаченокъ собрать оленей въ кучу; накинувъ арканъ на оленя, самоѣдъ привязываетъ его къ санкамъ. Откинутые отъ чумовъ, санки стоятъ уже на готовѣ, нагруженныя кое-какимъ скарбомъ, снесеннымъ иньками (женщинами); на остальныя изъ нихъ накладываются затѣмъ вьюки, поднючья (тѣ же оленьи шкуры, которыя въ чумѣ замѣняютъ нижнюю подстилку); на третьи санки кладутъ шесты, на четвертыя садятся ребятишки, по одному и по два, на шестыя мать

съ грудным̈ъ ребенкомъ, на седьмыя бросаютъ хохлатыхъ собаченокъ, сдѣлавшихъ свое дѣло, на восьмыя, передніе, садится самъ хозяинъ чума—и аршинъ (поѣздъ) готовъ. На новомъ мѣстѣ, верстъ за 50 отсюда, самоѣды разобьютъ въ полчаса эти же чумы и опять постоятъ на немъ два, много три дня, какъ бы исключительно для того, чтобы перебраться на иныя мѣста".

Главнымъ занятіемъ самоѣдовъ до послѣдняго времени, дававшимъ имъ средство къ существованію, являлось оленеводство; но теперь самоѣды обѣднѣли, рѣдкій изъ считаетъ у себя оленей десятками, большинство же имѣетъ 2—3, много 5 штукъ.

Тяжелый грѣхъ лежитъ на русскихъ и особенно зырянскихъ промышленникахъ, ижемцахъ, которые безсовѣстно обирали невѣжественный народъ. Зыряне окончательно споили самоѣдовъ.

Съ бочкой спирта зырянинъ отправлялся въ тундру, останавливался у становища и, захвативъ бутылку, входилъ въ чумъ. Послѣ взаимныхъ привѣтствій, онъ начиналъ угощать самоѣда, его жену и дѣтей, и у пьянаго хозяина почти даромъ бралъ все, что нравилось: оленей, звѣриныя шкуры, рыбу и др. Потомъ онъ ѣхалъ въ другой чумъ, гдѣ повторялась та же исторія.

Когда бочка пустѣла, зырянинъ прекра-

щалъ грабежъ и ѣхалъ домой, везя на нѣсколькихъ саняхъ мѣха и шкуры, ведя десятка два—три оленей. Въ настоящее время всѣ самоѣды ближайшихъ становищъ въ кабалѣ у зырянъ и русскихъ купцовъ, состоя у нихъ пастухами; пасутъ оленей въ тундрѣ и на островѣ Вайгачѣ, куда угоняютъ оленей на лѣто, причемъ олени переплываютъ проливъ, отдѣляющій островъ отъ твердой земли. Самоѣды, живущіе вдали отъ опаснаго сосѣдства, сохранили самостоятельность, напр., на п—ровѣ Канинѣ и островѣ Вайгачѣ; послѣдніе, по словамъ г. Робуша, развитѣе своихъ другихъ несчастныхъ братьевъ, живутъ въ достаткѣ, многіе даже умѣютъ читать и писать по-русски.

Звѣроловствомъ прежде самоѣды занимались скорѣе ради удовольствія, чѣмъ изъ нужды; совсѣмъ не то теперь. Охота въ данное время составляетъ важную доходную статью самоѣда; онъ усердно ловитъ и горностая и песца, и лисицу, и зайца, и куницу; не даетъ спуску ни хищному волку ни быстроглазой рыси.

Охота происходитъ преимущественно зимой; чаще всего употребляютъ разнообразныя ловушки, петли, кладутъ отраву, ставятъ самострѣлы; огнестрѣльное оружіе пускаютъ въ ходъ довольно рѣдко.

Волкъ страшный врагъ оленьихъ стадъ.

Волки бѣгаютъ по тундрѣ стаями; настигнувъ оленя, одни схватываютъ его сзади, тогда какъ другіе мгновенно перегрызаютъ горло бѣдному животному. Волковъ рѣдко стрѣляютъ, чаще убиваютъ отравой, для чего въ мясо павшаго животнаго кладутъ сулему (ядъ); однако старые волки трудно поддаются такому обману, зато молодые гибнутъ во множествѣ.

Какъ тундровые, такъ и островные самоѣды усердно промышляютъ рыбой, а живущіе близъ моря бьютъ морскихъ звѣрей: тюленя, моржа, бѣлуху. Бѣднѣйшіе самоѣды нанимаются въ батраки къ русскимъ рыбопромышленникамъ и уплываютъ на судахъ далеко въ открытое море.

Продукты рыболовства и охоты, а также одежду и обувь изъ оленьихъ шкуръ, изготовленныя трудолюбивыми самоѣдками, самоѣды везутъ зимой на продажу въ городъ Березовъ, Пустозерскъ, Архангельскъ, русскія и зырянскія села, разбросанныя по рѣкамъ Печорѣ и Мезени. Торгъ не обходится безъ плутни со стороны купцовъ; на сцену является неизбѣжная водка, и самоѣдъ уѣзжаетъ въ тундру не только съ пустыми санями, но подчасъ и съ долгомъ на шеѣ, который, непонятнымъ для него образомъ, присчитаетъ ловкій торгашъ.

За рѣдкими исключеніями, самоѣды—христіане только по имени; язычество прогля-

дываетъ во всей жизни дикаря, его привычкахъ и суевѣріяхъ. Многіе изъ нихъ, будучи, крещены, въ трудныя минуты прибѣгаютъ къ помощи старыхъ божествъ; вынимая идоловъ, тщательно завернутыхъ въ тряпье, они усердно молятся имъ. Въ личной жизни самоѣда огромное значеніе имѣетъ *тадибей* (колдунъ, знахарь); это чаще всего старикъ-самоѣдъ, самый умный и плутоватый изъ своихъ братьевъ.

Невѣжество, бродячій образъ жизни и связанныя съ нимъ голодовки производятъ разнаго рода заболѣванія среди самоѣдовъ; между взрослыми не встрѣтишь въ настоящее время здороваго. Плохая пища и дурныя условія жизни особенно отзываются на дѣтяхъ: они мрутъ, какъ мухи осенью. Но и изъ взрослыхъ только немногіе выживаютъ до 50 л., большинство же умираетъ между 30 и 40 годами.

Если не произойдетъ улучшеній въ жизни самоѣдовъ, то имъ грозитъ полное вырожденіе, и отъ нѣкогда сильнаго племени будущему поколѣнію останется лишь одно воспоминаніе.

---

21. Религіозныя воззрѣнія самоѣдовъ.

(Р. В—нъ).

Старая самоѣдка, бабка Бармы (молодой самоѣдъ) тяжко заболѣла и металась на своей

койкѣ въ бреду. Я видѣлъ, что старуха доживала послѣдніе часы и предпочелъ уйти изъ чума и побродить въ степи. Вдругъ нагоняетъ меня Бармі и кричитъ еще издали:

— У насъ сейчасъ Самбадава будетъ: не желаете ли посмотрѣть?

— Это еще что за Самбадова? — спросилъ я.

— А вотъ увидите!

Я послѣдовалъ за юнымъ дикаремъ и черезъ нѣсколько минутъ мы уже были въ „нашемъ“ чумѣ. Каково же было мое удивленіе, когда я увидѣлъ, что весь мяканъ былъ наполненъ народомъ.

Присутствующіе сидѣли въ кружокъ: мужчины направо, женщины—налѣво. Въ центрѣ его находился старикъ, ростомъ на цѣлую голову выше всей компаніи, одѣтый въ пестрый балахонъ, сшитый изъ замши и украшенный множествомъ бляхъ, бубенчиковъ, пуговокъ и костей. Голова его была покрыта шапкой, которая отчасти закрывала и его лицо. Въ рукахъ у него былъ небольшой барабанъ, по которому онъ медленно, съ разстановкой, ударялъ колотушкой, обтянутой оленьей шкурой. Вдругъ онъ легъ на землю и сталъ испускать страшные, рѣзкіе, заунывные звуки, напоминающіе причитаніе бабъ въ деревняхъ. Присутствующіе самоѣды не спускали съ

него глазъ, сочувственно вздыхали и по временамъ вскрикивали! Гой, гой, гой!

Я не понялъ сперва ничего; любопытство меня разбирало, и я не могъ удержаться, чтобы не спросить Барми по крайней мѣрѣ, кто этотъ старикъ и что онъ дѣлаетъ.

— Это Тадибей-шаманъ, — односложно отвѣчалъ юноша;—онъ изгоняетъ злого духа изъ больной бабки.

Рѣшившись послѣ по-подробнѣе разспросить Барми обо всемъ, я принялся покуда слѣдить за страннымъ старикомъ. Онъ продолжалъ лежать ничкомъ на землѣ и настойчиво повторялъ одно и то же слово: „Тадебцій“ на разные лады; потомъ вдругъ оживился, движенія его стали быстры, нервны; мало-по-малу онъ началъ приходить въ изступленіе, принялся кривляться, подскакивать, бѣсноваться и наконецъ, выхвативъ изъ-за пояса ножъ, сталъ наносить имъ себѣ раны. Кровь струей хлынула изъ его пораненной руки. Самоѣды застонали, заохали; на ихъ лицахъ изобразилось отчаяніе. Вдругъ, откуда ни возьмись, появился олень съ связанными рогами и ногами; на шеѣ у него висѣла длинная веревка, за которую тотчасъ же ухватился Тадибей и сталъ тянуть ее изо всѣхъ силъ, наполняя воздухъ дикими криками.

Олень замертво грохнулся наземь: его удавили. Мясо его тутъ же было съѣдено

сырымъ присутствующими на этой странной церемоніи. Лишь голова уцѣлѣла.

Между тѣмъ Тадибей понемногу успокоился; движенія его стали медлительны, крики менѣе рѣзки, и въ концѣ-концовъ онъ упалъ на землю въ полномъ изнеможеніи. Если я не ошибся, онъ былъ въ глубокомъ обморокѣ. Его вынесли на рукахъ изъ чума. Понемногу гости разошлись, и въ шалашѣ оставалась только семья стараго Тарко, сгруппировавшаяся вокругъ умирающей, которая тоже была безъ чувствъ. Женщины плакали навзрыдъ, ребятишки выли; Тарко сидѣлъ пригорюнившись и утиралъ слезы кулакомъ.

Утомленный сценой, которая только-что разыгралась на моихъ глазахъ, я вышелъ изъ чума. Барми послѣдовалъ за мною. У бѣднаго малаго текли слезы по его загорѣлымъ широкимъ щекамъ, что онъ тщательно старался скрыть. Съ участіемъ сталъ я разспрашивать юношу о его горѣ. Онъ долго отмалчивался и наконецъ пробормоталъ:

— У насъ бѣда: бабка помретъ! Видѣли вы, какъ кровь хлынула, когда Тадибей себѣ руку ножемъ прокололъ? Умретъ, безпремѣнно умретъ!

Больше я ничего отъ него не добился.

На другой день старуха дѣйствительно умерла. Хозяева мои погоревали, погоревали, да наконецъ и успокоились; только лицо

стараго Тарко стало еще болѣе сосредоточеннымъ, чѣмъ прежде. Я же, выждавъ минуту, когда чело Барми нѣсколько прояснилось, началъ разспрашивать его о „тадибеяхъ и Самбадавѣ“, смыслъ которой я я не совсѣмъ-то понималъ.

— Тадибеи — это наши жрецы. Ихъ у насъ очень уважаютъ и любятъ—былъ его отвѣтъ.—Они, вѣдь, духовидцы, всегда знаютъ, съ кѣмъ что приключится, кому что суждено. Имъ уже въ младенчествѣ являются бѣлые, зеленые и черные духи и съ дѣтства еще пріучаются они обращаться со священнымъ *пензеромъ* (барабаномъ или бубномъ, который вы видѣли въ рукахъ у тадибея во время Самбадавы). Вы спрашиваете, къ чему тадибей тогда кричалъ, кружился и подпрыгивалъ на одномъ мѣстѣ, а потомъ сталъ себѣ тѣло ножемъ колоть? Это онъ злого духа, Тадебція, изгонялъ изъ больной бабки, но Тадебцій заупрямился, и бѣдный тадибей не могъ съ нимъ справиться. Онъ приказалъ принести оленя, котораго тутъ же и принесъ въ жертву злому духу; но и это не помогло. Вы помните, какъ кровь текла изъ его проткнутой ножемъ руки? Наши, какъ это увидѣли, такъ и стали стонать и кручиниться: они поняли, что Тадебцій не хочетъ выходить изъ больной бабки: прійдется ей помирать! Вотъ, если бы кровь не показалась, тогда другое дѣло:

значитъ, Тадебцій умилостивился, и бабка безпремѣнно бы встала на ноги.

Барми съ такою вѣрою и убѣжденіемъ высказалъ эти слова, что я съ удивленіемъ смотрѣлъ на суевѣрнаго дикаря; меня это тѣмъ болѣе поразило, что я слышалъ отъ него, что онъ христіанинъ и носитъ крестъ на шеѣ. Я высказалъ ему свои мысли по этому поводу; но Барми стоялъ на своемъ.

— Ну, такъ что-жъ, что же съ того? задорно повторялъ онъ, — я христіанинъ, а тадибеевъ почитаю, и всѣ христіане у насъ таковы: они крестъ на шею одѣваютъ, а въ карманъ *Хеговъ* кладутъ. Вотъ посмотрите!—и онъ вынулъ изъ кармана небольшой конусообразный кусочекъ дерева, кверху заостренный, снизу съ аляповато выдолбленными глазами и ртомъ.

— Это еще что такое?—съ недоумѣніемъ спросилъ я.

— Это изображеніе Тадебціевъ — бѣсовъ,—смѣло заявилъ онъ, и какъ будто это было вполнѣ естественно, что онъ христіанинъ, возится съ божками и поклоняется идоламъ.

— Много, много есть Тадебціевъ, всѣхъ не перечтешь, — задумчиво прошепталъ юноша;—ихъ столько на землѣ, сколько снѣжинокъ въ тундрѣ, ихъ столько въ воздухѣ, сколько звѣздъ на небѣ. И всѣ они злые-презлые и много вреда людямъ дѣлаютъ.

Бѣлые Тадебціи это духи воздуха, черные и зеленые — земли, — прибавилъ онъ въ поясненіе.

— А отецъ твой тоже христіанинъ?—спросилъ я Брами.

— Нѣтъ, отвѣтилъ онъ съ запинкой, — когда къ намъ священникъ пріѣзжалъ насъ всѣхъ крестить, онъ ни за что не хотѣлъ принять крещенья. Какъ его ни убѣждали, онъ на своемъ стоялъ: дѣти пусть будутъ христіанами, а я при старой вѣрѣ останусь!“ вотъ были его слова, и по сю пору онъ не крестился.

Теперь я понялъ, откуда происходитъ у Барми это странное смѣшеніе понятій языческихъ и христіанскихъ: у отца-идолопоклонника дѣти не могутъ быть истинными христіанами и льнутъ къ старымъ богамъ.

Я задался цѣлью излѣчить Барми отъ языческихъ суевѣрій, возвысить и очистить его понятія: молодой дикарь, несмотря на свою отталкивающую внѣшность, былъ мнѣ очень симпатиченъ.

Собираясь на охоту, самоѣды никогда не забываютъ принести жертву Святителю Николаю, а наряду съ нимъ, и языческому богу—Нуму.

— Одинъ только разъ не принесъ я Нуму

въ жертву бѣлаго оленя,—и приключилась со мною бѣда: я вернулся съ охоты съ пустыми руками,—разсказывалъ мнѣ Тарко.

Тщетно старался а убѣдить его въ томъ, что Нумъ тутъ не причемъ: онъ упрямо стоялъ на своемъ.

Нѣтъ, ужъ вы не говорите: Нумъ творецъ *всего*, онъ вѣченъ, онъ всемогущъ,—съ убѣжденіемъ и вѣрою ораторствовалъ старый язычникъ.—Отъ него все, что живетъ, что дышетъ: и олень, и люди, и духи, и семга въ рѣкѣ, и птица въ воздухѣ.

Отъ него все, что было, что будетъ. Онъ живетъ въ синемъ небѣ, за яркими звѣздами, за матушкой-луной, за сѣрыми тучами; онъ добръ, а потому не можетъ жить на землѣ, гдѣ творится всякое зло!

Много разъ приходилось мнѣ видѣть, какъ самоѣды отдаютъ должныя почести своему „безсмертному Нуму“. Гдѣ-нибудь на вершинѣ горы происходитъ эта церемонія, причемъ въ жертву приносится обязательно бѣлый олень. Животное это давятъ веревкою, обвязанною вокругъ его шеи, ставя его головою на востокъ. Тадибей беретъ его за заднюю лѣвую ногу и громко провозглашаетъ.

— Нумей (звательный падежъ отъ Нумъ), ти тюакръ темя пяндъ това хападъ! — Это значитъ: „Богъ, мы приносимъ тебѣ оленя, вотъ это твой, уведи?“

Затѣмъ мясо оленя съѣдается, а голова его ставится на шестѣ, на самомъ возвышенномъ пунктѣ мѣстности.

Самоѣды вѣрятъ, что Нумъ въ это время лично присутствуетъ между ними, и всѣ они съ ужасомъ и благоговѣніемъ кланяются на востокъ.

Кромѣ Нума передъ отправленіемъ на охоту чествуются еще „Сядеи“—идолы, покровители промысловъ. Однажды мнѣ пришлось не мало посмѣяться по этому поводу. Вотъ какъ было дѣло.

Отправились мы на рыбную ловлю. Со страхомъ и трепетомъ пробирались бѣдные самоѣды къ рѣкѣ, боясь, что зыряне уже предупредили ихъ и, по своему обыкновенію, вытоптали весь мохъ на ея берегахъ, чтобы лишить оленей пищи, хозяевъ ихъ—возможности заняться рыбною ловлею. Но на этотъ разъ все было благополучно. Разбили палатки, весело принялись за работу. Но, какъ на зло, уловъ былъ плохой. Безъ устали работали наши рыболовы: перегородили рѣку заколами или заборами, чтобы не дать рыбѣ выбраться изъ залива; даже иньки (самоѣдскія женщины) — и тѣ смѣло забирались по колѣни въ воду, съ неводомъ въ рукахъ. Но ни къ чему всѣ эти хлопоты не привели: поймали лишь ничтожное количество рыбы, да и то мелюзги.

Пріуныли дикари; и вотъ, на обратномъ

пути, подойдя къ подошвѣ горы, на вершинѣ которой стоялъ Сядеи, сдѣлали привалъ. Гурьбой окружили они идола, стали бросать въ него каменьями, испуская дикіе крики; издѣвались надъ своимъ божкомъ и, въ концѣ-концовъ, свергли его внизъ съ горы.

Отъ Бармы я узналъ, что Сядеи подвергся этой жестокой казни за то, что плохо исполнялъ свою роль покровителя промысловъ.

Ну и посмѣялся же я, при видѣ этой экзекуціи надъ несчастнымъ божкомъ.

Самоѣды же успокоились, сорвавъ свой гнѣвъ на ни въ чемъ неповинномъ идолѣ. „Это А (діаволъ) подшутилъ надъ нами“,— рѣшили они напослѣдокъ и принесли въ жертву врагу человѣчества собаку, надѣясь хоть этимъ умилостивить его. Меня много разъ поражало отношеніе этихъ идолопоклонниковъ къ ихъ божкамъ. Они всячески почитали ихъ, ставили хеговъ въ своихъ жилищахъ, одѣвали ихъ въ малицы, мазали имъ губы жиромъ и кровью оленей; но при первой неудачѣ, выпавшей на долю ихъ поклонниковъ, несчастнымъ кумирамъ приходилось плохо: ихъ немилосердно сѣкли оленьими ремнями и съ презрѣніемъ выбрасывали вонъ.

— Что за дикое племя, что за нелѣпыя понятія!—думалъ я, видя, съ какимъ серьезнымъ видомъ подвергаютъ они истязаніямъ

этотъ кусочекъ камня или дерева, или же боготворимый прежде.

---

22. Въ гостяхъ у самоѣдовъ.

(К. Носиловъ).

Вечеромъ, когда солнце склонилось къ морю и, погрузившись въ него, облило послѣдними своими лучами всю снѣжную равнину, мы увидали чумы. Шесть скромныхъ чумовъ, вытянувшись по одной линіи, стоятъ сиротливо, одиноко на берегу рѣчки *). Подходимъ, насъ встрѣчаетъ цѣлая свора собакъ, онѣ кидаются на нашихъ усталыхъ, но выскочившіе на шумъ самоѣды насъ отбиваютъ, и мы вдругъ среди толпы знакомыхъ сомоѣдовъ. Они очень измѣнились на видъ съ тѣхъ поръ, какъ оставили наше зимовье, несмотря на то, что это было всего недѣль пять тому назадъ; замѣтно, что жизнь на воздухѣ, на солнцѣ, быстро поправляетъ человѣка послѣ полярной ночи. Тѣ дѣти, которыхъ мы всю зиму видѣли такими блѣдными, вялыми, теперь были совсѣмъ неузнаваемы: розовыя щечки, звонкій смѣхъ такъ и подкупаютъ на веселье.

Насъ вводятъ почетными гостями въ чу-

---

*) На Новой землѣ.

мѣ, усаживаютъ на свѣжія оленьи шкуры; молодая бойкая хозяйка чума торопливо приготовляетъ очагъ, ея мужъ стружитъ стружки; достается кремень, очагъ оживаетъ, и насъ освѣщаетъ веселый огонекъ. Чумъ полонъ народа. Начинаются оживленные разговоры. Мой старикъ только мычитъ на вопросы своихъ торопливыхъ, любопытныхъ товарищей, уже обгладывая цѣлую ногу оленя, подложенную догадливымъ хозяиномъ.

Утромъ насъ разбудили выстрѣлы. Оказалось, что стадо оленей подошло къ чумамъ, благодаря тишинѣ, и прежде чѣмъ я выбѣжалъ на улицу, четыре оленя уже лежали и бились на снѣгу, а пятый какъ-то неровно, спотыкаясь, останавливаясь, невеселый шелъ за убѣгающемъ стадомъ. Вотъ, онъ останавливается, дѣлаетъ неловкій прыжокъ, опускаетъ голову, думаетъ лечь, но силы измѣняютъ и онъ падаетъ, какъ-то неловко, впередъ головой на снѣгъ и бьетъ безпомощно ногами... Вдали на бугрѣ останавливается на минуту бѣжавшее стадо, оборачиваясь къ намъ вѣтвистыми рогами, смотритъ въ нашу сторону и затѣмъ, вскинувъ лихо рога на спину уносится въ блестящую подъ солнцемъ снѣжную равнину...

Одинъ изъ оленей еже живъ, трясетъ рогами, думая насъ напугать, но его безжалостно прикалываетъ острый ножъ самоѣ-

да. И, прежде чѣмъ остановились неподвижно его глаза, прекратились конвульсіи, съ него уже сдираютъ шкуру и торопятся добраться до его крови, которая составляетъ первое лакомство этого дикаря. Олень распластанъ въ минуту. Кругомъ него садятся самоѣды и каждый изъ нихъ торопится острымъ ножемъ достать то, что ему по вкусу.

Одинъ лакомится хрящомъ ушей, другой добивается до теплаго мозга и долбитъ голову, третій вытаскиваетъ руку съ почками и, обмакнувши въ кровь, съ какой-то жадностью, торопливо прихлебывая, суетъ ихъ въ ротъ... Мой старикъ, разумѣется, тутъ: онъ ложится и пьетъ кровь, которая стоитъ, какъ въ чашѣ, въ ребрахъ оленя, и поднимается только тогда, когда тамъ остаются капли. Его лицо, одежда, руки, сѣдая борода все въ крови. Старикъ даже шатается отъ выпитой крови, которая опьяняетъ его. Самоѣды очень оживлены, слышатся шутки, смѣхъ, и олень мало-по-малу переходитъ въ ихъ желудки въ сыромъ видѣ. Наконецъ они, тщательно вытеревъ ножи о шкуру оленя, отправляются къ чумамъ и волочатъ за ноги красавцевъ пустыни. Около чумовъ растрепанныя и грязныя ихъ иньки *) составили свой кружекъ и обра-

---

*) Иньки—женщины, жены.

ботываютъ другую жертву. Тутъ картина пиршества дикарей еще ужаснѣе. Женщины, засучивъ рукава, такъ и бродятъ во внутренностяхъ оленя: кто вытягиваетъ жилы для нитокъ, кто обгладываетъ еще кость, кто возится съ ногой, сдирая зубами кожу на обувь, кто суетъ ребенку кусокъ мяса и старательно вытираетъ ему носъ рукой, замаранной въ крови. Эта кровь повсюду: и на лицѣ, и на одеждѣ, и на снѣгу, и на волосахъ, даже собаки и тѣ вымарались ею, отнимая куски мяса прямо изо рта у маленькихъ ребятъ и потомъ облизывая имъ же физіономіи за уступку. Особенно интересна маленькая дѣвочка съ кускомъ мяса въ маленькой ручонкѣ. Она тоже сосетъ кровь, глядя на шумъ родной толпы...

Ребятишки почти голы; ихъ малицы замазаны такъ, что отсвѣчиваютъ; сквозь дыры оленьяго платья, чернѣется невымытое тѣло; но ихъ щеки такъ румяны, что кажутся замазанными той кровью, въ которой они всѣ перепачкались. Таборъ шумитъ и лаемъ собакъ и бойкой рѣчью самоѣдовъ. Скоро и этотъ рогатый олень кончень, шкуру его пялятъ сушить, внутренности предоставляютъ собакамъ и на мѣстѣ пиршества людей грызутся мохнатые друзья человѣчества... Сытые самоѣды, одинъ за другимъ, уходятъ съ яркаго свѣта въ свои темные чумы

Теперь подбить ихъ на охоту напрасный трудъ; я беру ружье и отправляюсь одинъ на ближайшіе холмы.

Но солнце, обливая свѣтомъ снѣжную равнину, такъ раздражаетъ зрѣніе, что я не выдерживаю и сворачиваю къ ближайшей скалѣ, забираюсь на нее, удобно помѣщаюсь на ея выступъ и погружаюсь въ думы.

Когда я возвратился къ чумамъ, то тамъ уже все спало, хотя день былъ только еще въ половинѣ. Яркое солнце словно еще сильнѣе наводило свои лучи на чумы, которые теперь блестѣли на солнцѣ каждой шерстинкой своихъ оленьихъ шкуръ. Даже собаки и тѣ предались такому невозмутимому сну, распластавшись гдѣ попало по снѣгу, что не слыхали, какъ я подошелъ, и не встрѣтили меня ни однимъ лаемъ.

Мой приходъ будитъ хозяина чума; сконфуженный, онъ вылѣзаетъ изъ подъ полога и, оглядѣвшись—день или ночь стоитъ на дворѣ, торопливо будитъ свою бабу и начинаетъ заниматься табакомъ. Вырвавши щепоть шерсти изъ собственной малицы, онъ сыплетъ на нее табакъ и кладетъ все это за щеку, объясняя этотъ маневръ тѣмъ, что это помогаетъ отъ цынги. Мало-по-малу чумъ пробуждается, изъ угловъ выползаютъ его обитатели, и завязывается разговоръ. Къ вечеру чумы пробудились окончательно, затопились очаги, иньки подвѣсили котлы,

растопили ледъ для воды и занялись приготовленіемъ ужина.

Затопили очагъ; въ чуму поднялся такой дымъ, невыносимо заѣло глаза, но я остался на мѣстѣ и занялся наблюденіемъ приготовленія ужина.

Онъ очень простъ и скоръ. По временамъ въ очагѣ подкладываютъ дрова, мѣшаютъ желѣзной вилкой мясо, снимаютъ пѣну съ шерстью, которая, оказывается, сама собой всплываетъ на поверхность, очищая тѣмъ мясо, подбиваютъ кушанье горстью муки и ужинъ готовъ.

День медленно смѣняетъ свѣтлая ночь; съ горъ тянетъ холодкомъ; чумъ закрываютъ на ночь наглухо; еще разводятъ костеръ и, снявъ одежду, присаживаются къ нему, чтобы понѣжиться его лучами и, погрѣвшись, юркнуть въ теплое оленье одѣяло, гдѣ спятъ всѣ раздѣвшись.

Чумъ затихаетъ окончательно, день оконченъ. Самоѣды, видимо, блаженствуютъ по-своему: ихъ счастье заключается въ кускѣ оленьяго мяса; этотъ кусокъ ходитъ около нихъ въ видѣ рогатаго оленя и стоитъ только взять бинокль, посмотрѣть по холмамъ, и вы его увидите безпечно разгуливающаго. Самоѣды даже лѣнятся бить его и отправляются только тогда, когда ихъ иньки заявляютъ, что нечего варить. Тогда они запрягаютъ собакъ, скрываются въ

тундрѣ и черезъ часъ—два привозятъ цѣлый возъ битаго оленя. Но не всегда бываетъ такое красное, счастливое время для самоѣдовъ; случается, когда откочуютъ олени, они варятъ тѣ же кости, которыя теперь ихъ маленькіе щенята таскаютъ по улицѣ.

---

23. Промыслы зырянъ.

(Изъ соч. Ф. Арсеньева и А. Круглова).

Зыряне живутъ въ сѣверо-восточныхъ уѣздахъ губерній: Архангельской, Вологодской, Вятской, и Пермской.

Родина зырянъ лѣсиста, мало плодородна и сурова по климату. Эти-то условія мѣстности направили дѣятельность поселившагося здѣсь зырянскаго народа исключительно на рыбные и звѣриные промыслы. Послѣдніе играли въ прежнее время довольно значительную роль въ промышленной жизни Россіи, надѣляя ее въ изобиліи драгоцѣнными соболиными и другими мѣхами. Но это было когда-то. Теперь, съ постепеннымъ разрѣженіемъ лѣсовъ, уже не дающихъ надежнаго пріюта ни бобру, ни куницѣ, ни росомахѣ, край промышленный потерялъ свое прежнее значеніе, отчего рѣзко понизилось народное благосостояніе, а съ нимъ постепенно утрачивается и

родовой типъ честнаго зырянина, отличавшагося въ прежнія времена, необыкновенною простотою нравовъ въ своемъ домашнемъ быту.

Зырянинъ—плохой земледѣлецъ, но зато онъ неутомимый и изобрѣтательный охотникъ. Это настоящій сынъ лѣсовъ, въ жизни котораго звѣриные промыслы составляютъ главное средство къ пропитанію и источникъ къ оплатѣ податей, особенно въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ природа скудно вознаграждаетъ труды земледѣльца: таковы, по преимуществу, обширные края—Удорскій и Печорскій, въ которыхъ урожай хлѣбовъ постоянно бываетъ ничтоженъ.

Самый важный предметъ охоты зырянскихъ промышленниковъ составляетъ: изъ звѣрей—бѣлка и горностай, а изъ птицъ—рябчикъ.

Для добыванія звѣря и птицы употребляется зырянами множество способовъ, начиная отъ ружей и винтовокъ до капкановъ и силковъ.

Въ концѣ сентября, какъ только наступятъ порядочные холода, начинается у зырянскихъ промышленниковъ охота въ большихъ размѣрахъ, первое осеннее лѣсованье, продолжающееся около трехъ мѣсяцевъ. Второе лѣсованье, зимнее начинается у зырянъ съ января и продолжается до пер-

выхъ чиселъ апрѣля, когда повѣетъ уже весной.

Охотники отправляются на лѣсовье изъ своихъ домовъ партіями отъ 2—5 и болѣе человѣкъ. Партія беретъ съ собою довольно порядочный запасъ харчей.

Промышленники отлучаются отъ мѣстъ своего жительства на лѣсовье верстъ за 100 и за 200, а изъ печорскихъ селеній за 400 и даже за 500 верстъ, уходя часто за Уральскій хребетъ, въ гористыя вѣтви юго-восточнаго склона, въ сибирскіе предѣлы.

По прибытіи на мѣсто, гдѣ думаютъ промышленники производить свои промысловыя занятія, они строятъ себѣ лѣсную баню—пывзанъ, бревенчатую избушку въ 7—8 рядовъ, покрывая ее на одинъ скатъ досками и насыпая на крышу земли.

Въ такой избушкѣ складывается въ углу печь, или, лучше сказать, каменка, подобная тѣмъ, какія бываютъ въ черныхъ деревянныхъ баняхъ. Двери въ пывзанъ дѣлаются низенькія и непремѣнно плотно затворяющіяся, чтобы тепло, когда натопится баня, не выходило. По стѣнамъ избушки настилаются широкія нары: на нихъ промышленники спятъ, а иногда парятся.

Поселившись въ извѣстномъ пывзанѣ, промышленники начинаютъ свои рысканья по лѣсамъ за звѣремъ и птицею. Каждый

вечеръ они сходятся въ пывзанъ и сваливаютъ свою добычу въ общую складчину, дѣлежъ которой бываетъ, послѣ окончанія лѣсовья, поровну между всѣми товарищами. Если случится промышленнику при преслѣдованіи бѣлки или куницы забраться далеко отъ пывзана, такъ что на обратномъ пути его застигнетъ ночь въ дремучемъ лѣсу; то онъ и ночью возвратится къ своимъ товарищамъ. У него на такіе случаи есть путеводительница — матка — маленькій компасъ, состоящій изъ кругленькой деревянной коробочки, въ которой за стекломъ на тоненькомъ стержнѣ обращается магнитная стрѣлка.

Собравшись въ пывзанъ на ночное время сейчасъ же начинаютъ въ котелкѣ готовить себѣ кашицу изъ солонины и крупы, съ прибавкою небольшого количества соли, если скоромное время, и изъ сушеной рыбы и крупы, если постное время.

Послѣ утоленія голода занимаются сдираніемъ шкуръ съ убитыхъ звѣрей, мясомъ которыхъ тутъ же кормятъ собакъ своихъ. Это дѣлается при свѣтѣ ночника, состоящаго изъ плошки, въ которую налито сало и воткнута свѣтильня. Промышленники теперь на отдыхѣ, въ совершенномъ покоѣ, сытно позаправились ужиномъ, имъ тепло въ жарко-натопленомъ пывзанѣ, они всѣ работаютъ около ночника въ разболочку,

въ однѣхъ рубахахъ, и весело перебрасываются разговорами.

Когда въ мѣстности пывзана, въ которомъ поселились промышленники, звѣрь и птица начинаютъ попадать рѣже, партія перекочевываетъ далѣе въ слѣдующіе пывзаны, если они не заняты другою партіею, или идутъ на новыя мѣста, на которыхъ строятъ новые пывзаны. Такимъ образомъ, перекочевывая съ мѣста на мѣсто, промышленники заходятъ въ глубь лѣсовъ на далекія пространства. Въ ноябрѣ мѣсяцѣ начинаютъ они свой обратный путь, потому что въ началѣ декабря имъ непремѣнно нужно притти домой для сбыта своей добычи закупщикамъ, являющимся въ это время въ ихъ селенія.

Если такимъ возвратнымъ партіямъ выпадетъ большой переходъ, на которомъ не встрѣтится пывзана для ночевки, то промышленники устраиваютъ для нея наскоро шалашъ изъ еловыхъ вѣтвей въ двѣ загородки, располагая такъ, чтобы переднія открытыя стороны обращены были одна къ другой; между загородками разводится огонь. Снѣгъ въ загородкахъ наплотно утопчутъ и натолсто устелютъ мелкими вѣтвями хвои. Сдѣлавъ на привалѣ такой шалашъ, сейчасъ же принимаются промышленники варить себѣ на ужинъ кашицу, заправившись которой, преспокойно укладываются они на

сонъ грядущій, не обращая никакого вниманія на страшный морозъ, доходящій иногда до двадцати градусовъ. Противъ холода у нихъ придумано очень остроумное средство нагрѣванія шалашей ночнымъ огнемъ, который они поддерживаютъ слѣдующимъ способомъ: берутъ два сухихъ бревна и въ каждомъ изъ нихъ во всю длину вырубаютъ по жолобу. Одно бревно кладется на снѣгъ вверхъ жолобомъ, который наполняется горячими угольями; на нихъ кладется другое бревно жолобомъ внизъ, такъ что раскаленные уголья будутъ находиться между жолобами, какъ-бы въ трубѣ. Въ этомъ положеніи оба бревна удерживаются сырыми тычками, вбитыми по концамъ бревна глубоко въ снѣгъ. Огонь отъ угольевъ сообщается обоимъ бревнамъ, но отъ недостатка воздуха не можетъ вспыхнуть пламенемъ. Теплый дымъ вылетаетъ изъ обоихъ концовъ трубы и кружится въ шалашѣ надъ спящими, которые, закутавшись въ свои одежды, лежатъ рядомъ одинъ подлѣ другого, ногами къ очагу. Этотъ дымъ распространяетъ въ шалашѣ такую теплоту, что безъ труда можно проспать всю ночь на снѣгу, не чувствуя холода при двадцати градусномъ морозѣ на воздухѣ. Слѣдуетъ замѣтить, что промышленники часто спятъ въ такихъ шалашахъ босые, потому что

онучи и обувь ихъ развѣшивается на ночь надъ горячимъ дымомъ для просушки.

По возвращеніи съ лѣсовья, зыряне предаются дома совершенному бездѣйствію. Въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль они въ полномъ смыслѣ отдыхаютъ, валяясь на печи, если есть достатки, учиняя выпивку и парясь безпрестанно въ банѣ. Въ концѣ января партіи промышленниковъ отправляются на новое лѣсовье.

Зырянинъ не особенно любитъ земледѣліе и является по преимуществу охотникомъ. Относительно же хлѣбопашества онъ говоритъ: „дыжъ, да ягсяся“—лѣнь, да бороню.

Въ зырянскомъ краѣ обыкновенно чередуются хорошіе урожаи съ полными неурожаями, причемъ, чѣмъ сѣвернѣе, тѣмъ хуже. Объ успѣшности хлѣбопашества по верхней части Вычегды уже можно судить по одному тому, что здѣшнихъ зырянъ ихъ же сосѣди зовутъ качъ-сіоойясъ, т. е.—короѣды. По словамъ извѣстнаго зырянскаго бытописателя Аврамова, на Удорѣ, по причинѣ поздней весны и раннихъ инеевъ, изъ шести лѣтъ—два урожайныхъ, и четыре нѣтъ, причемъ въ неурожаи не собирается даже соломы.

Южная часть зырянскаго края болѣе удобна для земледѣлія. Господствующее хлѣбное растеніе—ячмень, которымъ кормятъ зыряне, вмѣсто овса, и лошадей. За нимъ идетъ

рожь, которой сѣется вдвое менѣе, нежели ячменя; она идетъ почти вся на продажу, такъ какъ зыряне ѣдятъ хлѣбъ по преимуществу ячменный. Овесъ сѣется въ очень маломъ количествѣ и только въ южной полосѣ зырянскаго края. Пшеницу начали сѣять только съ 1845 года, и она очень дурного качества. Ленъ и конопля распространены повсемѣстно, но доспѣваютъ худо. Конопляное и льняное масло не въ употребленіи у зырянъ, но сѣмя конопляное идетъ на постныя щи и кутью.

Теперь нѣсколько словъ объ огородничествѣ. Разводятся слѣдующіе овощи: капуста, рѣпа, рѣдька, лукъ, картофель, горохъ, а также—хмель.

Обиліе луговъ и сочныхъ травъ даетъ возможность зырянамъ держать много скота, котораго у нихъ вообще больше, чѣмъ у русскихъ. По словамъ извѣстнаго писателя Ф. А. Арсеньева, на Удорѣ скотоводство послѣ охоты составляетъ главное занятіе жителей. Лучшіе быки вымскіе, дающіе чистаго сала до 7-ми пудовъ. Какъ овцы, такъ и коровы зырянскія — камолыя (безрогія). Лошади обыкновенныя. Зырянскія свиньи очень тучны и ихъ уши гораздо длиннѣе, чѣмъ у русскихъ свиней. Изъ домашнихъ птицъ—куры, но не вездѣ. Яйца ѣдятъ, но куриное мясо зырянами не употребляется.

Рѣки богаты рыбою, а послѣ охотничь-

ихъ промысловъ рыболовство составляетъ любимое и наиболѣе выгодное занятіе для жителей. Рыба отличается величиною и вкусомъ.

До 1845 года, пишетъ г. Поповъ, въ рѣкахъ сѣверо-двинскаго бассейна стерляди вовсе не было. Полагаютъ, что она появилась здѣсь послѣ закрытія Сѣвероекатерининскаго канала, посредствомъ котораго соединялась Вычегда съ Камою, и надобно думать, что ей понравилось новое мѣсто жительства, потому что она съ удивительною быстротою распространилась по всему теченію Вычегды, Сѣверной Двины и по Сухонѣ, чуть не до самаго Кубенскаго озера, т. е. считая по возможно прямому водному пути, на 1500 верс. Другіе говорятъ, что въ Вычегдѣ развелъ стерлядь извѣстный въ свое время яренскій охотникъ — рыболовъ А. В. Клеопатровъ.

Собственно въ зырянскомъ краѣ она водится преимущественно въ Вычегдѣ; даже въ большомъ притокѣ этой рѣки—Сысомъ ея нѣтъ, несмотря на то, что сысольская вода чище и свѣтлѣе вычегодской.

Появленіе этой дорогой рыбы зыряне встрѣтили съ неудовольствіемъ: они считали ее нечистою; приписывали ей распространеніе лихорадокъ и уменьшеніе другихъ породъ. Они не умѣли ее ловить до тѣхъ поръ, пока одинъ возвратившійся на родину

солдатъ не объяснилъ имъ цѣнности рыбы и устройства самолововъ. Усть-сысольскій купецъ Н. А. Поповъ, воспользовавшись огромною разницею въ цѣнахъ на эту рыбу на мѣстѣ и въ Петербургѣ, сталъ закупать ее и отправлять въ столицу черезъ каналъ Герцога Александра Виртембергскаго, въ судахъ особаго устройства, съ двойнымъ дномъ, изъ коихъ на нижнемъ дѣлаются прорѣзы и между обоими помѣщается рыба. Зыряне продаютъ стерлядь не на мѣру, а вѣсомъ, чѣмъ и пользуются закупщики.

Семга водится во всѣхъ зырянскихъ рѣкахъ, но ловля ея только на Печорѣ, преимущественно въ нижней части, и въ большомъ притокѣ этой рѣки Шугорѣ составляетъ предметъ самостоятельнаго промысла.

Вывозятся также изъ зырянскаго края и другія рыбы—замороженныя; пеляди, чири, сиги, щуки, окуни и проч. Доходность рыбнаго промысла въ послѣдніе годы, однако, значительно понизилась.

Способы ловли рыбы разнообразны. Ловъ производится главнымъ образомъ весною. Только семга и стерлядь составляютъ исключеніе: стерлядь ловится преимущественно въ межень, а семга—когда спускается въ море, выметавъ въ рѣкахъ икру, т. е. въ іюлѣ, августѣ.

Часть зырянъ занимается работами на Брусяной горѣ, гдѣ происходитъ выдѣлка

точилъ и брусьевъ. Брусяная гора, находящаяся недалеко отъ Печоры, подарена царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ крестьянамъ Печерской и Усть-Сысольской волостей.

Работа на горахъ тяжелая. Воздухъ пропитанъ брусяною пылью, отчего почти всѣ рабочіе страдаютъ глазами. Брусья и точила отправляются преимущественно въ Пермскую губернію.

Съ недавняго времени, закрытыя было желѣзодѣлательные и чугуноплавильные заводы, вновь пущены въ ходъ, и на нихъ работаютъ зыряне.

Вымскіе обитатели съ выгодою занимаются рубкою и доставкою дровъ на Сереговскій солеваренный заводъ.

Еще большую прибыль доставляютъ зырянамъ судостроеніе, нагрузка и сплавъ дровъ; самые бѣдные зыряне бурлачатъ.

Смолокуреніе, гонка дегтя и пр.—все это могло бы приносить огромныя выгоды населенію края, но все это не развито, какъ не развита и ремесленная промышленность.

Зырянинъ не умѣетъ дѣлать ничего, кромѣ нехитрыхъ подѣлокъ для дома.

Я забылъ сказать, что зыряне на заводахъ являются преимущественно въ качествѣ рудокоповъ и углежоговъ. Рудокопъ получаетъ въ день 40 коп., женщина—20. Работа—съ ноября до апрѣля. Закончу рѣчь

о заводахъ картинкой, нарисованной рукою туриста, посѣтившаго Нюфчимскій заводъ.

Между хижинами заводскихъ рабочихъ и заводомъ разстилается большая площадь, и на ней стоитъ убогая церковь. Вокругъ нея на погостѣ, вдоль ограды, растутъ березы, сосны и величаво высятся темно-зеленые развѣсистые кедры. Хороши эти кедры... Вдали блеститъ озеро; кругомъ зелень, могилы да церковь; надъ головой небо. Болѣе— ничего не видать. Тихо, людской гамъ сюда не долетаетъ, лишь смутно доносится гулъ съ запруды. Церковь такъ бѣдна, что старается выручать себѣ деньгу на всемъ, чѣмъ можетъ. Напримѣръ, шишки съ кладбищенскихъ кедровъ продаются крестьянами въ пользу церкви. На самомъ берегу озера, около плотины, стоитъ домъ управляющаго, съ садомъ.

Въ озерѣ отличное купанье, а вокругъ завода со всѣхъ сторонъ темнѣютъ лѣса.

Зырянъ можно встрѣтить и въ Петербургѣ. Лучшая прислуга—зыряне. Они же и хорошіе работники въ типографіяхъ.

Зырянину—дорога̀ своя керка (изба). Онъ уходитъ по нуждѣ на заработокъ далеко, но при первой возможности спѣшитъ на родину.

24. Отправленіе поморовъ на промыслы.

(П. И. Мамаевъ).

Перенесемся на далекій сѣверъ, къ берегамъ Бѣлаго моря и Ледовитаго океана, къ поморамъ, потомкамъ отважныхъ, предпріимчивыхъ новгородцевъ.

Короткое, холодное лѣто, долгая морозная зима и неудобная, глубоко промерзающая почва не позволяютъ поморамъ сѣять хлѣбъ. Чтобы прокормить себя и семью, они занялись рыбнымъ промысломъ. „Море—наше поле,“ говорятъ они, и слова ихъ справедливы. Близость моря и постоянныя опасности выработали изъ помора человѣка смѣлаго, трудолюбиваго и находчиваго. Поморъ отважно пускается за добычей въ неизвѣстныя ему мѣста; ни трудности пути, ни бури, ни холода не устрашатъ и не остановятъ его.

Наступаетъ конецъ февраля. Снѣгъ еще окутываетъ толстымъ, глубокимъ слоемъ все побережье и тянется однообразной бѣлой пеленой на сотни верстъ; у береговъ еще держится ледяной припай, а вдали, въ открытомъ морѣ, еще носятся причудливыя, высокія глыбы льда—*торосы* и *стамухи*,—но зима уже замѣтно умѣрила свои холода: нѣтъ тѣхъ нестерпимыхъ морозовъ, какіе бываютъ въ январѣ; не играютъ уже и ве-

личественные *сполохи*, — сѣверныя сіянія; густые туманы чаще заволакиваютъ вершины скалъ. Въ это время во всѣхъ поморскихъ деревенькахъ и селахъ Архангельскаго, Онежскаго и Кемскаго уѣздовъ,— во всѣхъ небогатыхъ, почернѣвшихъ избахъ оживленно копошится промышленное населеніе, готовясь въ далекій, трудный путь на Мурманъ за треской. Запасаются платьемъ, котелками, солью и сушеной рыбой, и все это укладываютъ въ *кережки*—санки, сколоченныя изъ сосновыхъ дранокъ на подобіе небольшой лодочки.

Почти во всякомъ селеніи рядомъ съ бѣдняками живетъ и нѣсколько богачей, имѣющихъ все необходимое для рыбнаго промысла: и суда, и рыболовныя снасти.

У такихъ богачей издавна ведется обычай—*обряжать покрутъ*, т. е. нанимать артель рабочихъ для ловли трески и другой рыбы; и идутъ къ нимъ обѣднѣвшіе работники, надѣленные крѣпкимъ здоровьемъ и силою, терпѣніемъ и выносливостью. При нарядѣ *покрута* соблюдаются установленныя правила.

На каждую *шняку*—рыболовное судно—*крутятся* четверо: *кормщикъ, тяглецъ, весельщикъ* и *наживочникъ;* у каждаго изъ нихъ опредѣленныя обязанности при ловлѣ: наживочникъ насаживаетъ на крючки снасти рыбку, червей или другую какую при-

манку для трески; роль весельщика—грести веслами, а тяглеца—вытаскивать изъ воды снасть. Эти трое работниковъ называются *рядовыми* и отдаются въ полное распоряженіе *большака—кормщика*, руководителя артели. Въ кормщики выбираются люди бывалые и опытные, которые знаютъ лучшія рыбныя мѣста, знаютъ, куда закинуть снасть, и умѣютъ солить и раздѣлывать пойманную рыбу. Добыча промысла дѣлится на три части: двѣ изъ нихъ поступаютъ въ пользу хозяина за его снасти и суда, а остальная четыремъ рабочимъ. Кормщикъ сверхъ того получаетъ награду отъ хозяина отъ 5 до 7 рублей, въ зависимости отъ богатства улова, и еще половину того, что пришлось всѣмъ работникамъ.

Кромѣ главныхъ работниковъ: кормщика, тяглеца, весельщика и наживочника, на промыселъ отправляются и мальчики 10 — 15 лѣтъ, называемые *зуями*. Зуи исполняютъ различныя мелкія работы: варятъ пищу, распутываютъ снасти, моютъ кадки. Они не получаютъ ничего, кромѣ мелкихъ подарковъ, но зато съ малолѣтства пріучаются къ тяжелымъ занятіямъ на тресковомъ промыслѣ. Зуи, подростая, проходятъ всѣ должности, начиная отъ наживочника и кончая кормщикомъ, а если мальчикъ понятливъ и смышленъ, то со временемъ, сколотивъ копейку и самъ сдѣлается хозяиномъ.

Когда хозяинъ наберетъ достаточное число рабочихъ, онъ устраиваетъ имъ прощальный обѣдъ,—сытный и жирный, состоящій изъ трески, облитой яйцами, жареной семги, наваги, пироговъ и водки. Мальчики —зуи, быстро перебѣгая изъ одной избы въ другую, созываютъ *покручниковъ* на пиръ.

— Звали пообѣдать—пожалуй-ко!—громко выкрикиваютъ они, пріотворяя дверь кланяясь.

Хозяинъ во время обѣда даритъ каждому гостю по куску сѣраго сукна на рукавицы, угощаетъ и задабриваетъ покручниковъ, называя ихъ молодцами да ребятушками: отъ нихъ зависитъ очень многое—они могутъ попортить рыболовныя снасти или перейти къ другому хозяину, который не успѣлъ нанять полнаго числа рабочихъ.

Послѣ обѣда долго веселятся подгулявшіе поморы, долго еще на улицахъ раздаются ихъ пѣсни, только къ ночи разбредутся они по своимъ избамъ, чтобы провести послѣдніе часы среди своихъ родныхъ и близкихъ. Тепло въ избѣ; они скоро, крѣпко и сладко засыпаютъ, а зуйки, забравшіеся на печку, уже давно безмятежно храпятъ. Только матери, жены и сестры не ложатся: глядятъ, не наглядятся онѣ на своихъ кормильцевъ; то и дѣло подносятъ онѣ свои передники къ глазамъ. Матери взбираются на печь и гладятъ русыя кудри

своихъ малышей. Завтра они уйдутъ далеко, и, Богъ знаетъ, придется ли увидѣть ихъ опять! Можетъ быть снѣжная буря занесетъ ихъ въ пути или сердитое море потопитъ ихъ, или цынга (болѣзнь) сведетъ въ могилу... Какъ знать!..

Наступаетъ день проводовъ. Одѣтые по дорожному, поморы съ серьезными лицами прощаются со своими родными и, помолившись на свою сельскую церковь, пріютившуюся на косогорѣ, трогаются въ путь. Цѣлыя ватаги промышленниковъ каждый день выходятъ то изъ одного, то изъ другого селенія. Всѣхъ, отправляющихся на промыслы, насчитываютъ до пяти тысячъ человѣкъ. Отъ дома до мѣста назначенія покручники проходятъ различныя разстоянія,—отъ 500 до 1000 верстъ—смотря потому, какъ далеко лежитъ селеніе отъ промысловаго пункта.

Труденъ путь промышленниковъ — особенно тѣхъ изъ нихъ, которые идутъ черезъ негостепріимную, безпріютную Лапландію. Прикуетъ морозъ рыхлый подвесенній снѣгъ крѣпкимъ пластомъ, и несутся по немъ на лыжахъ наши поморы, отдуваясь и быстро переставляя ноги, а позади прыгаютъ кережки, запряженныя собаками; изъ-подъ наваленной на кережку одежды и провизіи выглядываютъ головки ребятъ. Кругомъ пустынно; бѣлый снѣгъ искрится при лун-

номъ свѣтѣ и слѣпитъ глаза. И идутъ такъ ватаги сотни верстъ, отъ одной промысловой избы до другой; въ такой избѣ можно отдохнуть, сварить себѣ пищи и погрѣться. Бѣда, если въ дорогѣ застигнетъ ихъ снѣжная мятель—*хивуса*! Снѣгъ носится тучами съ одного мѣста на другое, сбивая съ ногъ собаченокъ и грозя совершенно засыпать весь караванъ. Озябшіе, посинѣвшіе отъ холода путники перевертываютъ тогда санки и ложатся подъ нихъ, ожидая конца вьюги. Нерѣдко случается, что мятель затягивается, усталые люди засыпаютъ подъ санками и больше уже не встаютъ; и навѣетъ надъ ними мятель большой могильникъ! Весною найдутъ ихъ случайно лопари и похоронятъ.

Прибрежная полоса Ледовитаго океана отъ Бѣлаго моря до границъ Норвегіи носитъ названіе Мурмана. Угрюмъ и дикъ Мурманскій берегъ русской Лапландіи; обнаженныя скалы, изрѣзанныя заливами, однообразно тянутся на тысячу верстъ. Глубокіе заливы и губы, куда впадаютъ шумливыя рѣчки и куда не заходятъ грозныя морскія волны, называются *становищами*. Здѣсь въ ущельяхъ, строятся рыбачьи *станы*—уродливыя избы, сколоченныя изъ тонкаго дряблаго лапландскаго лѣса! Съ боковъ и сверху избы обсыпаются морскимъ пескомъ, а щели служатъ вмѣсто оконъ или

затыкаются кое-какъ мохомъ. Пять, шесть такихъ избъ составляютъ временное селеніе—становище, которое оживаетъ только съ апрѣля до половины августа, во время пребыванія промышленниковъ. Сюда-то въ эти становища и держатъ свой путь поморы.

Прибывъ на мѣсто въ концѣ марта, изнеможенные, усталые поморы находятъ вмѣсто жилищъ сугробы снѣга. Дружно принимаются они за работу, дружно откапываютъ свои избы, амбары и кладовыя, очищаютъ нары и печки отъ снѣга и спѣшатъ отопить помѣщеніе. Ярко вспыхнетъ огонекъ, затопится печка и нагрѣетъ избу: со стѣнъ потекутъ ручейки талаго снѣга, а съ потолка закапаетъ. Духота и сырость стоятъ внутри, но на это не обращаютъ вниманія. Хорошо еще, что живыми добрались до становъ! Утомительное путешествіе даетъ себя чувствовать: спина болитъ, ноги ноютъ; съ удовольствіемъ ложатся прибывшіе на нары, расправляютъ отекшіе члены, наслаждаясь теплomъ и отдыхомъ.

Всего по Мурманскому берегу раскинуто до сорока пяти становищъ. Въ каждой становой избѣ помѣщается человѣкъ двѣнадцать. Избы строятся на сторонѣ и привозятся разобранными, и уже на мѣстѣ сколачиваются. Когда оканчивается рыбная ловля и поморы уходятъ домой, становища—

постройки, суда и снасти оставляются на попеченіе или тамошнимъ колонистамъ, если они есть, или лопарямъ.

Отдохнувъ съ дороги, промышленники начинаютъ приводитъ въ порядокъ суда и и снасти: исправляютъ скамейки, мачты, весла, чинятъ паруса, плетутъ и связываютъ веревки.

---

25. Морскіе промыслы на Мурманѣ.

(А. П. Энгельгардтъ).

Главною основою для промышленной жизни и дѣятельности на Мурманѣ служатъ неисчерпаемыя рыбныя богатства моря у его береговъ.

Первыми русскими рыбопромышленниками здѣсь были новгородцы, поселившіеся въ Колѣ. О кольскихъ промыслахъ стало скоро извѣстно во всей Двинской области и постепенно на Мурманъ начали стекаться жители приморскихъ поселеній Мезенскаго, Архангельскаго, Онежскаго и Кемскаго уѣздовъ. На промыселъ отправлялись обыкновенно отдѣльными партіями съ атаманомъ во главѣ. Эти партіи называвшіяся ватагами, располагались въ какомъ либо удобномъ для стоянки судовъ заливѣ, гдѣ промышленники устраивали такъ-называемыя стано-

вища, строили избы (станы), въ которыхъ хранили свои запасы и укрывались во время непогоды. Такихъ становищъ насчитывается теперь около 45, въ нихъ до 1,000 домовъ. Большею частью эти домики содержатъ не болѣе 3—4 кубич. саж. воздуха, причемъ нерѣдко въ нихъ проживаетъ до 20—25 человѣкъ. Помимо жилья въ станахъ сушится одежда, рыболовныя снасти, приготовляется пища и т. д. При такихъ неблагопріятныхъ санитарныхъ условіяхъ, тяжеломъ трудѣ, однообразной рыбной пищѣ, не приправленной кореньями и овощами, и суровомъ климатѣ, промышленниковъ очень легко поражаютъ различныя болѣзни, среди которыхъ цынга занимаетъ первое мѣсто. Въ настоящее время эти страданія въ значительной мѣрѣ облегчаются благотворною дѣятельностью Архангельскаго отдѣла Общества „Краснаго Креста“, который ежегодно, на время промысловаго періода, командируетъ на Мурманъ врача, фельдшеровъ и сестеръ милосердія и открываетъ тамъ нѣсколько врачебныхъ пунктовъ, снабжая ихъ необходимыми медикаментами и продовольственными запасами. Мурманскія больницы Общества „Краснаго Креста“, спасая жизнь многихъ сотенъ людей, пользуются большимъ довѣріемъ промышленниковъ.

Во всѣхъ этихъ становищахъ постоянно

проживаетъ лишь нѣсколько мѣстныхъ колонистовъ. Большинство же пришлыхъ промышленниковъ населяютъ обыкновенно излюбленныя ими мѣста, но нерѣдко перекочевываютъ изъ одного становища въ другое. смотря по ходу рыбы, — куда приплыветъ рыба, туда направляются и промышленники.

Изъ Архангельскаго, Онежскаго и Кемскаго уѣздовъ обыкновенно прибываетъ на Мурманъ до 3,000 промышленниковъ ежегодно; большинство изъ нихъ отправляется въ началѣ марта пѣшкомъ черезъ Кандалакшу и Разъ-Наволокъ въ Колу, откуда пароходъ товарищества Архангельско-Мурманскаго пароходства, зимующій въ Екатерининской гавани, развозитъ ихъ по становищамъ.

Самый промыселъ производится на небольшихъ судахъ, называемыхъ шняками. Колонисты соединяются обыкновенно артелями по 4 — 5 человѣкъ и уловъ дѣлятъ между собою поровну, отдѣляя извѣстную добавочную часть „корщику“, на долю котораго выпадаетъ наиболѣе трудовъ.

Между пришлыми промышленниками Онежскаго и Кемскаго уѣздовъ преобладаетъ система покрута. Эта система состоитъ въ томъ, что судохозяева нанимаютъ на свои шняки 3—4-хъ работниковъ (покрученниковъ), которые за свой трудъ получаютъ

1/3 добычи. Судохозяинъ, задолго до начала промысла, зимою, условившись съ покрученникомъ, снабжаетъ его всякими припасами, какъ для него самого, такъ и для его семьи, и всѣмъ необходимымъ на промыслѣ. По окончаніи промысла производится расчетъ: изъ части, причитающейся на долю покрученника, удерживается стоимость забраннаго, при чемъ какъ за товаръ, такъ и за уловъ хозяинъ, конечно, устанавливаетъ цѣну по своему произволу. Въ концѣ-концовъ, въ большинствѣ случаевъ оказывается, что промышленникъ не только ничего не получаетъ на руки, а остается еще въ долгу у хозяина. Переходящая изъ года въ годъ задолженность промышленниковъ хозяевамъ служитъ причиною тому, что покрученники до сихъ поръ еще удерживаются среди онежскихъ и кемскихъ промышленниковъ.

Для доставленія возможности промышленникамъ заниматься промысломъ самостоятельно, по Высочайшему повелѣнію 18-го марта 1886 г., было разрѣшено выдавать поморамъ ссуды на обзаведеніе самостоятельныхъ артелей, въ размѣрѣ 430 руб. на артель, промышляющую на шнякѣ, т. е. суднѣ болѣе крупныхъ размѣровъ, и 215 руб. на артель, промышляющую на карбасѣ. До 1894 г. ссудами воспользовались 74 артели, изъ которыхъ въ настоящее

время осталось только десять, остальные же распались по разнымъ причинамъ.

Впрочемъ, „покрутъ“ и самъ по себѣ съ съ каждымъ годомъ слабѣетъ, такъ какъ, съ учрежденіемъ правильнаго пороходства и съ развитіемъ экономической жизни на Мурманѣ, промышленники получили возможность пріобрѣтать, хотя бы въ долгъ, суда, снасти, продовольственные припасы и проч. на мѣстѣ и добычу продавать тотчасъ послѣ улова тамъ же торговцамъ, которые устроили на Мурманѣ склады, лавки и присылаютъ на Мурманъ суда для нагрузки и посолки рыбы, скупаемой непосредственно у промышленниковъ, по возвращеніи ихъ съ моря.

Условія промысла на Мурманѣ требуютъ быстрыхъ сношеній между отдѣльными становищами и между рынками сбыта, а потому отсутствіе телеграфа было одною изъ главныхъ причинъ, тормозившихъ развитіе промысла.

Кромѣ того, огромный вредъ дѣлу наносило ненормальное положеніе соляной торговли на Мурманѣ. Продажа соли находилась въ рукахъ немногихъ торговцевъ, которые, пользуясь отсутствіемъ конкуренціи, поднимали непомѣрно высоко цѣны на соль, иногда до 40—60 коп. за пудъ и даже выше, тогда какъ въ то же время цѣны на рыбу вовсе не соотвѣтствовали цѣнѣ

соли. Вслѣдствіе такой дороговизны и недостатка соли, рыба засаливалась плохо, товаръ обезцѣнивался. Въ видахъ удешевленія соли и чтобы удержать цѣну ея отъ произвольныхъ колебаній, вредно отзывающихся на рыбной промышленности, нынѣ, съ разрѣшенія Министра Внутреннихъ дѣлъ и согласно Высочайше утвержденному въ 1893 г. мнѣнію Государственнаго Совѣта, устраивается на Мурманѣ нѣсколько казенныхъ соляныхъ складовъ.

Главный предметъ промысла на Мурманѣ составляетъ треска. Кромѣ трески, ловится, въ сравнительно меньшемъ количествѣ, палтусъ, пикшуй, сайда, зубатка, камбала, морской окунь и морской налимъ. Всѣ эти рыбы приближаются весною къ берегамъ для метанія икры. Опытомъ дознано, что треска идетъ къ намъ съ теплымъ теченіемъ Гольфстрема отъ Норвегіи, а потому первые уловы трески бываютъ всегда на западной сторонѣ, а затѣмъ уже промыселъ переходитъ на восточную сторону Мурмана. Теченіе Гольфстрема не всякій годъ одинаково: въ иной годъ оно подходитъ ближе къ нашимъ берегамъ, въ другой — дальше. Въ промысловомъ отношеніи это имѣетъ большое значеніе, такъ какъ, чѣмъ ближе оно подходитъ къ берегу, тѣмъ легче промышлять, а такъ какъ теченіе ежегодно мѣняется, то въ одномъ году прихо-

дится выѣзжать для лова далѣе въ море, другой разъ ближе. Обыкновенно уловъ трески производится на разстояніи 10—30-ти верстъ отъ берега и на глубинѣ 120—150-ти саженъ.

Промышленники - одиночки ловятъ треску на удочку, состоящую изъ бичевы въ 180 саж., на концѣ которой прикрѣпляется крючекъ съ приманкою; удочка опускается съ грузиломъ на морское дно и ее нужно постоянно подергивать. Удебный способъ требуетъ постоянно большой мышечной работы; между тѣмъ, добываемая имъ рыба—небольшихъ размѣровъ.

Поморы не любятъ ловить рыбы удочкою, а ловятъ ее ярусомъ. Ярусъ бываетъ длиною въ нѣсколько верстъ и состоитъ изъ веревки толщиною въ мизинецъ, къ которой прикрѣплены тонкія бичевки длиною 1½—2 аршина, на разстояніи одной сажени другъ отъ друга; къ свободному концу этихъ бичевокъ прикрѣплены крючки, наживляемые мелкою рыбою—мойвою или песчанкою, а когда не бываетъ ни той, ни другой — морскими червями и внутренностями ракушекъ. Длина большого яруса достигаетъ 4.000 саженъ; къ нему прикрѣплено обыкновенно до 5,000 крючковъ. Ярусъ опускается на морское дно и лежитъ въ водѣ около шести часовъ, послѣ чего его постепенно вытаскиваютъ и снимаютъ

съ крючковъ попавшуюся рыбу. Крючковъ на Мурманѣ расходуется ежедневно свыше 1.200.000 штукъ. При сравненіи лова ярусомъ и удочкою оказывается, что первый имѣетъ много преимуществъ, но зато и стоитъ дороже; поэтому не всякій промышленникъ въ состояніи обзавестись ярусомъ.

Огромное значеніе въ промыслѣ имѣетъ наживка, для которой какъ выше сказано, употребляютъ небольшихъ рыбокъ—мойву, песчанку и галію или, наконецъ, песчанаго морского червя и содержимое морскихъ ракушекъ. Лучше всего треска идетъ на мойву. Мойва—водится въ Ледовитомъ океанѣ; она приближается ежегодно большими стадами къ берегамъ для метанія икры и, вмѣстѣ съ тѣмъ, спасая себя отъ прожорливой трески; присутствіе мойвы можно узнать по чайкамъ, которыя ею питаются. Иногда масса движущейся по водѣ мойвы бываетъ такъ густа, что чайки свободно ходятъ по ней, а на лодкѣ нѣтъ никакой возможности пробраться черезъ нее. По виду мойва похожа на корюшку и очень жирна; она появляется около половины марта, а послѣ 1-го іюня обыкновенно уходитъ далеко въ море.

Промыселъ оканчивается обыкновенно около 15-го августа; тогда промышленники спѣшатъ—одни въ Архангельскъ, на Маргаритинскую ярмарку, для распродажи сво-

его товара, а другіе—по домамъ. Прежде чѣмъ отправляться домой, шняки вынимаются изъ воды и осмаливаются, а станы и разное имущество сдаются на храненіе мѣстнымъ колонистамъ и лопарямъ за условленную плату, и Мурманъ пустѣетъ до слѣдующаго года.

Для содѣйствія Мурманскимъ промысламъ и для наблюденія за порядкомъ во время производства ихъ, съ 1885 года въ распоряженіи кольскаго исправника имѣется особый пароходъ „Мурманъ“. На этомъ пароходѣ лежитъ довольно много обязанностей: ограждать нашихъ промышленниковъ отъ иностранцевъ, сообщить своевременно промышленникамъ о ходѣ рыбы и наживки, доставлять больныхъ въ пріемные покои Общества „Краснаго Креста“, давать возможность всѣмъ служащимъ и санитарному отряду переѣзжать изъ становища въ становище для исполненія служебныхъ обязанностей, преслѣдовать продажу крѣпкихъ напитковъ, оказывать, по возможности, помощь всѣмъ судамъ, которыя подвергаются аваріямъ, перевозить преступниковъ и, наконецъ, исполнять всѣ порученія и распоряженія архангельскаго губернатора.

Помимо парохода „Мурманъ“, для охраны нашихъ сѣверныхъ промысловъ отъ вторженіе иностранныхъ промышленниковъ, въ послѣдніе три года посылается особый

военный крейсеръ,—что положило конецъ наѣздамъ иностранцевъ, нарушавшихъ въ теченіе многихъ лѣтъ интересы приморскаго населенія.

Нѣтъ сомнѣнія, что съ колонизаціею Мурманскаго берега, устройствомъ здѣсь телеграфа, развитіемъ пароходства и экономической жизни, уловъ рыбы можетъ быть увеличенъ въ значительной мѣрѣ; но помимо рыбнаго, тогда могутъ получить развитіе и другіе промыслы, которые нынѣ находятся въ полномъ застоѣ. Такъ, напримѣръ, морской звѣриный промыселъ на Мурманѣ могъ бы давать значительныя выгоды; между прочимъ, охоту за гренландскими тюленями у Святого Носа, отъ горла Бѣлаго моря, слѣдовало бы начинать съ марта мѣсяца; но въ это время архангельскіе промышленники по случаю льдовъ не могутъ выйти изъ Бѣлаго моря, тогда какъ изъ незамерзающихъ Мурманскихъ водъ это было бы вполнѣ возможно.

Судя по развитію китобойнаго промысла въ Норвегіи, надо полагать, что и у насъ на Мурманѣ этотъ промыселъ долженъ имѣть успѣхъ, если только взяться за него съ толкомъ; китовъ въ нашихъ водахъ много и въ настоящее время ихъ никто не пугаетъ. Лѣтъ десять назадъ, въ портѣ Владимірѣ былъ уже устроенъ заводъ китоловною компаніею и вслѣдъ за симъ другой заводъ,

княземъ Шереметевымъ, въ Ара—губѣ. Эти заводы убили 300 китовъ, при чемъ нужно имѣть въ виду, что Арскій заводъ работалъ только двѣ навигаціи; къ сожалѣнію, по недостатку капиталовъ, а, главное, по неумѣлости распорядителей, заводы вскорѣ прекратили свою дѣятельность.

Акулій промыселъ также могъ бы давать извѣстныя выгоды; въ настоящее же время акула попадается лишь случайно, запутываясь въ ярусы. Съ виду акула похожа на осетра, мясо ея бѣлое и не имѣетъ запаха жира, но промышленники его не ѣдятъ, потому что большинство составило себѣ убѣжденіе, будто акула питается, главнымъ образомъ, человѣческимъ мясомъ. Изъ нея вынимается только печень, изъ которой вытапливается рыбій жиръ. Акула—врагъ рыбопромышленниковъ, потому что она часто пожираетъ рыбу на ярусѣ. Кольскій заливъ, въ особенности зимою, кишитъ акулами; кольскіе жители ловятъ ихъ въ это время на крючки и добываютъ изъ акульей печени до 2,000 пудовъ жира. Кромѣ акулъ, рыбопромышленникамъ наносятъ большой вредъ и морскіе звѣри: тюлени, нерпы и и проч., которыхъ промышленники зовутъ общимъ именемъ „кожа“. Какъ только является „кожа“, промыслы прекращаются на нѣкоторое время, потому что звѣри эти разгоняютъ рыбу и пожираютъ попавшуюся

на ярусъ. Съ тѣхъ поръ, какъ иностраннымъ промышленникамъ закрытъ доступъ въ наши воды, тюлени размножились въ огромномъ количествѣ; безчисленныя стада ихъ выходятъ весною изъ Бѣлаго моря и плаваютъ у Мурманскихъ береговъ, истребляя во множествѣ рыбу и мѣшая рыбнымъ промысламъ.

Сельдь также въ громадныхъ количествахъ приплываетъ въ заливы Мурманскаго берега, но сельдянымъ промысломъ пока никто не занимается на Мурманѣ.

---

26. Ловля сельдей и семги на Бѣломъ морѣ.

(Н. Трескинъ).

Бѣломорскихъ сельдей два сорта. Однѣ мелкія: тысяча штукъ ихъ вѣситъ небольше двухъ или двухъ съ половиною пудовъ. Эти мелкія сельди всегда держатся въ самой южной и неглубокой части Бѣломорья, въ Онежскомъ заливѣ. Выплываютъ онѣ изъ морской глуби въ ноябрѣ: въ это время онѣ мечутъ икру; въ это же время идетъ и ловъ ихъ. Другой сортъ бѣломорской сельди гораздо крупнѣе; тысяча штукъ ея вѣситъ до десяти пудовъ. Этотъ сортъ держится всегда сѣвернѣе, въ западной губѣ Бѣлаго моря, Кандалашской. Богатѣйшее мѣсто по

лову мелкой сельди—такъ называемая Сороцкая губа, на юго—западѣ Бѣлаго моря; въ послѣднее время мелкая сельдь стала показываться въ большомъ количествѣ и близь самыхъ Онежскихъ устьевъ. Тучами идетъ сельдь; ходомъ своимъ она дѣлаетъ даже особый шумъ въ морѣ; опустить палку въ то мѣсто моря, гдѣ кишитъ сельдь, палка будетъ торчать торчмя. Бывали случаи, что во время улововъ сороцкой сельди наступали осеннія оттепели, и изъ боязни порчи рыбы приходилось ее сбывать за сказочно дешевыя цѣны; цѣлый возъ сельдей, по двѣнадцати тысячъ штукъ, отдавали за двадцать пять копеекъ серебромъ!

Сороцкую сельдь никогда не солятъ на мѣстѣ; она большей части сбывается мороженою на Шунскую ярмарку въ Олонецкой губерніи. Въ Шунѣ и на Архангельской ярмаркѣ продается до ста тысячъ пудовъ сельди, наловленной по южному Бѣломорскому побережью (такъ называемому Корельскому берегу), другими словами, пятьдесятъ милліоновъ рыбъ.

Коптятъ южную Бѣломорскую сельдь только въ деревнѣ Сорокѣ, да окрестныхъ деревушкахъ.

Крупная сѣверо-бѣломорская сельдь, кандалакшская, всплываетъ изъ морской глубины четыре раза въ годъ: егорьевская, идетъ подо льдомъ, около 23 апрѣля, заледная—

тотчасъ по вскрытіи льда; ивановская—съ начала іюня, осенняя—съ Успеньева дня. Все это одинъ сортъ. Только и разницы, что въ разныхъ срокахъ всплыванія: молодыя сельди подымаются въ апрѣлѣ метать икру; онѣ же всплываютъ и по вскрытіи льда; старыя же идутъ метать икру въ іюнѣ, но снова выплываютъ въ августѣ. Самыя жирныя, а стало быть и вкусныя сельди—это осеннія...

Вотъ какъ производится ловъ сельди въ Сорокѣ: карбасы выѣзжаютъ въ море по парно, сцѣпившись носами посредствомъ петель. Въ каждомъ карбасѣ по неводу. Крылья невода обыкновенно въ 8 саженъ въ длину, а мошня, мѣшокъ сѣти,—въ 4 сажени длиною, шириною и вышиною. Стало быть, весь неводъ въ 20 саженъ длиною. На каждомъ карбасѣ по три человѣка; изъ нихъ одинъ на носу пощупываетъ палкой стаи рыбы, а то и просто выслѣживаетъ рыбу по ея шуму; другой гребетъ, третій правитъ. Нащупали сельдь—карбасы расцѣпляются и начинаютъ выметывать неводъ съ одного изъ карбасовъ. Веревку одного конца невода оставляютъ у себя, а отъ другого передаютъ на другой карбасъ. Затѣмъ карбасы разъѣзжаются до тѣхъ поръ, пока неводъ не вытянется въ прямую; потомъ гребутъ усиленно веслами, тянутъ неводъ и завязываютъ мошню, оставляя ее

до времени въ водѣ. Между тѣмъ закидываютъ и другой неводъ, наконецъ оба невода вытаскиваютъ на карбасы, или же выволакиваютъ на берегъ. Порядка нѣтъ никакого въ толпѣ съѣхавшихся промышленниковъ: путаютъ неводами, начинаютъ драку за мѣста: весла, рукавицы, шапки, все плаваетъ на водѣ: дѣло кипитъ... Не до рукавицъ и шапокъ! Зимой каждое утро вытаскиваютъ невода подо льдомъ; и тогда ледъ—словно рѣшето, отъ прорубей. Куда повернетъ подо льдомъ сельдь—туда и всѣ. Гамъ, крикъ, суматоха... Если бы рыба только услышала такую возню тысячи ребятъ, ушла бы: но вѣрно, слышать мѣшаетъ ей ледъ. Говорятъ, при удачномъ ловѣ въ неводъ попадаетъ до ста тысячъ сельдей; а въ мережи, которыя тоже ставятъ, до семидесяти тысячъ.

Но въ другихъ мѣстахъ не столь богатыхъ, какъ сельдеобильная Сорока, ловъ нѣсколько иной: тамъ ловитъ не всякій сколько угодно; тамъ на ловы допускаются съ каждыхъ шести душъ только по-двое, а добычу дѣлятъ поровну между всѣми присутствующими на ловѣ, или же дѣлятъ воду по жеребью, на участки...

Семга—рыба большая и красивая: она величиной отъ полу до полутора аршина; мясо ея ярко-красное, какъ цвѣтъ полевого мака; спина темно—сизая, съ серебряной

чешуей, а брюхо и вовсе бѣло-серебряное. Какъ только наступитъ осень, семга валитъ изъ океана и его огромнаго залива, Бѣлаго моря, въ устья сѣверныхъ рѣкъ; если не попадаетъ она, за льдами, въ рѣки осенью, то все-таки войдетъ въ нихъ на слѣдующую весну. Любитъ она прійти въ рѣки осенью и провести въ нихъ всю зиму, потому что мечетъ въ рѣкахъ, по веснѣ икру. Съ семгой дѣлается прелюбопытная перемѣна во время пребыванія ея въ рѣчныхъ прѣсныхъ водахъ: мясо ея изъ ярко-краснаго цвѣта дѣлается какимъ-то красновато-бѣловатымъ, а на носу у рыбины выростаетъ тупой крюкъ, словно бы птичій клювъ. Не узнать прежней рыбы! Мясо перемѣняетъ свой цвѣтъ вѣрно потому, что рыба, выметавъ молоку и икру, тощаетъ.

И такъ, выметавши икру и пробывъ въ рѣкѣ зиму, семга къ лѣту возвращается въ море, отощавшая, поблекшая мясомъ. О ней тогда говорится, что она провоншала, а сама она называется въ такомъ видѣ лохомъ. И бываетъ она не вкусна: тощее мясо, потерявъ весь свой сокъ, дурно, сухо. Потому и не любятъ семгу лоха; цотому лохъ и не является въ продажу посоленымъ. На то употребляется семга въ своемъ красивомъ красноцвѣтномъ мясѣ. Ловится семга во всѣхъ сѣверныхъ нашихъ рѣкахъ, впадающихъ въ океанъ: и въ Печорѣ, и въ Ме-

зени, и въ Онегѣ и по всѣмъ рѣкамъ Лопской земли, выдающейся огромнымъ полуостровомъ въ Бѣлое море съ запада.

Эту вкусную рыбу преслѣдуетъ человѣкъ всякими хитро придуманными снарядами.

Когда надобно семгѣ, по осень или по веснѣ, подыматься въ рѣки, поперекъ рѣкъ ставятъ такъ называемые заборы, перегородки изъ свай и кольевъ, къ которымъ прислоняется плетень.

Заборы ставятъ углами; углы раскрыты къ устью рѣкъ, а въ самыхъ вершинахъ угловъ оставляются отверстія, куда вставлены мережи. Подымаясь по рѣкѣ, семга встрѣчаетъ заборъ; путь ей перегороженъ; отыскивая себѣ прохода, тыкаясь въ заборъ, она, по его стѣнкѣ, доходитъ до самой глубины угла и черезъ оставленное въ немъ отверстіе попадаетъ въ мережу. Разъ какъ рыба попала сюда—она уже въ рукахъ человѣка: у нея нѣтъ смысла повернуть назадъ и выйти изъ ловушки.

Когда, стремясь къ рѣчнымъ устьямъ, семга идетъ вдоль морскихъ береговъ, ее на этомъ пути ловятъ завѣсками—снарядъ еще ловчѣе придуманный, чѣмъ заборъ. Вотъ въ чемъ дѣло: одна сѣть ставится у самаго берега, прямо поперекъ ему; другая прислоняется къ первой сѣти, къ концу, выходящему въ море, и прислоняется прямо своей серединой; обѣ составляютъ какъ бы

прописную букву: Т. Къ обѣимъ концамъ второй сѣти приставляется, къ каждому, еще по сѣти, съ загнутыми внутрь краями. А входъ, между этими загнутыми краями каждой изъ послѣднихъ сѣтей, называемый тайниками, съуженъ еще двумя сѣтями... Рыба, идя вдоль берега, встрѣчаетъ первую протянутую отъ него сѣть; ткнувшись носомъ въ эту сѣть, она повернетъ, но, разумѣется, повернетъ не къ берегу, а къ морю; пойдетъ по стѣнкѣ сѣти и опять-таки уткнется и во вторую сѣть, прислоненную къ первой. И тутъ ей приходится повернуть; и приходится идти по стѣнкѣ второй сѣти, которая и приводитъ ее къ тайникамъ. Войдетъ она въ тайники, черезъ ихъ узкія отверстія, а выйти изъ нихъ не умѣетъ, какъ не умѣетъ выйти и изъ мережи.

Ставятся на семгу и гарвы; это просто переборка изъ сѣтей, поперекъ рѣчному или морскому теченію: рыба, наплывая на гарву, вязнетъ въ ея ячеяхъ. Ловится, наконецъ, семга и простыми неводами и сѣтенными мѣшками, поѣздами: лодки гребутъ и тянутъ мѣшокъ за собой въ водѣ. Наконецъ—ловится семга поплавнями, это, пожалуй, та же гарва, только плавучая: одинъ конецъ ея привязанъ къ боченку, а другой взятъ на лодку: боченокъ, лодка, а за ними и поплавень ѣдутъ по теченію; встрѣчающаяся рыба вязнетъ въ ячеяхъ поплавня.

Вотъ и всѣ снаряды, которыми толковый русскій житель океанскаго прибрежья ловитъ рыбку семушку.

Правила при ловѣ семги всюду такого рода, что никто изъ жителей не въ обидѣ: всѣ участвуютъ въ ловахъ равномѣрно, или добывая и дѣля добычу сообща, или же имѣя каждый свое время для лова въ общей водѣ. Такъ, въ селѣ Варзугѣ, на р. Варзугѣ, текущей по Лопарскому полуострову въ Кандалакшскую губу, заборъ принадлежитъ всѣмъ жителямъ окрестныхъ мѣстъ. Они раздѣляются на 5 ярлыковъ, и у каждаго ярлыка въ 200 человѣкъ право на пятую часть забора, т. е. пятую часть всей добычи. Каждый ярлыкъ продаетъ свою семгу съ вольныхъ торговъ. Семга потребляется свѣжею на мѣстѣ въ небольшомъ количествѣ. Главнымъ же образомъ идетъ въ продажу соленою. Солятъ ее уже сами скупщики. Соленіе производится просто: рыбѣ взрѣзываютъ животъ, потрошатъ его, набиваютъ въ него и подъ жабры соли, втираютъ ею чешую и затѣмъ кладутъ рыбу—или прямо въ бочки, или на воза. Лучшая семга — онежская, такъ называемая „порогъ“. Мясо ея нѣжное, да и засолъ хорошій.

---

27. Ловля бѣлухъ.

(К. С. Мережковскій).

Бѣлуха есть млекопитающее животное изъ семейства дельфиновъ, подобно китамъ, очень похожее на рыбъ по своему наружному виду, а отличается отъ прочихъ отсутствіемъ мясистаго плавника на спинѣ. Русское названіе бѣлухи происходитъ отъ чистаго бѣлаго цвѣта кожи взрослыхъ звѣрей; что же касается до молодыхъ звѣрей, то они черноватаго или синевато-сѣраго цвѣта, и тѣмъ темнѣе, чѣмъ животное моложе. Это животное постоянно обитаетъ въ Бѣломъ морѣ, а не прикочевываетъ, какъ лысунъ, только на зиму и собирается стаями штукъ до пятидесяти, до ста; они любятъ играть, т. е. выставляться и плавать поверхъ воды, и тогда море кажется какъ бы пѣнистымъ отъ бѣлыхъ широкихъ спинъ бѣлухи. Матери, когда кормятъ грудью, поворачиваются на спину и придерживаютъ дѣтенышей ластами, т. е. боковыми отростками тѣла, замѣняющими переднія конечности, и вообще къ нимъ очень нѣжны. Бѣлухи питаются рыбою, гоняясь за нею по морю, и въ своемъ преслѣдованіи заходятъ далеко въ рѣки. Случалось видѣть стаи бѣлухъ въ Двинѣ, гораздо выше Архангельска. Всегда бываютъ онѣ очень трусливы,

и малѣйшаго шума, даже хлопанья веселъ о воду достаточно, чтобы испугать и заставить уйти въ открытое море цѣлую стаю. Поэтому бѣлушій промыселъ бываетъ очень затруднителенъ и, главное, никогда не представляетъ вѣрныхъ ручательствъ за успѣхъ, который всегда болѣе или менѣе случаенъ.

Обыкновенный способъ лова ихъ обметанными неводами, который производится слѣдующимъ образомъ. Промышленники имѣютъ становище — нѣсколько избушекъ близъ тѣхъ мѣстностей, которыя издавна славятся обиліемъ бѣлухи. Поселившись въ становищѣ, промышленники непрерывно слѣдятъ за ходомъ бѣлухъ, такъ какъ ловить бѣлуху можно только тогда, когда она зайдетъ въ благопріятную мѣстность. Существенное условіе этихъ мѣстностей состоитъ въ томъ, чтобы острова и мысы ограждали со всѣхъ сторонъ отмелый участокъ моря, на который любятъ заходить бѣлухи, особенно въ ясные солнечные дни. Стаю окружаютъ со всѣхъ сторонъ сѣтями, имѣющими въ глубину (ширину) не менѣе 6 саженъ, такъ какъ иногда стая бѣлухъ, окруженная сѣтью, могла бы ускользнуть, опустившись на дно и проплывъ подъ сѣтью. Хотя эти животныя и не очень велики, обыкновенно до 2-хъ саженъ и никогда болѣе трехъ съ половиною, но бѣлый цвѣтъ, особенно при солнечномъ освѣщеніи, дѣлаетъ ихъ очень

замѣтными на темномъ фонѣ моря. Какъ только увидятъ, что стая зашла съ которой-нибудь стороны въ пространство между островами и берегомъ, гдѣ глубина не превышаетъ 6 саженъ,—бѣлушники живо бросаются въ лодки, въ которыхъ всегда лежатъ наготовѣ собранныя невода, и ѣдутъ въ ту сторону, гдѣ показались бѣлухи, часто за 10 и болѣе верстъ.

Сначала лодки плывутъ безъ всякаго порядка, смотря по вѣтру: или на парусахъ, или на веслахъ. Легкій попутный вѣтеръ тутъ неоцѣненный союзникъ, потому что позволяетъ безъ малѣйшаго шума приблизиться къ стаѣ бѣлухъ. При безвѣтріи или противномъ вѣтрѣ надо грести; но въ тихую погоду плескъ веселъ, стукъ при треніи ихъ о края уключинъ и всякій малѣйшій звукъ очень далеко раздаются по водѣ, а бѣлуха необыкновенно чутка. Поэтому, не смотря на всѣ принимаемыя предосторожности: намачиваніе уключинъ и обертываніе веселъ тряпками, онѣ мало помогаютъ, и рѣдко случается, чтобы удалось обметать бѣлухъ, подъѣзжая къ нимъ на веслахъ. Съ приближеніемъ къ стаѣ, карбасы, т. е. лодки, начинаютъ выстраивать такимъ образомъ, чтобы образовать полукругъ, охватывающій стадо. При этомъ два карбаса, на которыхъ всегда бываютъ самые опытные промышленники, ѣдутъ впередъ и управляютъ

ходомъ всѣхъ остальныхъ карбасовъ, показывая знаками, какого направленія они должны держаться, чтобы полукругъ всегда былъ обращенъ отверстіемъ къ бѣлухамъ. Теперь передовые карбасы, а за ними и остальные начинаютъ мало-по малу заѣзжать бѣлухамъ въ тылъ; когда все стадо такимъ образомъ будетъ окружено, то начинаютъ выбрасывать неводъ. Неводъ очень длинный и не цѣльный, а составленъ изъ кусковъ, которые разбираются, и каждый карбасъ имѣетъ отдѣльный кусокъ, которые послѣ того, какъ ихъ выкинутъ въ воду, стараются по возможности скорѣе соединить, связывая концы другъ съ другомъ. Тогда стадо поймано и остается только приступить къ бою. Для этого всѣ лодки входятъ внутрь замкнутаго круга, образованнаго неводомъ, и начинаютъ бросать въ звѣря кутило. Кутило — это родъ остроги, оканчивающейся сзади желѣзною трубкою, въ которую слабо вставлено короткое древцо; къ самой трубкѣ прикрѣплена веревка. Когда бросаютъ кутило въ бѣлуху, оно пронзаетъ ее, древцо выпадаетъ, но животное остается на веревкѣ, за которую то притягиваютъ его, то отпускаютъ, чтобы утомить его, и, улучивъ мгновеніе, убиваютъ пешнею, стараясь попасть въ дыхало. Кутило употребляютъ собственно для того, чтобы не потерять убитаго животнаго, ко-

торое тонетъ, если оно только не чрезвычайно жирно. Изъ самаго описанія этого лова видно, что онъ не часто долженъ увѣнчиваться успѣхомъ. Не одинъ десятокъ разъ придется бѣлушникамъ съѣздить совершенно даромъ, прежде нежели имъ представится случай поймать звѣря. Иной разъ они пріѣзжаютъ къ тому мѣсту, гдѣ видѣли съ горы (съ берега) бѣлушье стадо, уже тогда, когда послѣднее возвратилось въ море; иногда же стадо поворачиваетъ въ то же время, когда промышленники начинаютъ выкидывать неводъ. Поэтому, промыселъ этотъ, какъ крайне невѣрный, все болѣе и болѣе оставляется.

Кромѣ этихъ способовъ лова, иногда случай приводитъ цѣлое стадо бѣлухи въ руки промышленниковъ, безъ всякаго съ ихъ стороны содѣйствія. Случается въ началѣ зимы, что, когда бѣлухи зайдутъ въ узкую губу, ледъ сопрется у ея устья и преградитъ имъ выходъ. Онѣ стараются проплыть подо льдомъ въ открытое море, но такъ какъ не могутъ долго оставаться подъ водою, не выныряя для дыханія, то, если ледяной мостъ широкъ, возвращаются назадъ, гдѣ мало-по-малу свободное ото льда мѣсто съуживается и постепенно затягивается льдомъ, проламывая спинами начинающую образовываться кору; но, наконецъ, морозъ взялъ бы свое, и онѣ погибли бы, задохнувшись. Но

это не можетъ остаться долго не замѣченнымъ, и собравшійся изъ ближайшихъ деревень народъ, наноситъ имъ другого рода смерть, убивая ихъ кутилами и пешнями.

---

28. Ловля лысуновъ-тюленей на Бѣломъ морѣ.

(Н. Трескинъ).

Въ Бѣломъ морѣ, кромѣ бѣлужьяго есть еще другой сальный промыселъ—за всякими тюленями: нерьпой, морскимъ зайцемъ, лысуномъ... Тюлени и моржъ хотя живутъ въ водѣ, однако же, какъ и океанская бѣлуха, тоже звѣри теплокровные, живородящіе и молокомъ питающіе своихъ дѣтенышей. Да и самый видъ тюленей и моржей уже не рыбій, а звѣриный, на тѣлѣ шерсть, есть и зачатки ногъ, но какъ у животныхъ водяныхъ, ноги эти у нихъ стали загребками, ластами, которыми они, какъ рыбы своими плавательными перьями, плаваютъ въ водѣ. Наибольшій изъ тюленей—морской заяцъ, наименьшій—нерьпы.

Морской заяцъ названъ такъ по сходству съ сухопутнымъ зайцемъ; только у него голова круглая, шея короткая, а длина его за три аршина; даетъ онъ до десяти пудовъ сала. Длина нерьпы не свыше двухъ аршинъ; голова у нея замѣчательно круглая;

сала звѣрекъ даетъ отъ 20 фунтовъ до 1 1/2 пуда. Морской заяцъ рѣдко попадается въ Бѣломъ морѣ. Какъ онъ, такъ и нерьпа живутъ не стадами, а въ одиночку, выходя, обыкновенно, на прибрежныя скалы и льды грѣться на солнцѣ, оттого и промыселъ за ними то же, что обыкновенная охота съ ружьемъ. Важнѣйшій изъ тюленьихъ промысловъ—лысуній.

Когда, въ началѣ октября, по берегамъ Бѣлаго моря образуются уже значительныя льды, лысуны, дающіе въ зрѣломъ возрастѣ отъ 3 до 5 и даже до 7 пудовъ (самки отъ 3 до 5) сала, гребутъ сюда своими ластами изъ глуби океанской; они плывутъ безчисленными стадами метать дѣтенышей. Къ началу февраля они уже собрались въ огромный Двинскій заливъ. „На Срѣтеньевъ день, говорятъ поморы,—льды опятнаетъ, и звѣря на нихъ—что пня въ лѣсу“. Новорожденные звѣрьки въ воду не ходятъ, потому что шерсть на нихъ тогда мягка и пушиста; она желтоватая; въ это время ихъ называютъ зеленцами. Этотъ желтый оттѣнокъ скоро пропадаетъ и по чистому бѣлому цвѣту шерсти лысуньи дѣтеныши зовутся уже бѣлками. Кожа ихъ весьма цѣнится въ эту пору; но жиру они даютъ еще мало. Недѣли черезъ три или черезъ мѣсяцъ начинаютъ они линять: шерсть слабо держится, дѣлается клочковатою; въ этомъ видѣ звѣрь-

ки называются хохлушею, быстро ростутъ и уже имѣютъ жиру отъ одного до полутора пуда...

Стадо съ дѣтьми лежитъ обыкновенно на льду, занимаясь продолжительнымъ отдыхомъ. Во время этой залежки всѣ помыслы звѣрей только и заняты защитою дѣтенышей отъ нападеній врага. Размѣщаются они по льдинѣ такъ, что въ серединѣ держатся бѣлки и самки, а, по сторонамъ, кругомъ ихъ, какъ бы стѣна или стража, ложатся самцы. Съ другой стороны, звѣри, расположившись на залежкѣ и уткнувшись мордой въ льдину, начинаютъ оттаивать ее дыханіемъ своимъ и теплотой тѣла до того, что продуваютъ ее четверти на полторы, вплоть до воды. Протаиваютъ во льду отдушины звѣри и снизу. Промышленники увѣряютъ, что слышали сами, какъ звѣрь совершаетъ такія продуванія. И вотъ у звѣря есть всегда готовая, подъ бокомъ, прорубь; черезъ нее ему легко и удобно спасаться въ водѣ при первомъ приближеніи злого и безпощаднаго врага — человѣка... Самки-лысуны учатъ между тѣмъ неспособныхъ къ плаванію бѣлковъ ходить въ воду; въ нее онѣ таскаютъ ихъ своими ластами, во всѣ шесть недѣль, пока бѣлокъ превращается въ хохлушу. Хохлуша уже окончательно не способна плавать, и потому мать сама старается таскать дѣтеныша по льду,

а также вычесываетъ ему когтями линяющую его шерсть. Такимъ образомъ ускоряется выраставіе настоящей шкуры слегка серебристаго изжелта—сѣраго цвѣта. Звѣрекъ становится сѣркой...

Между тѣмъ льдины, а съ ними и держащіеся на нихъ звѣри изъ глубины Двинскаго залива постепенно подаются на сѣверъ: все это медленно несется по теченію. Съ каждымъ морскимъ отливомъ льдинъ отрывается все болѣе и болѣе; съ приливомъ льдины хотя и снова приноситъ къ берегамъ, но уже все сѣвернѣе и сѣвернѣе. Къ началу марта льдины со звѣрями достигаютъ поворота въ Мезенскій заливъ Бѣлаго моря, гдѣ расположилось урочище Кеды—главное сборное мѣсто звѣропромышленниковъ. Потомъ льдины пріотнесетъ на западъ, къ противоположной части Бѣлаго моря, а оттуда несетъ уже обратно къ сѣверовостоку, въ океанъ черезъ горло Бѣлаго моря. Въ это-то время, къ Алексѣеву дню (17 марта) дѣтеныши и становятся сѣрками, способными плавать, и потому, не дожидаясь родителей, уплываютъ съ льдами въ океанскую глубь. Тамъ они пробудутъ до слѣдующей осени, выростутъ, сдѣлавшись сѣрурами, воротятся въ Бѣлое море слѣдующей осенью и въ немъ, черезъ годъ по рожденіи, явятся совершенными звѣрями—лысунами. Родители же ихъ, пройдя съ

ними нѣсколько на сѣверъ, отдѣляются отъ своихъ дѣтенышей и льдовъ и, спускаясь снова на югъ, заворачиваютъ въ Мезенскую губу. Это въ десятыхъ числахъ апрѣля. Здѣсь, въ ясные солнечные дни выходятъ они на Мезенскія льдины и лежатъ неподвижно огромными стадами. Обернувшись на спину и грѣя брюхо на солнцѣ, протаиваютъ они во льду теплотою своего тѣла какъ бы корыта или ванны. Такія стада отдыхающихъ лысуновъ промышленники называютъ залежки. Льды Мезенскаго залива хотя и относятся вѣтрами отъ береговъ, однако никогда не выносятся въ море и только приближаются то къ одному берегу, то къ другому. Отдохнувъ, звѣри уплываютъ въ океанъ въ началѣ мая.

Какъ жизнь лысуновъ въ Бѣломъ морѣ различна, такъ и промыслы за ними разны.

Прежде всего скажемъ о промыслахъ въ Двинской губѣ. Сначала, стрѣльня, бой лысуновъ изъ винтовокъ на водѣ, съ лодокъ и на льдахъ. Этотъ промыселъ тянется съ зимняго Николы до Срѣтенья; онъ особенно успѣшенъ тогда, когда звѣрь, преслѣдуя стаи вкусной небольшой сѣверной рыбы наваги, подбирается къ самымъ устьямъ Двины.

Второй промыселъ есть, вообще, такъ называемый выволочный. Главная добыча его бѣлки и хохлуша. Бѣлковъ бьютъ со

Срѣтенья до перваго марта на сѣверномъ, такъ называемомъ—зимнемъ, берегу Двинской губы. Оттого эта часть выволочнаго промысла имѣетъ свое названіе зимнебережнаго. Хохлушъ же и бѣлковъ бьютъ по двадцатыя числа марта у урочища Кедовъ, потому и промыселъ называется Кедовскимъ. Разница обоихъ выволочныхъ промысловъ въ томъ, что на зимнебережномъ преимущественно добываются шкурки, а на кедовскомъ—сало.

Третій промыселъ на взрослаго звѣря и сѣрка начинается раньше окончанія кедовскаго и длится дольше всѣхъ, до вешняго Николы: онъ производится при слѣдованіи сѣрокъ въ океанъ и при залежкѣ большаго звѣря въ Мезенскую губу.

Четвертый промыселъ бываетъ въ апрѣлѣ, когда заходятъ изъ океана въ Мезенскую губу.

Вотъ какъ производится выволочный промыселъ.

Промышленники принимаются высматривать съ берега гдѣ залегли семейства лысуновъ. Высмотрѣвъ ихъ, отправляются въ путь по льдамъ; если же льды у береговъ такъ велики, что звѣря за отдаленностью не видать—то идутъ за нимъ наугадъ. Провизіи берутъ на три дня и тащатъ ее за собою въ лодкахъ, поставленныхъ на полозья. Лодки, а не сани тутъ нужны по-

тому, что льды можетъ разломать и тогда пришлось бы плыть. Обыкновенно употребляемая на выволочномъ промыслѣ лодка подымаетъ семь человѣкъ (кормщика и шесть гребцовъ) и до 40 пудовъ клади. Приближаются промышленники къ лысунамъ такъ, чтобы звѣри ихъ не разглядѣли на снѣгу; и для того они надѣваютъ поверхъ платья рубахи или же что либо бѣлое, а то несутъ передъ собою обледенѣлыя доски. Такъ удается подойти къ звѣрямъ вплотную; и тогда начинается настоящая рѣзня: тюленя бить не опасно, лишь бы только руки не устали.

Бѣлковъ же и хохлушей не надо даже и обманывать: они отдаются промышленникамъ, не трогаясь съ мѣста. Промыселъ бѣлковъ и хохлушъ называется выволочнымъ вотъ почему: набивъ звѣря, бѣлковъ, хохлушу, а подчасъ и лысуновъ, промышленники свѣжуютъ его тутъ же на льду; снятую вмѣстѣ съ жиромъ кожу свертываютъ въ тюки и волокутъ за собою, тушки же бросаютъ, какъ негодныя, на льду. Тюки стараются какъ можно скорѣе выволочить на берегъ. Если приходится плыть между льдами—тюки тоже плывутъ, привязанные къ лодкамъ; жиръ въ холодной водѣ не таетъ и не вытекаетъ. Отъ выволакиванья добычи и самый промыселъ выволочный. Выволакиванье — дѣло трудное:

изволь тащи, не медля потому что всякая лишняя клажа на льдахъ—бремя человѣку; даже и безъ клажи опасно среди замерзшихъ водъ: каждую минуту льдины можетъ разломать и унести вѣтрами въ море.

Въ загребномъ промыслѣ промышленничья удаль разыгрывается еще шире.

На загребномъ проводятъ время не урывками, на по три дня, какъ на выволочномъ, а располагаются такъ, чтобы пробыть на льду сколько возможно дольше. Поэтому и запаса берутъ за собою гораздо болѣе и самыя лодки больше, такъ какъ часто приходится плыть въ совершенно открытомъ морѣ. Доплывя до льда, вытаскиваютъ на него лодки и располагаются какъ можно удобнѣе. Прежде, устраивая временное жилье, совсѣмъ выгружали лодки, валили ихъ на бокъ и затягивали съ открытой стороны входъ парусомъ; подъ такимъ навѣсомъ и укрывались отъ бурь и непогодъ. Но случалось, что ледъ внезапно трескался и вдругъ подавался и вся разбросанная провизія гибла. Потому благоразумно измѣнили устройство временныхъ жилищъ; именно: лодку не разгружаютъ, а протягиваютъ надъ нею отъ носа до кормы веревку, распяливая ее на палкахъ, а на нее накладываютъ парусъ: вотъ и палатка готова. Огонь разводятъ на льду, въ такъ называемыхъ печкахъ, попросту на желѣзныхъ листахъ;

воду таятъ изъ снѣга. Расположившись такимъ осѣдлымъ образомъ, хозяева начинаютъ посылать изъ своихъ ребятъ, по трое по двое, по одному на развѣдку звѣря; это называется идти въ хозъ. Хозъ — мѣшокъ съ провизіей на три дня, обвертываемый вокругъ пояса. Чтобы идти въ хозъ, надо быть человѣкомъ находчивымъ, смѣлымъ, сообразительнымъ. Самое обращенія зо звѣремъ требуетъ снаровки: у звѣря отличное чутье, онъ никакъ не потерпѣлъ бы приближенія человѣка, если бы тотъ подходилъ со стороны вѣтра. И такъ, подходить надо противъ вѣтра, чтобы къ звѣрю не доносило человѣчьяго духа. И на этомъ промыслѣ, набивъ звѣря, тотчасъ же стараются отправить добычу на берегъ. Конечно выгоднѣе, если приходится тащить тяжелую добычу по льду немного, то-есть если между льдами встрѣчаются значительныя и частыя воды; но не хорошо и то, когда льды расходятся на далекое пространство: на открытой водѣ, при волненіяхъ, опасно въ нагруженныхъ лодкахъ; къ тому же холодная вода, обдавая людей, мерзнетъ на нихъ, отчего нѣкоторые промышленники и совсѣмъ замерзали. Особенное счастливое обстоятельство при боѣ большихъ тюленей то, когда долгими вѣтрами съ моря ледъ сгонитъ вплотную; звѣрю нѣтъ пути въ воду; но и тутъ онъ ухитряется избѣг-

нуть смерти: всѣ тюлени начинаютъ сползаться въ кучу и силятся своею тяжестью проломить ледъ и уйти. Изрѣдка это имъ и удается.

---

29. Не вернулся.

(Разсказъ Серафимовича).

„Сорока“ (такъ звали его всѣ) стоялъ на торосѣ *), держалъ въ рукахъ длинный багоръ и пристально смотрѣлъ въ холодную даль.

День погасалъ. Начинался приливъ; скучныя, сѣрыя зимнія сумерки заволакивали пустынный берегъ Бѣлаго моря. Тамъ и сямъ изъ-за массивныхъ ледяныхъ глыбъ виднѣлись косматыя, бѣлыя фигуры съ длинными баграми въ рукахъ, напряженно всматривавшіяся въ мглистую даль. Море глухо шумѣло. Вдали безобразною бѣлою грудой смутно надвигалась громада плавучихъ льдовъ, гонимая приливомъ.

Только подошелъ ледъ къ берегу, какъ нѣсколько сотъ промышленниковъ кинулись впередъ.

Сорока спустился на ледъ одинъ изъ первыхъ. Прыгая со льдины на льдину, скользя, проваливаясь по поясъ въ наме-

---

*) Громада неподвижныхъ льдовъ.

танный вѣтромъ снѣгъ, онъ бѣжалъ впередъ. Ледяные обломки съ грохотомъ валились по его слѣдамъ. Всѣмъ его существомъ овладѣла одна мысль, неотступная, напряженная, „кабы напасть, поспѣть... Царь небесный... Владычица!...“ Осколки льда летѣли изъ-подъ его ногъ; вѣтеръ свистѣлъ въ ушахъ и билъ въ лицо ледяными иглами, одѣвая бороду и усы пушистымъ инеемъ. А онъ ничего не замѣчалъ и бѣжалъ все впередъ.

Спускалась ночь. Берегъ неясными очертаніями терялся въ мглистой дали. Сорока остановился на мгновеніе и, затаивъ дыханіе, чутко насторожилъ слухъ; кругомъ было пусто и шумѣлъ вѣтеръ, необозримая ледяная равнина уходила въ сгущавшіяся сумерки. Онъ пробѣжалъ версты двѣ и сталъ уставать. „Господи, не нападу.... пропущу!“ съ отчаяніемъ думалъ онъ, „а надо ворочаться, воды уйдутъ!“ При одной мысли, что онъ вернется съ пустыми руками, по немъ пробѣгала дрожь. Курная избушка, семья, дѣти ждутъ;—все это вдругъ вспыхнуло и пронеслось въ его воображеніи. Онъ припалъ ко льду и чутко приникъ ухомъ: откуда-то справа донеслись звуки, чрезвычайно похожіе на плачъ дитяти. Мгновенно слетѣла усталость, онъ кинулся въ ту сторону и скоро различилъ въ начинавшей быстро сгущаться темнотѣ неясныя

очертанія какихъ-то темныхъ массъ. То была семья тюленей: громадные, неуклюжіе звѣри безобразными, темными глыбами неподвижно лежали на льду. Заслышавъ человѣка, они всполошились и, опираясь на передніе ласты, высоко поднявъ уродливыя головы, неуклюже поволокли свое тяжелое тѣло. Очевидно, въ присутствіи врага они худо чувствовали себя на льду, далеко отъ своей родной стихіи. Нагнавъ ближайшаго Сорока изо всѣхъ силъ махнулъ ему палкою между глазъ. Звѣрь припалъ головою ко льду, въ воздухѣ свиснулъ багоръ, и желѣзное остріе до самаго крючка вбѣжало въ переносицу; капли горячей крови брызнули ему въ лицо, и громадный звѣрь, котораго въ другое мѣсто и ружейная пуля не беретъ, неподвижно вытянулся на льду. Мѣткими ударами Сорока положилъ еще нѣсколько звѣрей. Привычной, слегка дрожавшей отъ волненія и усталости рукой быстро сталъ онъ снимать съ убитыхъ звѣрей шкуры и толстый слой сала. Снимаетъ Сорока шкуры, спѣшитъ, а самъ думаетъ и разсчитываетъ, сколько выручитъ. Весело и легко Сорокѣ, и самъ себѣ ухмыляется онъ въ бороду.

Вдругъ онъ вспомнилъ, что время-то не ждетъ, бѣжитъ; того и гляди, воды пойдутъ назадъ въ море. Заспѣшилъ онъ, захватилъ ко-

жи и сало, скаталъ все въ большой юрокъ*), прикрутилъ крѣпкой заячьей **) возжей, накинулъ на плечо лямку и поволокъ по льду. Здоровый мужикъ Сорока, а все же трудно было тащить по неровной, изрытой поверхности шести—семи-пудовый юрокъ. Идетъ Сорока, молитву про себя читаетъ отъ воды (зналъ онъ такую, старецъ одинъ повѣдалъ). А ночь—темная, глухая—спустилась на шумѣвшее льдомъ море. Холодная, непроницаемая мгла ползла со всѣхъ сторонъ и все гуще и гуще заволакивала пустынную равнину, надъ которой бѣжалъ холодный вѣтеръ и шумѣлъ въ ледяныхъ глыбахъ.

Сорока шелъ на-угадъ, руководясь лишь вѣтромъ да какими-то неуловимыми для непривычнаго человѣка и лишь знакомыми поморамъ примѣтами. Онъ напряженно всматривался въ окружающій мракъ, постукивая иногда передъ собою багромъ. Потъ градомъ катился съ него, но онъ не чувствовалъ усталости: не съ пустыми руками ворочается, только бы добраться.

Наконецъ онъ остановился и промерзшей рукавицей отеръ катившійся съ лица потъ. „Чтой-то берегу все нѣту?“—мелькнуло у него. Онъ оглядѣлся кругомъ: глухая ночь мрачно глядѣла на него мертвыми

---

*) Тугой свертокъ изъ сала и кожи.
**) Изъ шкуры „морскаго зайца“—родъ тюленей.

очами. Острое предчувствіе кольнуло его. „Охъ, не запоздать бы, давно уже надо быть на берегу,—время!“ Онъ перекинулъ лямку на другое плечо и еще быстрѣе потащилъ юрокъ. Страшно хочется остановиться и присѣсть хоть на минутку, но онъ дѣлаетъ усиліе надъ собой и, перехвативъ на ходу разъ-другой холоднаго снѣгу, еще сильнѣе наваливается....

Что-то зашуршало и зашелестѣло, впереди смутно обрисовались громады торосовъ, ледъ дрогнулъ и заскрипѣлъ. Охъ, чуетъ Сорока, упустилъ время. „Бросить юрокъ—успѣю добѣжать! „мелькнуло у него на мгновеніе.

Онъ сдѣлалъ страшное усиліе и, волоча кожей, побѣжалъ....

Занесенная совсѣмъ съ крышей глубокимъ снѣгомъ, печально чернѣетъ промысловая избушка. Изъ отверстія, продѣланнаго въ крышѣ, вырываются легкіе клубы дыма и, подхватываемые вѣтромъ, быстро исчезаютъ.

Внутри избушки темно и только огонекъ, разложенный въ углу на грудѣ камней, освѣщаетъ невѣрнымъ, колеблющимся красноватымъ отблескомъ черныя бревенчатыя стѣны безъ оконъ, закоптѣлую плоскую крышу, спускающуюся съ нея бахромой на горѣлую сажу и длинныя грязныя нары вдоль стѣнъ. Въ воздухѣ легкими слоями

виситъ ѣдкій дымъ. На нарахъ расположились дюжія фигуры промышленниковъ. На пространствѣ какихъ-нибудь двухъ-трехъ саженей ихъ скучилось до двадцати человѣкъ.

Въ углу, вокругъ красноватаго костра, клубившаго смолистый пахучій дымъ, расположилось нѣсколько промышленниковъ. Они коротаютъ тоскливое время, слушая сказки и разныя бывальщины...

Въ это время снаружи захрустѣлъ снѣгъ подъ чьими-то тяжелыми шагами. Дверь распахнулась, ворвавшійся холодный вѣтеръ колыхнулъ красноватое пламя костра и заклубился дымомъ. Вошелъ мужикъ въ совикѣ. Мохнатое инеемъ лицо, точно поросшее бѣлымъ мохомъ, угрюмо выглядѣло изъ мѣховаго капишона.

— Сороки нѣтути, — проговорилъ онъ низкимъ голосомъ,—унесло!

Всѣ разомъ смолкли. И у каждаго мелькнуло въ головѣ: холодный просторъ, льды, да звѣздное небо, а во льду человѣкъ бьется и стынетъ.

— Что жъ вы сидите?—сурово проговорилъ старикъ-разсказчикъ.—Ступайте къ карбасу!

Человѣкъ восемь поспѣшно стали одѣваться.

Черезъ минуту небольшой карбасъ отчалилъ отъ берега и, далеко оставляя за со-

бой колеблющійся фосфорическій слѣдъ, потонулъ въ серебристомъ сіяніи морозной дали.

Буря умчалась и вѣтеръ упалъ. Пѣнистые валы разбушевавшагося моря несли изломанные, разсѣянные остатки ледяныхъ полей, словно разбитые обломки гигантскаго корабля. Тучи поспѣшно сбѣгались съ синяго свода, унизаннаго ярко мерцавшими звѣздами, и долгая сѣверная ночь, прозрачная и холодная, какъ синіе полярные льды, раскинулась надъ глухо рокотавшимъ моремъ, которое, словно сердясь, еще не улеглось отъ недавней бури. Постепенно море очищалось отъ льда и только одинокія глыбы тамъ и сямъ тихо покачивались волной. На одной изъ такихъ льдинъ неясно выдѣлялся темный силуэтъ какой-то высокой фигуры. Это былъ Сорока. Онъ искусно работалъ багромъ, и гибкій шестъ бурлилъ и пѣнилъ холодную воду; неуклюжая глыба тихо подвигалась впередъ; но кругомъ безконечнымъ просторомъ разстилалась водная гладь. Сорока поднялъ голову: вверху сквозь тонкій паръ морозной ночи блестѣлъ золотой зигзагъ Медвѣдицы; по немъ надо было держать путь. Наваливается Сорока на багоръ, толкаетъ впередъ тяжелую льдину, а въ головѣ несвязно тѣснятся темныя думы: далеко его унесло, морозъ лютый ударилъ, другія сутки ничего во рту не было. На-

легаетъ Сорока на багоръ, старается, а чувствуетъ—слабѣть сталъ. Пріостановился на минутку, оглядѣлся кругомъ: водная пустыня въ голубоватомъ сумракѣ тянулась безъ конца и пропадала въ бѣлесоватой дымкѣ горизонта.

Чуетъ Сорока—не кончить ему добромъ: необъятнымъ просторомъ охватило холодное море, а въ очи неподвижно глядитъ побѣлѣвшій морозъ; чуетъ онъ, какъ неслышно подбирается незримый врагъ и острыми иглами проникаетъ его тѣло. Работаетъ Сорока, старается согрѣться работой, а въ головѣ, толпясь смутной вереницей, бѣгутъ смутныя думы. „Господи, вынеси... ребята малые, несмысленные... Хозяйки нѣтути...“ И вспомнилъ онъ свою избушку, темную, дымную; покосилась, словно старушка, а вѣдь грѣла родимая! Захотѣлось ему вернуться и работать... И пуще налегъ онъ на багоръ и мысленно окинулъ пространство, что надо пройдти: „охъ, не добраться!“ И опять жалко стало себя, жалко и обидно. Неужели же такъ-таки ему и пропадать? Не вѣрится какъ-то Сорокѣ. Много годовъ хаживалъ онъ на море; по недѣлямъ, по мѣсяцамъ приходилось жить безъ хлѣба, безъ огня, безъ помощи; на волосъ отъ смерти бывалъ, а выносилъ же Господь.

Изъ послѣднихъ силъ бьется Сорока,

слабѣе и слабѣе гнется длинный шестъ; занѣмѣли руки, неслышно ногъ, клонитъ отяжелѣвшую голову. Хочется ему хоть на минуту присѣсть, да хорошо знаетъ, что зорко слѣдитъ за нимъ бѣлый морозъ, и только останешься безъ движенія, какъ онъ обойметъ, и повѣетъ, и проникнетъ насквозь холоднымъ дыханіемъ безжизненное тѣло. И понялъ Сорока, что не жить ему, что теперь уже никто ему не поможетъ, не поспѣетъ, не услышитъ; хорошо онъ это понялъ, а все-таки тайный голосъ инстинкта и жажды жизни шепталъ: „а можетъ услышатъ!“ И не выдержалъ Сорока, хриплый крикъ вырвался изъ его груди: „братцы! пропадаю... отцы родные!..“ И этотъ безумный вопль какъ-то дико нарушилъ ночное безмолвіе, прснесся надъ водною гладью и, какъ бы подымаясь все выше и выше, замеръ въ серебристой дымкѣ тонкаго морознаго тумана; только дальніе льды послушнымъ эхомъ отразили этотъ ненужный вопль о помощи, да маленькая звѣздочка сорвалась и скатилась по своду, и снова все стихло.

Отъ усиленнаго ли движенія, или морозъ сталъ ослабѣвать, только Сорокѣ стало теплѣе. Какое-то неопредѣленное сонливое состояніе овладѣвало имъ; ему надоѣло, да и какъ-то лѣниво-тяжело было стоять на ногахъ, и онъ присѣлъ на корточки. Пріят-

ная теплота разливалась по тѣлу. „Вишь морозъ-отъ менѣе сталъ“, мелькнуло у него. Тихая дрема туманила голову, и сталъ онъ думать, за что Господь могъ бы его такъ тяжко покарать.

Вдругъ онъ вздрогнулъ. Раздался гулкій, протяжный ударъ, точно тяжелый артилерійскій залпъ: это гдѣ-то далеко разсѣлась ледяная громада, сжатая морозомъ. На мгновеніе онъ какъ бы очнулся.

Поглядѣлъ передъ собой и не вѣритъ очамъ: разрѣзая спокойныя воды, прямо на него бѣжалъ карбасъ, отражаясь въ гладкой водѣ, а за нимъ, далеко разбѣгаясь, фосфорическимъ блескомъ змѣились двѣ свѣтлыя волны. Онъ хотѣлъ крикнуть, но безумная радость сковала языкъ. Карбасъ съ разбѣгу ударился о ледяную глыбу; она вздрогнула зашаталась и взволновала вокругъ себя спокойную поверхность: расходясь побѣжали серебристые круги.

Въ одинъ скачокъ онъ очутился въ лодкѣ. Весла всплеснули, и одинокая льдина, на которой онъ столько вынесъ, далеко, позади потонула въ морозной дали. А надъ моремъ тихо спустился сумракъ и покрылъ все...

Сіяя величавой красотой сѣвера, тихо дремлетъ надъ спокойнымъ моремъ полярная ночь, проникнутая тонкимъ искристымъ, морознымъ туманомъ. Съ вышины задум-

чиво льетъ голубоватое сіяніе блѣдный мѣсяцъ.

Мягкій синеватый отсвѣтъ озаряетъ необъятную водную гладь и въ морозной дали чью-то неподвижно скорчившуюся на одинокой льдинѣ фигуру, опушенную бѣлымъ иглистымъ инеемъ.

30. Просвѣтители сѣвера.

I. Въ исторіи сѣвернаго края неизгладимыми чертами вписаны имена такихъ святыхъ подвижниковъ православной церкви, какъ Трифонъ Печенгскій, Ѳеодоритъ Кольскій, Зосима и Савватій Соловецкіе и Стефанъ Пермскій. Великую пользу принесла ихъ мирная, тихая дѣятельность великому дѣлу просвѣщенія инородцевъ-язычниковъ свѣтомъ христіанской вѣры, ихъ обрусенія и вмѣстѣ съ тѣмъ распространенія и упроченія въ краѣ русской народности.

Преподобный Трифонъ Печенгскій, сынъ священника изъ окрестностей Торокка, молодымъ человѣкомъ ушелъ въ „Лопскую землю“, началъ проповѣдывать лопарямъ слово Божіе и основалъ на р. Печенгѣ обитель (1550 г.). Кроткій нравъ, подвижническая жизнь и простое обращеніе привлекли къ нему простодушныхъ лопарей и они толпами приходили креститься. Въ основан-

ную пр. Трифономъ обитель явились и другіе подвижники, въ томъ числѣ соловецкій инокъ Ѳеодоритъ. Ѳеодоритъ былъ человѣкъ выдающихся способностей, ему принадлежитъ переводъ нѣкоторыхъ молитвъ на лопарскій языкъ. Вмѣстѣ съ Трифономъ онъ отправился въ Москву хлопотать объ устроеніи Печенгской обители. Въ Москвѣ ихъ приняли милостиво и дали новой обители щедрыя пожалованія. Ѳеодоритъ на нѣкоторое время остался въ Москвѣ и оттуда ѣздилъ въ Константинополь съ важнымъ порученіемъ отъ царя Іоанна Грознаго къ константинопольскому патріарху. Но не соблазняясь почестями, которыя могли его ожидать въ Москвѣ, подчиняясь своему влеченію къ подвижничеству, Ѳеодоритъ вернулся на далекій сѣверъ и вмѣстѣ съ пр. Трифономъ продолжалъ свои иноческіе подвиги и апостольскую дѣятельность.

Преп. Трифонъ, вернувшись изъ Москвы, построилъ церковь во имя св. Бориса и Глѣба и продолжалъ дѣятельно трудиться надъ устройствомъ Печенгской обители и просвѣщеніемъ лопарей. Преподобный Трифонъ умеръ въ глубокой старости, горько оплаканный лопарями, которые и до сихъ поръ свято чтутъ его память. Въ 1590 г. шведы разорили Печенгскій монастырь, но дѣло преп. Ѳеодорита и Трифона не погибло: ихъ проповѣдь укрѣпила далекую окраину за Россіей и за православіемъ.

II. Преподобные Зосима и Савватій не занимались проповѣдью христіанства среди язычниковъ, но имъ принадлежитъ наиболѣе видное мѣсто среди тѣхъ лицъ, которые потрудились надъ укорененіемъ въ сѣверномъ краѣ русской народности и православія. Религіозно-просвѣтительное вліяніе основанной ими Соловецкой обители всегда было такъ велико и широко, что эта обитель, сохраняя свое мѣстное значеніе, пріобрѣла значеніе общерусской святыни, къ которой со всѣхъ концовъ Руси стремятся ежегодно десятки тысячъ православнаго люда искать утѣшенія или примиренія съ совѣстью.

Преподобный Савватій жилъ въ 15-мъ вѣкѣ и подвизался сначала въ Кирилло-Бѣлозерскомъ монастырѣ. Ища уединенія, онъ удалился въ монастырь на Валаамъ и посвятилъ себя многотрудному подвигу иноческому, пребывая постоянно въ работѣ, молитвѣ и постѣ.

Но и здѣсь, какъ и на Бѣлоозерѣ, его вскорѣ стали всѣ прославлять за иноческіе подвиги. Желая полнаго уединенія, онъ однажды ночью, усердно помолясь Богу, вышелъ тайно изъ монастыря, отплылъ съ Валаама и началъ пробиваться къ Соловецкому острову.

Достигнувъ Бѣлаго моря, старецъ пошелъ сначала на рѣку Выгъ, гдѣ жилъ при

храмѣ инокъ Германъ. Повѣдавъ ему о желаніи своемъ поселиться на островѣ, Савватій возбудилъ въ немъ то же желаніе. Иноки изготовили лодку, взяли съ собою нѣсколько рабочихъ инструментовъ, провизіи и приплыли благополучно на островъ Соловецкій (1429 г.).

Шесть лѣтъ подвизались на островѣ блаженные Савватій и Германъ. Въ долгія зимы не разъ угрожала имъ опасность смерти отъ голода и холода. Германъ, не выдержавъ такой жизни, ушелъ наконецъ съ острова, и Савватій остался подвизаться одинъ. Въ 1437 г. преподобный Савватій скончался, но дѣло его не погибло, такъ какъ остался въ живыхъ старецъ Германъ.

Черезъ годъ по преставленіи Савватія, съ Германомъ встрѣтился молодой инокъ Зосима, родомъ изъ села Толвуя, находившагося въ Новгородской области, близъ Онежскаго озера. Съ самыхъ раннихъ лѣтъ Зосима обнаруживалъ глубокое религіозное настроеніе и наклонность къ иноческой жизни. Когда Германъ разсказалъ ему о Соловецкомъ островѣ, Зосима обрадовался и сталъ упрашивать старца довести его туда.

Тѣмъ временемъ родители Зосимы умерли. Предавъ ихъ землѣ и раздавъ все свое имущество, Зосима вмѣстѣ съ Германомъ направился къ желанному острову. При-

бывъ туда, они, не медля, приступили къ дѣлу: нарубивъ деревьевъ, поставили келію и осѣнили ее крестомъ, вскопали мотыками землю и засѣяли ее сѣменами. На зиму старецъ Германъ ушелъ, и преподобный остался одинъ, терпѣлъ жестокую стужу и голодъ, находя силы въ непрестанномъ трудѣ и молитвѣ.

Весною возвратился Германъ и привелъ съ собою рыбака Марка, который принялъ здѣсь монашескій чинъ. Мало-по-малу стали приходить на островъ и другіе люди, искавшіе спасенія въ иноческихъ подвигахъ. Тогда преподобный поставилъ небольшую церковь, во имя Преображенія Господня, пристроилъ къ ней трапезу и положилъ начало общежитію.

Новгородскій архіепископъ Іона прислалъ новой обители свое благословеніе и поставилъ въ ней игуменомъ іеромонаха Павла. Но игуменъ Павелъ и два его преемника не перенесли суровыхъ трудовъ на уединенномъ островѣ и оставались тутъ недолго. Тогда братія избрала игуменомъ пр. Зосиму и просила новгородскаго архіепископа утвердить это избраніе. Архіепископъ Іона согласился, вызвалъ къ себѣ преподобнаго и убѣдилъ его принять священство и игуменство. Съ радостію возвратился преп. Зосима въ свою обитель и привезъ съ собою много сосудовъ, одеждъ, хлѣба и денегъ,

пожертвованныхъ новгородскими гражданами. Число иноковъ въ обители вскорѣ такъ увеличилось, что пришлось построить много келій и новый большой храмъ въ честь Богородицы. За алтаремъ этого храма были поставлены нетлѣнныя мощи перваго инока соловецкаго, Савватія.

Между тѣмъ нѣкоторые новгородскіе боярскіе люди и корельскіе помѣщики начали тѣснить монастырь, говоря, что они единственные хозяева Соловецкаго острова: ловили рыбу въ монастырскихъ озерахъ, а монаховъ къ озерамъ не допускали, оскорбляли игумена и иноковъ словами и дѣйствіями, грозили даже разрушить монастырь. Преп. Зосима вторично отправился въ Новгородъ и просилъ защиты у архіепископа Ѳеофила. Архіепископъ созвалъ къ себѣ новгородскихъ бояръ и сообщилъ имъ жалобу преподобнаго. Бояре рѣшили предоставить обители островъ Соловецкій и вручили отцу Зосимѣ владѣнную грамоту; кромѣ того они щедро одарили монастырскую казну и ризницу и обѣщали и впредь доставлять все необходимое для монастыря. Особенно щедро одарила монастырь вдова посадника новгородскаго, Марѳа Борецкая, пожертвовавшая обители села Суму, Сороку и Кемь.

Въ 1478 году, чувствуя близкій конецъ жизни, изнемогая отъ болѣзни и старости,

преподобный Зосима поставилъ игуменомъ умнаго и благочестиваго инока Арсенія, заповѣдавъ ему блюсти въ цѣлости уставъ монастырскій и подвизаться со смиреніемъ. До послѣдней минуты преподобный молился и поучалъ братію. Со слезами положили иноки преподобнаго въ гробъ, имъ самимъ приготовленный, и похоронили его за алтаремъ храма Преображенія Господня.

И по кончинѣ преп. Зосимы, какъ и при немъ, соловецкіе иноки продолжали работать съ молитвой на устахъ. Благодаря личному труду монаховъ, и богомольцевъ, и щедрымъ вкладамъ, монастырь Соловецкій уже давно сталъ однимъ изъ богатѣйшихъ въ Россіи. Въ голодные годы онъ щедро дѣлился съ бѣдняками своимъ богатствомъ, давалъ имъ работу и хлѣбъ и, будучи самъ хорошимъ хозяиномъ, распространялъ полезныя знанія въ народѣ. Съ любовью и благоговѣніемъ чтитъ русскій народъ святыхъ Зосиму и Савватія и нѣтъ мѣста на Руси, гдѣ не гремѣла бы слава о Соловецкой обители.

III. Весьма важное значеніе въ исторіи сѣвернаго края имѣетъ дѣятельность св. Стефана, просвѣтителя зырянъ. Св. Стефанъ родился въ городѣ Устюгѣ въ семьѣ причетника соборной церкви. Съ малыхъ лѣтъ онъ ознакомился съ зырянскимъ языкомъ, такъ какъ въ Устюгѣ жило много зырянъ.

Научившись грамотѣ и достигнувъ совершеннолѣтія. Стефанъ поступилъ въ одинъ изъ монастырей города Ростова и тамъ занялся переводомъ церковныхъ и богослужебныхъ книгъ на зырянскій языкъ, для чего изобрѣлъ особыя буквы. Подготовившись къ дѣлу, взявъ благословеніе отъ митрополита и грамоту отъ князя Василія Дмитріевича, Стефанъ отправился въ страну зырянъ (1379 г.) и началъ проповѣдывать слово Божіе на берегахъ рѣки Вычегды. Многіе крестились, но жрецы-кудесники стали возмущать народъ противъ молодого, неопытнаго проповѣдника. Подстрекаемые жрецами жители одного зырянскаго селенія хотѣли даже убить его, но вліяніе проповѣдника было такъ велико, что онъ былъ принятъ и жители крестились. Когда число христіанъ умножилось, св. Стефанъ построилъ первую церковь въ Усть-Выми, во имя Благовѣщенія. Чтобы показать на дѣлѣ ничтожество идоловъ, онъ сжетъ одну изъ самыхъ знаменитыхъ кумиренъ, что произвело большое впечатлѣніе на народъ. Благодаря своему смиренію и самоотверженной преданности дѣлу, св. Стефанъ заставилъ грубый народъ полюбить христіанство; зыряне сами стали приходить къ св. Стефану, прося крещенія. Св. Стефанъ построилъ еще двѣ церкви и при нихъ училища, гдѣ учили зырянской грамотѣ и изучали священ-

ное писаніе. Ученіе шло такъ успѣшно, что черезъ пять лѣтъ, когда св. Стефанъ былъ возведенъ въ санъ епископа, онъ могъ назначить священниковъ, діаконовъ и причетниковъ изъ природныхъ зырянъ; церковная служба совершалась на зырянскомъ языкѣ. Стефанъ былъ печальникомъ и заступникомъ своихъ духовныхъ чадъ, заботился о ихъ нуждахъ и потребностяхъ. Во время голода онъ доставлялъ нуждающимся зырянамъ хлѣбъ изъ Вологды, ѣздилъ въ Новгородъ, въ Москву ходатайствовать о защитѣ ихъ отъ неправосудія и притѣсненій чиновниковъ. Св. Стефанъ скончался въ 1396 г. въ Москвѣ, проведя 18 лѣтъ въ апостольскихъ трудахъ. Горько оплакивали зыряне своего начальника и заступника. Но дѣло св. Стефана не погибло. Его преемники продолжали его просвѣтительную дѣятельность, пока весь зырянскій народъ не былъ обращенъ въ христіанство *).

---

31. Соловки.

(В. И. Немировичъ-Данченко).

Мы отправились изъ Архангельска въ Соловки лѣтомъ 1872 года на монастырскомъ

---

*) Изъ соч. А. Владиміровой, А. Круглова, А. Энгельгардта и Филарета, арх. Черниговскаго.

пароходѣ „Вѣра“. Солнце въ городѣ пекло немилосердно. Все обѣщало спокойное плаваніе. На небѣ ни облачка, флаги на мачтахъ судовъ недвижно повисли. Двина была зеркальная. Ни малѣйшей ряби...

Толпа на пристани казалась все меньше и меньше, отдѣльныя лица сливались въ одну массу и наконецъ исчезли вовсе, когда пароходъ, слѣдуя теченію рѣки, круто повернулъ направо.

Направо и налѣво даль ограничивалась низменными, пустынными зелеными берегами. Только изрѣдка убогое село сползало къ самой рѣкѣ. Кое-гдѣ, словно въ воздухѣ, висѣли бѣлыя колоколенки и куполы деревенскихъ церквей.

Порою изъ однообразной массы лѣсныхъ вершинъ, едва-едва замѣтныхъ въ отдаленіи, виднѣлись туманныя линіи еще болѣе далекихъ рощъ, точно окутанныхъ голубымъ флеромъ *). Песчаныя промежи, сверкая золотыми извивами, тянулись вдоль зеленой каймы то узкими, какъ остріе, чертами, то широкими, какъ ярко блистающіе щиты, отмелями. Съ парохода на нихъ можно было разглядѣть черныя точки вверхъ дномъ опрокинутыхъ карбасовъ; вблизи ихъ копошились и ползали въ разныхъ направленіяхъ еще меньшія точки.

---

*) Флеръ—прозрачная рѣденькая ткань.

Кое-гдѣ вдоль береговой линіи, будто крылья чаекъ, мелькали паруса. Они, казалось, вовсе не подвигались впередъ.

Въ самомъ центрѣ зеленой каймы, тамъ, гдѣ правая и лѣвая сторона ея почти смыкались передъ нами, висѣлъ въ голубомъ прозрачномъ воздухѣ бѣлый городъ; какъ мелкія искры блистали, мѣняя постоянно направленіе своихъ лучей, куполы церквей и соборовъ. Съ каждымъ движеніемъ парохода то выдвигались бѣлыя линіи набережной, то вырѣзывались бѣлыя очертанія колоколенъ. Городъ поднимался надъ рѣкою все выше и выше. Казалось, между нимъ и уровнемъ воды легла смутная, мглистая полоса... Она все ширилась и ширилась, искра за искрой пропадала надъ нею, бѣлая линія суживалась и сокращалась... Вотъ и все погасло, только одна точка еще лучится, когда вглядишься въ эту даль. Одна слабая точка, да и та, кажется, высоко въ небѣ. И она потухла, и зеленые берега сомкнулись передъ нами.

Утромъ, на другой день по отплытіи изъ Архангельска, когда я вышелъ на палубу парохода, во всѣ стороны передо мною разстилалась необозримая даль сѣровато-свинцоваго моря, усѣяннаго оперенными гребнями медленно кативщихся валовъ. На небѣ еще ползали клочья разсѣянныхъ вѣтромъ тучъ. Свѣжій попутный вѣтеръ

надувалъ парусъ. Тяжело пыхтѣла паровая машина, и черный дымъ, словно развернутое знамя, плавно разстилался въ воздухѣ, пропитанномъ влагой.

Вотъ, сквозь клочья сѣрыхъ тучъ прорвался и заблисталъ на высотѣ широкій ослѣпительный лучъ солнца, и подъ нимъ озолотилась цѣлая полоса медленно колыхающихся волнъ... Вотъ новыя тучи закрыли его.

Впереди засинѣли какія-то смутныя очертанія.

Большая часть богомольцевъ столпилась на носовой части парохода. Одни стояли на колѣняхъ и молились, другіе пѣли псалмы. Религіозное настроеніе охватило даже самыхъ равнодушныхъ.

На лицахъ странницъ выражалось самое искреннее умиленіе. Однѣ плакали, другія обнимались.

— Сподобилъ Господь святынямъ помолиться.

— Угодничкамъ, соловецкимъ праведникамъ.

Острова все выростали. Неопредѣленно синѣющія массы становились зеленоватыми. Края ихъ очерчивались все рѣзче и рѣзче; изъ неопредѣленныхъ облачныхъ формъ они принимали ясныя очертанія. Что-то, словно искра, сверкало тамъ, лучась и словно колыхаясь въ синевѣ неба.

— Это—куполъ, братцы; святой соловецкій куполъ.

— Краса!—замѣтилъ угловатый олончанинъ стоявшей съ нимъ рядомъ странницѣ.

Вотъ зеленоватая кайма стала еще гуще. Напряженный взглядъ различалъ уже верхушки высокихъ сосенъ.

Пароходъ тихо плыветъ вдоль берега, словно въ безконечной панорамѣ развертывающаго передъ нами свои чудныя картины: то желтыя песчаныя отмели, то зеленые откосы, то утесы, отвѣсно обрывающіеся внизъ... А тамъ, позади ихъ, что за ширь лѣсная, что за глушь тѣнистая!

Но вотъ одинъ поворотъ—и „Вѣра“ входитъ въ зеленую бухту, въ глубинѣ которой, словно граціозный призракъ волшебнаго вешняго сна, поднимается бѣлостѣнный монастырь съ высокими круглыми башнями, массою церквей, зеленые куполы и золотые кресты, которыхъ легко и полувоздушно рисуются на синемъ безоблачномъ небѣ.

Всѣ словно замерли. Не слышно и дыханія... доносится только крикъ морскихъ чаекъ.

Тихо приближается пароходъ къ обители, которая все ярче и выше поднимается предъ нами изъ голубыхъ волнъ спокойнаго моря.

Невыразимо прелестенъ этотъ зеленый берегъ. Какое-то радостное чувство охва-

тило всего, когда я спустился съ пароходнаго трапа на плиты набережной. Прямо поднимались старинныя, изъ громадныхъ валуновъ сооруженныя, стѣны. Нѣсколько башенъ высокихъ, съ остроконечными верхушками, были сложены изъ тѣхъ же громадныхъ камней. На высотѣ, въ стѣнахъ и башняхъ чернѣли узкія щели бойницъ. Древностію, цѣлыми столѣтіями вѣяло отсюда. Тутъ все было такъ же, какъ во времена первыхъ царей московскихъ. Нѣкоторыя сооруженія напоминали эпоху господина Великаго-Новгорода. Отъ каждаго камня вѣяло былиною... И теперь настолько же массивны и недоступны эти стѣны. Только вокругъ обители все вѣетъ новою жизнью: громадное трехъэтажное зданіе гостиницы, доки, гдѣ монахи сами чинятъ и строятъ корабли, разводные мосты, искусственная гавань, набережная, подъемныя машины, деревянное зданіе странноприимнаго дома, разрушеннаго англійскими ядрами, слѣды которыхъ и на монастырскихъ стѣнахъ отмѣчены черными кружками.

Изъ-за этихъ стѣнъ, созданныхъ какъ будто самою природой, золотятся кресты церквей и мягко рисуются ихъ зеленые куполы. Рядомъ съ монастыремъ тянутся зданія лѣсопильнаго завода, а кругомъ всю эту площадь обступилъ зеленый, свѣжій весь проникнутый изумруднымъ блескомъ,

тѣнистою дремотой и важнымъ покоемъ, лѣсъ. Такъ и манило туда.

Велика и, дѣйствительно, заслужена слава Соловецкой обители на дальнемъ Сѣверѣ нашемъ! Монахи здѣсь въ потѣ лица трудятся съ ранняго утра до поздней ночи. Они не только побороли, но и украсили окружающую суровую природу Сѣвера. Здѣсь строятся пароходы, литографируютъ картины и образа для народа, дубятъ кожи, приготовляютъ кирпичи. Тутъ есть фотографіи, финифтщики, золотильщики, ювелиры, сапожники, портные, башмачники, каменщики, механики, скотоводы, сыровары, строители-архитекторы; тутъ есть магазины великолѣпныхъ хозяйственныхъ вещей, кладовыя, квасныя и пекарни. Монастырю принадлежатъ два парохода, на которыхъ и капитаны и матросы—монахи, и морская шхуна, управляемая тоже иноками; на ней они ловятъ рыбу и промышляютъ звѣря вдоль береговъ Мурманскихъ, въ Сѣверномъ Ледовитомъ океанѣ. Тутъ есть рѣзчики, столяры, гончары, кузнецы, коневоды, огородники, опытные садовники, живописцы; словомъ, отрѣзанный иногда въ теченіе восьми мѣсяцевъ,—а шести всегда,—отъ всего остальнаго міра, Соловецкій монастырь ни въ комъ не нуждается и ничего никогда не покупаетъ, а все, что ему необходимо, производитъ самъ, кромѣ хлѣба, пряжи и ка-

меннаго угля. За то и населеніе сѣверныхъ губерній относится къ нему съ величайшимъ уваженіемъ. Богатые крестьяне архангельскіе, вологодскіе, олонецкіе, вятскіе и пермскіе жертвуютъ очень много на обитель и, кромѣ того, ежегодно на зиму въ монастырѣ собирается до тысячи даровыхъ рабочихъ, давшихъ обѣтъ прослужить годъ на святителей соловецкихъ Зосиму и Савватія!

Монастырскіе огороды и сады славятся по всему Сѣверу. Здѣсь чуть ли не у самаго царства полярнаго полюса ухитрились разводить въ теплицахъ арбузы, дыни и персики. Овощи огородные такіе, какихъ не найдешь и гораздо южнѣе. Ежегодно въ Соловки приходитъ до пятнадцати тысячъ богомольцевъ; многіе остаются на зиму. Всѣ они съ разныхъ концовъ Россіи, и каждый приноситъ съ собою какое-либо знаніе. Можете себѣ представить, какую массу добра дѣлаетъ этотъ наплывъ умѣлыхъ людей съ сѣвера, съ юга, съ запада и съ востока! Сюда даже пріѣзжаютъ учиться хозяйству, потому что у себя дома не узнаешь и половины того, что здѣсь увидишь на каждомъ шагу. Громадныя помѣщенія кузницъ, словно сказочныя подземелья, лѣтомъ охватываютъ васъ своимъ мракомъ; за то зимой работа здѣсь кипитъ, и багровые огни ярко блестятъ въ десяткахъ горнъ, слышится веселый говоръ или пѣніе молитвъ,

стукъ молотовъ и сыплются въ окружающую тьму изъ-подъ нихъ цѣлые снопы яркихъ серебряныхъ искръ. Кожевня можетъ быть образцомъ такого рода заведенія для всего Сѣвера. Она выпускаетъ на монастырь болѣе восьми тысячъ нерпичьихъ кожъ; сверхъ того, тутъ же обдѣлываются тюленьи и моржевыя, оленьи и коровьи кожи. Такимъ образомъ, на промыслахъ одѣвается и постоянно обувается монастырь въ выдѣланную у себя кожу, отнюдь не покупая ея на сторонѣ. Громадный кирпичный заводъ стоитъ около и ежегодно даетъ обители четыреста тысячъ штукъ крупнаго и осадочнаго, весьма прочнаго кирпича. Всѣ зданія соловецкія выведены изъ него. Мало того: монахи воспользовались ручьями, расчистили ихъ, углубили и обратили въ узенькіе каналы, устроивъ на нихъ въ одномъ мѣстѣ точильню, въ другомъ водоподъемную машину. Съ тѣхъ поръ, какъ Новгородъ отдалъ Соловецкій островъ монастырю, монахи не переставали трудиться и работать надъ дорогами, такъ что теперь вы ѣдете по такимъ, какихъ нигдѣ больше не найдете на нашемъ Сѣверѣ. Они воспользовались четырьмя стами озеръ маленькихъ, находящихся внутри острововъ, и завели тамъ рыбные ловы. Своды молодыхъ деревьевъ у этихъ озеръ манятъ въ свою прохладную тѣнь; роскошныя купы

деревьевъ посреди водъ, челны, неподвижно чернѣющіе у берега, часто острыя скалы, словно иглы выступающія изъ озера,—все это полно лѣтомъ невыразимаго очарованія. Казалось, природа хотѣла вознаградить здѣсь человѣка за краткость своего лѣта неописуемою роскошью и красотой картинъ. Отъ острововъ къ островамъ всюду устроены переправы, а два большіе—Соловецъ и Муксальма—соединены между собой ни болѣе, ни менѣе какъ мостомъ. Мостъ черезъ море! Мостъ построенъ монахами! Монахи ухитрились воспользоваться мелкими островами, лежащими между этими большими, и соединили ихъ всѣ между собой, заваливъ море каменьями! Сооруженіе грубое, но колоссальное, вѣчное. Бури, ледяныя громады, время—безсильны передъ этою каменной стѣной. Все это сдѣлано безъ помощи машинъ, одною ручною силой. Трудно вѣрить, не видавъ, что горсть простыхъ монаховъ создала это чудо труда и генія.

— Господь намъ помогъ, — говорятъ монахи:—архимандриту видѣніе было. Молились предъ этимъ долго; мѣсяцъ постъ строгій соблюдали и начали постройку; самъ настоятель помогалъ намъ, намѣстники камни таскали.

На Муксальмѣ, соединенной такимъ образомъ съ Соловецкимъ островомъ, иноки

устроили птичій дворъ и ферму, образцово-содержимыя конюшни, которыя своею чистотой напоминаютъ Голландію. Оттого и скотъ здѣшній такъ хорошъ и здоровъ. Молоко соловецкое и масло несравненно лучше тѣхъ же продуктовъ въ другихъ мѣстностяхъ Россіи, не исключая и нѣмецкихъ колоній.

Но мостъ черезъ море—сооруженіе грубое, а посмотрите на соловецкіе доки, созданные тоже монахами! Это уже дѣло, основанное на научныхъ выводахъ, и тутъ уже мало одной физической силы. Монахи съ гордостью указываютъ на свои доки, и невольно чувствуешь, что въ этомъ отношеніи гордость ихъ вполнѣ законна.

— Наши, изъ крестьянъ строили,—объясняютъ они.

— А кто наблюдалъ за постройкой?

— Тоже одинъ изъ мужичковъ.

За границей и то рѣдки сооруженія болѣе прочныя и красивыя!

Бока доковъ обшиты гранитомъ; до послѣдней мелочи, изящно, несокрушимо и удобно. Края доковъ состоятъ изъ восьми тысячъ балясинъ въ два ряда, промежутки между которыми завалены каменьями и засыпаны землей. Подъ гранитною обшивкой ничего этого, разумѣется, не замѣтно. Въ доки проведены каналы изъ Святаго озера и изъ резервуара мельницы Святаго

Филиппа. Когда откроютъ громадные шлюзы, вода стремится по этимъ двумъ путямъ съ ужасающею быстротой и шумомъ, такъ что у зрителей захватываетъ дыханіе. Отъ брошеннаго сюда бревна остаются только щепки. Потомъ весь этотъ водоворотъ стремится въ шлюзы и съ громомъ наполняетъ бассейны доковъ. Когда вода поднимается до опредѣленной высоты, открываютъ выходъ въ другой постоянный бассейнъ, гдѣ ужъ стоитъ судно. Выждутъ нѣсколько минутъ, когда воды двухъ бассейновъ сравняются, судно переводится въ большой, гдѣ его, или пароходъ, ставятъ между брусьями, „защемливаютъ“, и потомъ вода спускается. Такимъ образомъ монахи здѣсь собрали свой пароходъ „Вѣру“ и выстроили другой—„Надежду“.

Изъ всего этого видно, что весь монастырь постоянно находится на работѣ. Нѣтъ такого монаха, который сидѣлъ бы сложа руки. Начиная съ игумена и кончая послѣднимъ послушникомъ, никто не складываетъ рукъ. Мірянинъ бы давно утомился и потребовалъ бы отдыха,—монаху не до того. Онъ убѣжденъ, что работаетъ на святыхъ Зосиму и Савватія, убѣжденъ, что они присутствуютъ на его работѣ и смотрятъ на него. Здѣшній инокъ изъ крестьянъ называетъ этихъ угодниковъ хозяевами, а Соловки—ихъ хозяйствомъ. Онъ вѣритъ,

что мостъ черезъ море былъ построенъ только потому, что вмѣстѣ съ иноками надъ нимъ работали святые Зосима и Савватій. Нѣкоторымъ монахамъ слышалось пѣніе ангеловъ наверху, видѣлись призраки. То же самое было, когда строились соловецкіе доки. Понятная вещь, что вѣра поможетъ не только физическому труду, но и изобрѣтательности человѣка. Поэтому въ Соловкахъ случается, что простой крестьянинъ, приставленный къ какой-нибудь машинѣ, думаетъ-думаетъ, да и придумаетъ такое упрощеніе ея или новое приложеніе, что потомъ сюда пріѣзжаютъ учиться изъ городовъ. На зиму при монастырѣ остается множество мальчиковъ, значительная часть которыхъ остается потомъ въ обители. Еще бы! Попавъ сюда изъ суровой крестьянской жизни, къ ласкѣ, теплу и сытому корму, ребенокъ думаетъ, что лучше ничего не можетъ быть судьбы монаховъ. Дома онъ голодалъ, былъ плохо одѣтъ, томился на работѣ; дома грязь, нищета, случается—пьянство отца; дома онъ слышитъ общія жалобы на недостатки; дома деревенскій мальчикъ растетъ какъ волченокъ, чуя за собой постоянную травлю. Въ монастырѣ—иной міръ, привольная жизнь. Тутъ его никто не бьетъ, обращаются мягко, даже нѣжно. Старики-монахи смотрятъ на него какъ на свое дитя;

потребность любви пробуждается въ старческомъ сердцѣ, и монахъ серьезно привязывается къ крестьянскому мальчику. Онъ всегда сытъ: обильный обѣдъ, ужинъ; хлѣба, мяса и рыбы вволю. Одѣтъ онъ опрятно, чисто; работай сколько можешь, сколько есть усердія, потому что это не подневольный трудъ, а на святыхъ Зосиму и Савватія. Грязи и нищеты не видать нигдѣ, пьяныхъ и подавно... И какіе же самородки являются между этими дѣтьми, какіе таланты развертываются на привольѣ!

А какъ хороша сѣверная природа Соловецкихъ острововъ! Вотъ гдѣ пріютъ и успокоеніе страждущей душѣ. Эти скалы, рощи, озера; это, немолчно-ропчущее вокругъ, Сѣверное море, эти горы, съ которыхъ открываются дивные виды! Весь Соловецкій островъ и сосѣдніе раскидываются подъ вами, когда, взойдя на верхушку горы, вы взглянете внизъ. Лѣса, озера, поляны, церкви, скиты, часовни и горы,—все это смѣшивается въ общую чудную картину. Какіе нѣжные переливы красокъ, какіе мягкіе изгибы линій! Тутъ—темная зелень сосноваго лѣса, тамъ—изумрудный просторъ поемнаго луга, и повсюду серебряные щиты изящныхъ озеръ. Они точно шары на зеленомъ бархатѣ. Берега острова рѣзко очерчиваются передъ глазами, какъ на картѣ, но каждый пунктъ ихъ является отдѣльно кар-

тиной. Тамъ группа скалъ, вдвинувшихся въ море, обрывъ надъ ними; тутъ длинный мысъ, поросшій щетиной темнаго лѣса; тамъ зеленая отложина, нечувствительно сливающаяся съ темнымъ моремъ; тутъ послѣднее глубоко-глубоко врѣзывается въ землю, образуя въ ней внутреннія озера, едва замѣтными проливами связанныя съ громаднымъ водянымъ просторомъ, золотящіяся лѣсныя дороги, бѣлыя церкви. Какъ малы и какъ изящны онѣ кажутся съ этой высоты! Въ лѣсахъ золотыя искры—кресты затерявшихся въ ихъ дремѣ часовенъ. Вонъ на зеленой лужайкѣ раскинулось стадо оленей; глазъ едва ихъ различитъ; а гребни этихъ холмовъ, этотъ чудный и чистый, какъ дѣтская молитва, воздухъ, это безбрежное море... Засіяетъ розовая заря и разомъ вспыхнутъ внизу сотни озеръ; точно безчисленные костры пылаютъ они, пока солнце совсѣмъ не зайдетъ за горы. Вершины лѣса тоже охвачены этимъ нѣжнымъ сіяніемъ; темное вокругъ море въ такомъ уголкѣ горитъ пурпуромъ, золотомъ и лазурью. Бѣлыя церковки становятся розовыми, пурпуровыми, золотыми...

Среди этой удивительной обстановки соловецкій монахъ является типомъ крестьянина-хозяина. Онъ зорко блюдетъ свои интересы, работаетъ самъ, не отказывается отъ косы, лопаты и снасти, слѣпо вѣритъ

и слѣпо повинуется. Онъ готовъ на все ради своей обители. Онъ перейметъ все у другихъ, что найдетъ хорошаго, и перенесетъ это къ себѣ въ обитель, улучшивъ съ удивительною смѣтливостью; но въ то же время онъ крайне простъ во всемъ. Ряса грубаго сукна, рубаха деревенскаго холста, да бахилы вмѣсто сапогъ, обильная, но грубая трапеза. Съ перваго взгляда онъ покажется вамъ не уменъ и вы съ видомъ превосходства начинаете ему объяснять что-нибудь; но будьте увѣрены, что онъ уже оцѣнилъ и васъ самихъ и вашу мысль...

---

32. Замѣчательные города и мѣстности Сѣвернаго края.

(По К. К. Случевскому).

I.

Архангельскъ расположенъ на правомъ берегу Сѣверной Двины, въ самомъ началѣ рѣчной дельты. Когда подъѣзжаешь по Двинѣ къ городу, то изъ храмовъ ближе другихъ виднѣется Архангельскій монастырь съ его пятью темными вздутыми куполами; далѣе по берегу выдвигается соборъ съ пятью зелеными главами, покрытыми золотыми звѣздами. Двина дѣлаетъ тутъ поворотъ вправо, и поэтому всей замѣчатель-

ной длины города тянущагося вдоль берега, сразу не оглядишь: Троицкая, главная улица его, идетъ на семь верстъ. Но ширина города не болѣе полуверсты; сейчасъ же за городомъ начинаются тундровыя болота. Пароходъ идетъ вдоль вытянутыхъ подлѣ берега поморскихъ шхунъ, барокъ, паузковъ и пароходовъ, и останавливается недалеко отъ таможни—громаднѣйшаго зданія съ двумя высокими, полукруглыми куполами. Налѣво видны: Моисеевъ островъ, Заостровье, Кегостровъ съ ихъ церквами, а вдали Соломбала, служащая гаванью для большихъ океанскихъ кораблей.

Мѣстность, на которой расположенъ Архангельскъ, ровная низкая; только въ Соломбахъ и по двинскимъ берегамъ она немного поднята, но это совершилось „нѣмецкою землей“, привозившеюся сюда въ видѣ балласта и накопившеюся за долгое время громадными массами.

Дома въ Архангельскѣ большею частію деревянные, небольшіе, стоятъ на значительномъ разстояніи другъ отъ друга. Лучшая часть города—Соборная площадь; здѣсь стоитъ пятиглавый соборъ, окруженный бульваромъ, а кругомъ большіе каменные дома. Соборъ освященъ въ 1805 г. Это одинъ изъ самыхъ свѣтлыхъ соборовъ: онъ въ три свѣта; окнами снабжены не только его стѣны, но и всѣ пять куполовъ, и въ

этомъ то обиліи свѣтовыхъ лучей высится одинъ изъ красивѣйшихъ по отдѣлкѣ рѣзной золоченый иконостасъ. Четыре центральныхъ столба и всѣ стѣны собора исписаны очень свѣтлыми фресками. Очень замѣчательны въ соборѣ стоящія съ обѣихъ сторонъ его по двѣ полукруглыя, на колонахъ, подъ сѣнями, божницы; въ одной изъ нихъ высится крестъ, собственноручно сдѣланный Петромъ Великимъ, въ память избавленія отъ бури близъ Унскихъ Роговъ. Нижняя церковь собора очень низка; иконостасъ ея богатъ, но украшенія немного грузны.

Архангельскъ получилъ свое имя отъ стоявшаго на его мѣстѣ, до основанія города, монастыря Чуда Архангела Михаила. Въ началѣ XV-го вѣка всѣ иноки этого уединеннаго монастыря были перебиты норвежцами, монастырь сожженъ и отстроился вновь съ трудомъ. Въ 1553 г. сюда впервые прибыли англичане. Отыскивая путь въ Китай и богатую Индію черезъ Ледовитый океанъ, они отправили три корабля подъ начальствомъ Вилогби. Два корабля погибли со всѣмъ экипажемъ у Мурманскаго берега, а третій занесло къ Устью Двины, къ монастырю, одиноко стоявшему на берегу. Капитанъ этого корабля, Ченслеръ, завелъ сношенія съ начальствомъ города Холмогоръ, а затѣмъ отправился въ Мо

скву, гдѣ былъ милостиво принятъ царемъ Іоанномъ Грознымъ и отправленъ на родину съ граматой къ англійскому королю. Вскорѣ Ченслеръ вторично пріѣхалъ въ Москву, уже въ качествѣ королевскаго посла, и выхлопоталъ англичанамъ право торговать безданно и безпошлинно во всѣхъ русскихъ городахъ.

Вѣроятно уже вскорѣ, послѣ этого началось заселеніе того мѣста, гдѣ стоитъ городъ Архангельскъ, хотя прямыхъ указаній на это не имѣется. Основаніе города относится ко времени царствованія Ѳеодора Іоанновича: въ 1584 г. сюда прибыли царскіе воеводы и заложили деревянную крѣпостцу—Новыя Холмогоры. Стали селиться подлѣ крѣпостцы торговые люди, пріѣзжая сюда изъ Холмогоръ, составлявшихъ торговый и административный центръ края. Въ 1637 г. случился пожаръ; монастырь перенесенъ выше по рѣкѣ, и очистилъ такимъ образомъ мѣсто для быстро возникавшаго города.

Архангельскъ какъ будто подготовился и окрѣпъ какъ разъ ко времени Петра Великаго. Въ 1693 г., когда Петръ впервые посѣтилъ Архангельскъ, въ городѣ было уже 29 домовъ иностраннаго купечества и приходило до 40 кораблей. Царь, увидѣвъ впервые море, къ которому такъ упорно стремился и значеніе котораго провидѣлъ,

немедленно принялся за дѣло съ свойственной ему энергіей. На соломбальской верфи закипѣла работа, царь ежедневно посѣщалъ верфи, биржу и ярмарку. Приказано было изготовить два купеческихъ судна, и одно изъ нихъ съ русскимъ товаромъ было отправлено за границу.

Въ слѣдующемъ году царь вторично прибылъ въ Архангельскъ. Въ маѣ вступилъ въ Двину первый выстроенный у насъ корабль „Св. Павелъ“, а въ іюнѣ прибылъ фрегатъ, заказанный въ Голландіи. Отправившись въ Соловки на богомолье, Петръ I вынесъ страшную бурю; онъ и всѣ бывшіе съ нимъ причастились, ожидая смерти, но лоцманъ Антонъ Тимофеевъ сумѣлъ провести судно въ Унскіе Рога. По возвращеніи царя изъ Соловокъ „Св. Павелъ“ былъ отправленъ за границу съ русскимъ грузомъ и подъ русскимъ флагомъ, впервые родившимся тогда на свѣтъ и составленнымъ изъ трехъ голландскихъ цвѣтовъ, но только въ обратномъ порядкѣ. Къ 1701 г. на архангельской верфи было построено 6 кораблей для царской заграничной торговли.

Въ третій разъ посѣтилъ Петръ I Архангельскъ въ 1702 г. и прибылъ вмѣстѣ съ царевичемъ Алексѣемъ. Съ флотомъ изъ 13 кораблей онъ вышелъ въ море, разсчитывая встрѣтить шведовъ, но тѣ не явились.

По преданію, въ одинъ изъ пріѣздовъ

Петра, получило свое названіе селеніе Соломбала. Царь увидѣлъ жнецовъ въ полѣ и захотѣлъ дать имъ балъ, снопы служили столами и скамейками, и это былъ настоящій „соломенный балъ“. Исторически это невѣрно, и названіе селенія происходитъ отъ финскаго „соломба“, означающаго болотистое мѣсто.

Какъ росла торговля Архангельска въ Петровское время, видно изъ того, что въ 1694 г. въ городъ прибыло 50 кораблей, а въ 1716 г.—233.

Въ 1708 г. началось постройка на соломбальской верфи военныхъ судовъ.

Насколько Петръ любилъ и холилъ Архангельскъ вначалѣ, настолько же безжалостенъ сталъ къ нему, когда возникло другое его дѣтище—Петербургъ. Указомъ 1722 года запрещено привозить къ Архангельску товаровъ больше, чѣмъ потребно для губерніи; послѣ этого указа къ городу пришло только 26 кораблей. Вскорѣ занесло пескомъ устье Двины, и суда прежде подходившіе къ самому Архангельску, принуждены были останавливаться у Соломбалы.

Въ 1762 г. указъ Петра I былъ отмѣненъ и это снова подняло духъ и предпріимчивость архангелогородцевъ: завелось снова 40 торговыхъ домовъ и вывозъ достигъ 10 милліоновъ; но золотымъ временемъ для города были 1809—1814, когда Наполеонъ

закрылъ англичанамъ всѣ порты Европы, и они подъ американскимъ флагомъ стали ходить въ Архангельскъ. Со времени Отечественной войны стало быстро совершенствоваться и архангельское военное судостроеніе. Улучшеніе водныхъ сообщеній внутри Имперіи къ Петербургу и проведеніе къ нему желѣзныхъ дорогъ въ третью четверть XIX вѣка гибельно отразились на процвѣтаніи Архангельска. Главный портъ въ Архангельскѣ былъ упраздненъ, торговля города пала. Теперь, несомнѣнно, Архангельску предстоитъ новый расцвѣтъ, ближайшей причиной котораго будетъ выстроенная уже Вологодско-Архангельская желѣзная дорога.

За городомъ, вверхъ по теченію Двины, лежатъ обширные льняной и смоляной буяны, хранящіе огромные запасы этихъ важныхъ отпускныхъ грузовъ. Еще при Петрѣ Великомъ, вслѣдствіе подлоговъ русскихъ товаровъ, отправлявшихся за границу, была учреждена должность браковщиковъ товара, которые нанимали нужное для себя количество помощниковъ. Это сохранилось и до настоящаго времени. Браковка льна на буянѣ производится въ длинномъ деревянномъ строеніи 4 браковщиками, 60 десятниками и 288 рабочими. Начинается она съ осмотра „пробоекъ:“ эта нѣчто въ родѣ льняныхъ сноповъ. Браковщики, за-

хватывая между колѣнями связку льна, перебираютъ ее руками, будто расчесывая ее всю; такъ же поступаютъ съ худшими сортами, съ куделью или очесомъ, и разобранныя по сортамъ пробойки переносятся на „машины“, связываются въ „бунты“ около 17 пудовъ вѣсомъ, и къ нимъ прикладывается пломба. Пломбѣ этой вполнѣ довѣряютъ за границей. Ленъ приходитъ сюда главнымъ образомъ изъ Вологодской и Вятской губерній, сбывается въ Англію, Францію, Америку, отчасти въ Германію, Бельгію и Голландію.

Въ недалеко отстоящемъ отъ города смоляномъ буянѣ, бочки со смолою и пекомъ лежатъ на землѣ, открыто, длинными правильными рядами. Браковщики съ замѣчательнымъ искусствомъ и быстротою опредѣляютъ, всунувъ въ бочку небольшую деревянную ложку „щупъ“ одинъ изъ пяти сортовъ смолы; на бочкѣ „водянкѣ,“ т. е. съ примѣсью воды, выцарапываютъ крестъ. Пеку только два сорта, и браковщикъ ломая плиточку, опредѣляетъ его достоинство по взлому и по вкусу; на буянѣ два браковщика, русскій и иностранный, и 60 рабочихъ. Товаръ приходитъ въ Архангельскъ изъ уѣздовъ Холмогорскаго, Пинежскаго, Шенкурскаго и изъ Вологодской губерніи. Очень много пеку идетъ въ Италію и Испанію для передѣлки въ канифоль

для смычковъ. Изъ Архангельска вывозится ежегодно болѣе 160 т. пудовъ смолы. Кромѣ льна и смолы, изъ Архангельска вывозятся: лѣсъ, мука, крупа, мясо, щетина и рогожи. Предметами привоза въ Архангельскъ служатъ: колоніальные и фабричные товары, соль, нефть, свинецъ, желѣзо, рыба. Значеніе Архангельска для заграничной торговли выражается въ присутствіи многихъ иностранныхъ консуловъ; ихъ пестрые, часто богатые не русскіе мундиры придаютъ собранію представителей мѣстныхъ властей и сословій совершенно своеобразный видъ, не имѣющій мѣста въ другихъ губернскихъ городахъ. Важное значеніе Архангельска для нашего Сѣвера сказывается по осени, въ сентябрѣ, на Маргаритинской ярмаркѣ. Тутъ производятся снабженіе припасами и матеріалами на всю нашу долгую зиму; тутъ устанавливаются годовыя цѣны добычи всѣхъ морскихъ промысловъ; тутъ можно наблюдать въ это время всѣхъ представителей нашего сѣвернаго населенія—кореловъ, самоѣдовъ, лопарей, поморовъ, каждаго со своими особенностями. За послѣдніе годы были сдѣланы, нашими поморами попытки вывозить грузы изъ Архангельска прямо въ Англію; попытки увѣнчались успѣхомъ, и нельзя не пожелать имъ дальнѣйшаго, болѣе широкаго развитія.

II.

Плывя вверхъ по Двинѣ, мы встрѣчаемъ двѣ замѣчательныя мѣстности, имѣвшія важное значеніе въ исторіи нашего сѣвера— это городъ Холмогоры и село Вавчуга. Маленькій городокъ Холмогоры находится недалеко отъ устья рѣки Пинеги, на берегахъ впадающей въ Двину рѣчки Куроподки. Небольшое нынѣ село Вавчуга лежитъ верстахъ въ 12 отъ Холмогоръ, на возвышенномъ правомъ берегу Двины. Двина между Вавчугой и Холмогорами какъ будто раздулась, образовавъ цѣлыя группы острововъ, подѣленныя многими рукавами. На заливныхъ лугахъ этихъ острововъ приволье для холмогорскаго скота мѣстныхъ крестьянъ.

Холмогоры вырисовываются издали на совершенно плоскомъ, невысокомъ берегу. Пристань устроена приблизительно въ срединѣ города, растянувшагося въ одну улицу на полутораверстное разстояніе вдоль рѣки. Это, собственно говоря, не городъ, а не особенно большое село: въ немъ около 1000 жителей; луга и болота проникаютъ въ самый городъ, и холмогорскому скоту совершенно вольготно лежать даже на улицѣ. Вправо отъ пристани тянутся какія-то полуразрушенныя, накренившіяся лачуги—это мѣстный гостиный дворъ. Своеобразность Холмогоръ сказывается и въ томъ, что со-

боръ его, оконченный строеніемъ въ 1691 г. и лежащій подлѣ него Успенскій монастырь составляютъ два послѣднія зданія вытянутаго въ одну улицу города.

Глядя на Холмогоры, съ трудомъ вѣрится, что этотъ городъ имѣлъ долгое и почтенное историческое прошлое, что во времена владычества на сѣверѣ Новгорода онъ былъ средоточіемъ всего Заволочья, а съ XV вѣка, когда Заволочье было присоединено къ Москвѣ, до Петра Великаго былъ торговымъ и административнымъ средоточіемъ края.

Съ возникновеніемъ Архангельска торговый людъ началъ мало-по-малу покидать городъ и переселяться къ морю, но еще въ самомъ концѣ XVII вѣка Холмогоры были довольно значительнымъ городомъ: вдоль крѣпостной ограды Холмогоръ высилось 12 башенъ, имѣлось четверо воротъ и глубокій ровъ, слѣды котораго отчасти видны и теперь. Петръ I по пути въ Архангельскъ три раза былъ въ Холмогорахъ, по его повелѣнію сюда были доставлены голландскіе производители рогатаго скота, образовавшіе знаменитую холмогорскую породу.

Нельзя не упомянуть того, что въ 1744 году, въ архіерейскій домъ, нынѣшній Успенскій монастырь, неожиданно были привезены „секретные арестанты“. Тайна раскрылась только черезъ 36 лѣтъ. Оказалось,

что Холмогоры служили мѣстомъ заключенія бывшей правительницы Анны Леопольдовны, ея супруга Антона Ульриха и дѣтей ихъ. Анна Леопольдовна и ея супругъ скончались въ заточеніи, а дѣти ихъ уже въ царствованіе Императрицы Екатерины II были отправлены тайно въ Данію. Помѣщеніе которое занимала семья несчастнаго Антона-Ульриха сохранилось и теперь: это небольшія, но свѣтлыя комнаты, съ унылымъ, безжизненнымъ видомъ на рѣку.

Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Холмогоръ находится деревня Денисовка, одна изъ многихъ (около 40) деревень большого острова Куростровa, покрытаго лугами и полями. Эта деревня была родиной, знаменитаго русскаго ученаго и писателя Михаила Васильевича Ломоносова (1712—1765). Памятникъ Ломоносову поставленъ въ Архангельскѣ, а въ деревнѣ Денисовкѣ открыто „Ломоносовское“ училище на добрую память, пользу и назиданіе потомкамъ. Кромѣ этого училища ничто въ Денисовкѣ не напоминаетъ о знаменитомъ крестьянинѣ-ученомъ, если не считать небольшого зеленѣющаго пруда, куда, говорятъ, отецъ Ломоносова сажалъ пойманную рыбу.

Небольшое нынѣ село Вавчуга, издавна принадлежало посадскимъ людямъ Баженинымъ. Они первые начали отправлять заграницу лѣсъ съ построеннаго ими завода.

Петръ I, осмотрѣвъ ихъ заводъ, остался имъ очень доволенъ и далъ Баженинымъ жалованную грамату. Вскорѣ Баженины, съ разрѣшенія царя, принялись за кораблестроеніе Съ паденіемъ кораблестроенія и торговли въ Архангельскѣ вавчужская верфь тоже пострадала и сдѣлалась ничтожною. Теперь въ Вавчугѣ отъ прежняго времени мало что осталось; о верфяхъ нѣтъ и помину, и только каменныя части церкви, да маленькая колоколенка съ деревянной галлерейкой, можетъ быть видѣли Великаго Петра.

Недалеко отъ лѣваго берега Двины (въ 9 в.) находится Сійскій Антоніевъ *) монастырь**), имѣющій немаловажное значеніе въ исторіи нашего Царствующаго Дома: Филаретъ Никитичъ, впослѣдствіи патріархъ Московскій, долгое время томился въ немъ, въ суровомъ заточеніи. Въ монастырѣ хранится копія съ портрета Филарета Никитича, писанная въ XVIII вѣкѣ. Имѣется также очень хорошая копія произведенія великаго князя Іоанна Іоанновича—„Служба преподобному чудотворцу Антонію“ (1579 г.).

Небольшой теперь Сійскій монастырь имѣлъ когда-то 3500 душъ крестьянъ; особенно много жертвовалъ на него Іоаннъ IV

---

*) Св. Антоній пришелъ сюда изъ Твери въ 1520 г.
**) Въ 162 в. отъ Архангельска.

на поминовеніе убитаго имъ сына. Въ монастырѣ почиваютъ подъ спудомъ мощи св. Антонія.

Если гдѣ либо время и люди не пощадили древности, то это именно въ Сійскомъ монастырѣ. XVI-й вѣкъ, остался только въ прочныхъ, нерушимыхъ стѣнахъ—все остальное ново, подкрашено, испорчено, погибло. Погибла и келійка, въ которой жилъ когда-то патріархъ Филаретъ; говорятъ, она сгорѣла; теперь, на мѣстѣ ея воздвигнуто какое-то жилое помѣщеніе.

Окрестности Сійскаго монастыря очень живописны и богаты озерами; говорятъ, императоръ Александръ Благословенный, проѣзжая въ 1819 г. въ Архангельскъ, вышелъ околомонастыря изъ коляски и долго любовался представившимся ему видомъ.

III.

Къ сѣверо-востоку отъ Архангельска, при впаденіи рѣки Мезени, въ губу Мезенскую, лежитъ городъ Мезень. Мезенская губа отличается особеннымъ обиліемъ бѣлухъ, достигающихъ здѣсь 3½ саженъ длины и составляющихъ главное основаніе быта мѣстныхъ поморовъ. Крупныя бѣлухи постоянно показываются подлѣ судна на поверхности воды своими бѣловатыми спинами, которыя иногда трудно отличить отъ пѣны,

бѣгущей по волнѣ. Хотя бѣлуха водится и въ другихъ заливахъ Бѣлаго моря, а также около Новой Земли и при устьѣ Печоры, но изъ всѣхъ ближайшихъ мѣстъ она почему-то искони полюбила заливъ Мезенскій.

Съ юго-западной стороны въ заливъ впадаетъ рѣка Кулой. Въ этомъ забытомъ, непосѣщаемомъ краѣ еще и теперь существуетъ пользованіе волоками: изъ Сѣв. Двины идутъ въ рѣку Пинегу, оттуда, волокомъ въ полторы версты длиною, до рѣки Кулая. Близъ устья Кулая чуть-чуть обрисовывается на низменномъ берегу деревня Щелье, жители которой занимаются ловомъ бѣлухи, особенно обильнымъ въ весеннее время. На противоположномъ берегу виднѣется деревня Семжа; жители ея, кромѣ бѣлухи, промышляютъ также и семгу. Другихъ поселеній на узенькой песчаной прибрежной полосѣ нѣтъ. Дальше за этой полосой тянется одна безконечная, однообразная безотрадная тундра.

Мезенскій заливъ неглубокъ и для пароходовъ, сидящихъ въ водѣ всего на 4 фута, доступенъ только во время прилива. Почти нигдѣ нельзя встрѣтить такой мутной воды, какъ въ этомъ заливѣ. Вода здѣсь въ полномъ смыслѣ шоколаднаго цвѣта, и солнечные лучи не могутъ проникнуть въ глубь ея. Эта муть обусловливается песчано-глини-

стыми берегами и такимъ же дномъ и необыкновенною силою приливовъ и отливовъ, неустанно взбаломучивающихъ воду: кончится приливъ—а отливъ начинается, и это два раза въ сутки, на 22 фута вышины, начиная отъ самаго дна. Въ ведрѣ подобной воды образуется осадокъ песка и ила въ четверть аршина.

Войдя въ рѣку Мезень, судно проходитъ мимо Красновскаго лѣсопильнаго завода. Заводъ доставляетъ сосну въ Англію, а лиственницу въ наше морское министерство. Весь рѣшительно лѣсъ вывозится распиленнымъ на доски.

Въ 25 верстахъ отъ завода, на правомъ берегу рѣки, возвышающемся надъ ея уровнемъ сажени на четыре, и стоитъ городъ Мезень. Въ городѣ имѣются улицы, недурные дома, но тундра пробивается къ самымъ крыльцамъ ихъ, и кочки почтенныхъ размѣровъ, мѣшаютъ ходьбѣ и ѣздѣ. Въ Мезени два собора, изъ которыхъ одинъ новый, а другой старый; послѣдній освященъ въ 1718 г., но и до сихъ поръ красуется въ полномъ здравіи стараго, неразрушимаго лѣса и представляется однимъ изъ самыхъ цѣльныхъ, хорошо сохранившихся, деревянныхъ памятниковъ Петровскаго времени. Въ Мезени около 2 т. жителей. Большинство мужского населенія носитъ оленьи „дахи“ и „малицы“, иногда покрытыя войлочными или ситцевыми

балахонами. Малицы—это нѣчто въ родѣ длинныхъ рубахъ изъ шерсти оленьяго теленка, одѣваемыхъ черезъ голову и составляющихъ одѣяніе, недоступное никакому вѣтру, такъ какъ въ немъ вовсе нѣтъ щелей, какъ въ дахѣ, запахиваемой на груди. Костюмъ довершается мѣховою шапкою, „пыжикомъ“, и „пимами“, сапогами изъ оленьей шерсти волосомъ вверхъ. Нарядъ женщинъ никакими особенностями не отличается, если не считать повязки головныхъ платковъ съ двумя рожками на лбу.

Въ полутора верстахъ отъ Мезени, сразу послѣ зеленаго луга, безъ всякихъ переходовъ начинается „адъ“—безконечная тундра, идущая отсюда на многія тысячи верстъ къ океану. Возлѣ города она совершенно суха и усѣяна огромными кочками темно-бураго цвѣта съ самыми чахлыми слѣдами растительности. Безотрадною теменью отсюда идетъ она въ безконечность и не напрасно называютъ ее „адомъ“: при взглядѣ на нее она производитъ впечатлѣніе такой безконечной, безотвѣтной и молчаливой смерти, что ничего подобнаго и представить себѣ нельзя.

Въ страшной глуши стоитъ Мезень составляющая административное средоточіе огромнаго края въ 21.150.000 десятинъ. Къ Мезенскому уѣзду относятся и острова Колгуевъ, Вайгачъ и Новая Земля. Въ Мезенскомъ уѣздѣ три стана. Въ составъ

перваго входятъ 10 волостей и тундры Канинская и Тиманская. Населеніе уѣзда составляютъ: великоруссы по Мезени и отчасти по Печорѣ, зыряне — четыре волости, и самоѣды, кочующіе по тундрамъ. Главныя занятія—хлѣбопашество, скотоводство (олень), лѣсная охота, а въ волостяхъ приморскихъ рыбные и морскіе звѣриные промыслы.

Отправимся на пароходѣ изъ Мезени, т. е. съ восточнаго берега Бѣлаго моря, къ его южному берегу, къ городу Онегѣ.

Въ виду устья Онеги поднимается живописный островъ Кіо, покрытый старымъ боромъ, въ гущѣ котораго пріютились три церкви Крестнаго монастыря, основаннаго въ XVII столѣтіи Никономъ. Пароходы, направляющіеся къ Онегѣ, огибаютъ Кіо-Островъ, оставляя его влѣво, и идутъ новымъ фарватеромъ, обозначившимся только нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Справа берегъ совершенно низменный, а на лѣвомъ берегу виднѣются невысокія лѣсистыя горы. Рѣка Онега во время прилива кажется полноводною, но въ отливъ обнажается, хотя и не въ такой степени, какъ Мезень, и въ руслѣ, передъ самымъ городомъ Онегой, глубина никогда не бываетъ менѣе двадцати футовъ. Берега Онеги низки и болотисты. Въ шести верстахъ отъ устья, на лѣвомъ берегу рѣки, растянулся вдаль воды

старинный лѣсопильный заводъ компаніи „Онежскаго лѣснаго торга“, основанной англичанами уже болѣе ста лѣтъ тому назадъ, съ неисчислимымъ множествомъ бревенъ и досокъ, сложенныхъ въ многоярусные штабели. На правомъ берегу рѣки, плоскомъ, обрывистомъ и песчаномъ, лежитъ городъ Онега (63°53′ сѣв. ш.). Городъ тянется вдоль рѣки версты на двѣ и, какъ и всѣ наши сѣверные города, придерживается воды и имѣетъ только одну улицу, если не считать коротенькихъ поперечныхъ переулочковъ, поросшихъ сочною травою, вполнѣ пригодною подъ пастбище. Тундра, какъ и въ Мезени, топорщится по улицамъ и здѣсь. Въ глубинѣ, за городомъ виднѣются невысокіе, поросшіе густымъ лѣсомъ холмы. Въ городѣ 2700 жителей, занимающихся преимущественно морскимъ промысломъ, ловомъ семги (въ 18 в. отъ Онеги, у села Подпорожья) и нагрузкой лѣсного товара на иностранныя суда, которыхъ много стоитъ передъ городомъ въ лѣтнее время.

Въ Онегѣ, какъ и во всѣхъ остальныхъ городахъ сѣвернаго побережья, мы находимся на очень древней исторической почвѣ. Такой маленькій, невзрачный городокъ, и такая удивительная историческая давность! Городъ основанъ въ XV вѣкѣ новгородцами подъ именемъ „Устьянской волости“. Въ 1613 г. эта волость была раз-

зорена литовцами и русскими измѣнниками. При царѣ Алексеѣ Михайловичѣ Устьянская волость вмѣстѣ съ ближайшими поморскими селеніями была пожалована Крестному монастырю. Въ 1780 г. Устьянская волость превратилась въ уѣздный городъ Онегу.

Онега служитъ главнымъ мѣстомъ отпуска лѣса за границу. Лѣсное дѣло возникло здѣсь еще въ 1755 г., когда императрица Елисавета Петровна дала графу Шувалову привилегію на заведеніе тутъ лѣсопильныхъ заводовъ и иностранную торговлю лѣсамъ. Шуваловъ вскорѣ продалъ это право англичанину Гому, который завелъ при одной онежской верфи своихъ пятьдесятъ кораблей и положилъ начало опустошительному истребленію онежскихъ лѣсовъ. Впрочемъ, у Гома дѣло не пошло, и казна передавала это предпріятіе въ другія руки; въ 1756 году образовалось кампанія „Онежскаго лѣсного торга“. Хищническое, небережливое истребленіе лѣса продолжалось до послѣдняго времени, пока правительство не изслѣдовало нашего сѣвернаго лѣсного хозяйства и не установило извѣстныхъ правилъ относительно рубки, пользованія и торга лѣсомъ. Но заботясь о прекращеніи хищническаго истребленія лѣсовъ, правительство въ то же время предоставило большія льготы поморамъ, въ

пользованіи лѣсами, которые на сѣверѣ имѣютъ важное значеніе не только для охоты, но и развитія и поддержки рыбныхъ промысловъ: поморъ можетъ строиться, отапливаться и поднимать шняку для промысловъ чуть ли не даромъ.

Лѣсопильный заводъ, лежащій почти противъ города, — одинъ изъ тѣхъ пунктовъ нашего сѣвернаго побережья, изъ котораго съ давнихъ дней идетъ за границу огромное количество нашихъ лѣсныхъ матеріаловъ. Лѣсъ за границу отправляется въ видѣ досокъ, а не бревнами. Досокъ четыре сорта, пятый—бракъ, остающійся для сбыта поморамъ, которые торгуютъ имъ въ розницу. Рейки, остающіяся съ боковъ бревенъ, и обрѣзки концовъ идутъ главнымъ образомъ на дрова. Въ огромномъ количествѣ, изжелта бѣлыми холмами, лежатъ около завода опилки; опилки эти безпощаднымъ образомъ сжигаются, хотя изъ нихъ можно было бы добывать уксусную кислоту и другіе химическіе продукты и дѣлать древесную массу.

На заводѣ преобладаетъ сосна, но имѣется не мало и ели, которая въ послѣднее время, вслѣдствіе оскудѣнія сосны, начинаетъ находить сбытъ. Самая удаленная отъ завода доставка лѣса идетъ изъ Кargопольскаго уѣзда по рѣкамъ Мошѣ и Онегѣ розсыпью; у села Карельскаго поставленъ

затонъ, ниже другой, подлѣ Анды (въ 5—6 верст. отъ Онеги), откуда лѣсъ, связанный плотами бревенъ въ шестьсотъ, спускается до Онеги. Въ Англію отпускается болѣе 20 судовъ; для нагрузки имѣются два парохода. Заводъ устроенъ хорошо; рабочихъ лѣтомъ 500, зимой 200 человѣкъ; для нихъ устроена особая казарма.

Отъ Онеги, по западному берегу залива начинается *Поморье*, откуда крестьяне купцы и судохозяева снаряжаютъ „покруты“ на Мурманъ и ходятъ на своихъ судахъ въ „Нордвегу“ и на „Финмарку“ для мѣновой торговли съ норвежцами. Поморы живутъ очень зажиточно, ихъ дома, одежда, старинныя храмы служатъ образцами самобытнаго русскаго вкуса и зодчества. Поморье же страна закоснѣлаго раскола, безпоповщины. Вообще этотъ край представляетъ высокій интересъ для любознательнаго путешественника, но, къ сожалѣнію, знакомство это затрудняется лѣтомъ совершеннымъ отсутствіемъ дорогъ въ Поморьѣ, а низкій, усѣянный отмелями берегъ, не дозволяетъ подходить близко къ нему пароходу. Деревни и посады Поморья расположены въ глубинѣ морскихъ губъ и скрыты отъ глазъ путника. Рѣки, протекающія у поморскихъ деревень, обыкновенно имѣютъ мели при выходѣ въ море и доступны для лодокъ только во время прилива или “полной во-

ды". Лѣтомъ сообщеніе между поморскими деревнями поддерживается почтовыми карбасами, гребцами и рулевыми на которыхъ, вслѣдствіе ухода всего мужскаго населенія на морскіе промыслы, служатъ исключительно женщины, отчего и все сообщеніе это носитъ названіе „сарафанной почты".

Приблизительно на срединѣ пути между Онегой и Сумскимъ посадомъ лежитъ большое (260 дворовъ) село Нюхча, знаменитое въ нашей исторіи походомъ Петра I отсюда на Онежское озеро, приведшимъ къ взятію шведской крѣпости Нотебурга (нынѣ Шлиссельбургъ) и основанію Петербурга. Явившись въ Нюхчу 16 августа 1702 году на 13 корабляхъ, съ царевичемъ Алексѣемъ и свитою, Петръ велѣлъ флоту идти обратно въ Архангельскъ, а при себѣ оставилъ только два фрегата. Фрегаты были вытащены на берегъ и потянулъ ихъ царь за собою волокомъ на Повѣнецъ на разстояніи 160 верстъ. Черезъ десять дней войска вступили въ Повѣнецъ, а фрегаты спущены въ Онежское озеро. Уцѣлѣвшіе до сихъ поръ слѣды просѣкъ и свай носятъ въ народѣ названіе „Государевой дороги".

Сумскій рейдъ мелокъ и фарватеръ направляется къ посаду очень извилисто; для обозначенія его поставлены въ открытомъ морѣ березки и елочки, кое-гдѣ увѣшанныя вѣниками. Чтобы попасть въ посадъ, переса-

живаются на лодочки, которыми управляютъ женщины. Здѣсь, какъ въ Кеми и Колѣ, повторяется картина женскаго города, съ тѣмъ же блескомъ одѣяній, пестротой лентъ и золотомъ кокошниковъ; съ силою и ловкостью, управляются сумлянки со своими лодченками, дружно налегаютъ на весла и громко кричатъ.

Сумскій посадъ расположенъ въ 3 верстахъ отъ устья рѣки Сумы, довольно узской, извилистой, порожистой, шумно бѣгущей въ яркой сочной зелени низменныхъ береговъ. Если есть гдѣ-либо въ сѣверной Россіи такой видъ на поселеніе, который прелестенъ, собранъ въ одно красивое вдоль и поперекъ цѣлое, такъ это Сумскій посадъ. Посадъ расположенъ по обоимъ берегамъ рѣки Сумы, пробѣгающей подъ двумя мостами и образующей возлѣ верхняго, пѣшеходнаго, роскошный порогъ; выбѣжавъ, выскочивъ изъ подъ этого моста, рѣка рьяно кидается на небольшой островокъ, стараясь снести его, но—неудачно. Когда подъѣзжаете къ посаду съ моря, васъ поражаетъ характерная его особенность: это безсчетные амбарчики, нависающіе надъ Сумою, которая имѣетъ въ посадѣ саженъ 30 ширины. Амбарчики опираются на сваи, стоятъ рядомъ въ всю длину посада, и отъ нихъ къ водѣ сбѣгаютъ лѣстницы, ступени которыхъ состо-

ятъ иногда изъ цѣлыхъ бревенъ; между амбарчиками просвѣчиваютъ жилые дома, опрятные, высокіе, хорошо обставленные, какъ и всѣ дома нашихъ сѣверныхъ городовъ. Дома эти двухъ и трехъ-этажные тянутся вплотную одинъ подлѣ другого, такъ что если вы хотите гулять, то можете обходить въ круговую, отъ моста къ мосту, по обоимъ берегамъ. Это главный центръ посада, и тутъ-то именно, въ глубокой неприкосновенности, высятся на двухъ холмахъ старинныя церкви посада, возлѣ моста черезъ Суму. Тутъ же взгромоздилось въ стѣнахъ своихъ, имѣющихъ еще бойницы, подворье Соловецкаго монастыря. Здѣсь же, въ центрѣ посада, старое кладбище, не обнесенное заборомъ. Все это, вмѣстѣ взятое,—церкви, мостъ, холмы, кладбище, подворье, оживленная толпа женщинъ въ пестрѣйшихъ нарядахъ, быстрая рѣка съ амбарчиками на сваяхъ,—составляетъ картину изъ ряда вонъ выходящую.

Въ XV-мъ вѣкѣ Сумскій посадъ принадлежалъ Маѳѣ Посадницѣ и былъ дарованъ ею Соловецкому монастырю. Въ XVI вѣкѣ тутъ былъ поставленъ острогъ, основанія котораго намѣчены и по сегодня: стѣна его имѣла около версты длины, 3 сажени вышины и 6 башенъ. Въ началѣ XIX вѣка, въ хорошіе годы торговаго мо-

реплаванія, Сумскій посадъ имѣлъ до 148 судовъ, изъ нихъ 80 мореходныхъ; черезъ Сумы шло снабженіе кипѣвшаго тогда работою Архангельска, такъ какъ всѣ нужные матеріалы шли тогда гужомъ съ оло-нецкихъ заводовъ и изъ Петербурга.

Въ Сумахъ 280 дворовъ; болѣе половины жителей—старовѣры.

Къ сѣверу отъ Сумскаго посада и какъ разъ противъ Соловецкихъ острововъ находится городъ Кемь. Городъ расположенъ по обоимъ берегамъ рѣки Кеми и на образуемомъ ея устьями островкѣ Лепостровѣ, въ котловинѣ, окруженной покрытыми мхомъ и лѣсомъ горами. Море между Соловками и Кемью никогда не спокойно, вѣчно терзается приливами и отливами, чрезвычайно разнящимися своею вышиною въ той или другой губѣ его; можно наблюдать простымъ глазомъ борьбу приливовъ съ отливами, называемую „сулоемъ“. Для съѣзда съ парохода на кемскій берегъ необходимо воспользоваться приливомъ, при чемъ нѣсколько верстъ можно сдѣлать на паровомъ катерѣ, а дальше, ближе къ городу, въ порогахъ рѣки Кеми приходится ѣхать на мѣстныхъ лодченкахъ.

По мѣрѣ приближенія къ Кеми прежде всего обозначается на берегу сосновая роща, съ часовнею Ильи Пророка, отстоящею въ трехъ верстахъ отъ Кеми; роща эта—

любимое мѣсто прогулокъ кемлянокъ. Почти одновременно съ нею показывается и сама Кемь, съ ея двумя соборами, старымъ и новымъ, еще не оконченнымъ. По мѣрѣ приближенія катера все яснѣе и яснѣе поднимаются изъ воды мелкія строенія, выростаетъ какъ будто и берегъ, замкнутый вдали по кругу довольно высокими холмами. Оставивъ влѣво полуразрушенную батарею, построенную противъ англичанъ въ 1855 году, катеръ входитъ въ довольно широкій бассейнъ, образуемый рѣкою Кемью. Отсюда до берега кажется близко, рукой подать, а между тѣмъ тутъ то и предстоитъ самое трудное: по близости клокочетъ вѣчно ревущій порогъ. Между островкомъ съ часовенькою и городомъ рѣка Кемь перекидываетъ свои крупныя сердитыя волны черезъ крутой и высокій гребень скалъ и направляетъ ихъ дугою, образуя сильную круговую стремнину. Тутъ пересаживаются на легкія и быстрыя лодочки, доски которыхъ связаны сосновыми корнями или тростникомъ. Гребцы на лодочкахъ женскаго пола. Съ лентами на лбу, въ золототканыхъ повойникахъ, съ цвѣтными платками на шеѣ и на груди, быстро и ловко принимаются кемлянки за работу, и утлыя лодочки, подчиняясь могучимъ ударамъ веселъ нашихъ плечистыхъ сѣверянокъ, быстро скользятъ по безумно

прыгающимъ бѣлымъ волнамъ порога и минутъ черезъ пять достигаютъ берега.

Въ Кеми все мужское населеніе города, способное работать, съ марта по сентябрь или октябрь живетъ на Мурманскихъ промыслахъ, а всѣ женщины остаются дома, что не мѣшаетъ имъ пускаться въ открытое море, когда угодно и на чемъ угодно; здѣсь дитя еще въ люлькѣ готовится быть морякомъ, такъ какъ матери берутъ съ собою дѣтей въ лодки и укладываютъ ихъ спать на носу или въ кормѣ. Смѣлы кемлянки до безумія, и нерѣдко тонутъ даже въ городскомъ порогѣ.

Кемь раздѣляется рѣкою на двѣ части, соединенныя между собою мостомъ. На правомъ берегу рѣки возвышается старый деревянный соборъ, построенный въ 1714 году. Соборъ замѣчателенъ по своей архитектурѣ и въ своемъ иконостасѣ хранитъ иконы, несомнѣнно болѣе древнія, чѣмъ онъ самъ. На лѣвомъ берегу рѣки строющійся каменный соборъ, а за нимъ рядъ большихъ и красивыхъ домовъ поморовъ. Живутъ поморы обыкновенно въ нижнемъ этажѣ, по праздникамъ переходятъ въ верхній и тутъ принимаютъ гостей. Дома убраны чисто, красиво, и могутъ похвастать обстановкою: занавѣси, зеркала и мягкая мебель не рѣдкость у хозяевъ промысловъ. Наряжаться любятъ жены и до-

чери не только хозяевъ, но и простыхъ работниковъ — „покручниковъ“. Наряды отличаются яркостью; мѣстный жемчугъ, вылавливаемый въ рѣкѣ Понькѣ, въ 50 верстахъ отсюда, составляетъ одно изъ любимыхъ украшеній. Здѣсь, какъ и вездѣ, любятъ „пѣсни играть“, и во всякое время на берегу, подъ рокотанье порога, слышатся пѣсни.

Жителей въ Кеми 2.172. Какъ и значительная часть побережья Бѣлаго моря, Кемь была вотчиною Марѳы Борецкой, которая въ 1450 году отдала ее Соловецкому монастырю. Въ концѣ XVI вѣка Кемь подвергалась нападеніямъ шведовъ. Въ XVII вѣкѣ Соловецкій монастырь поставилъ въ Кеми острогъ и снабдилъ его пушками, пищалями и припасами. Съ 1785 г. Кемь— уѣздный городъ, и открывалъ его бывшій въ то время олонецкимъ губернаторомъ, поэтъ Державинъ, едва не утонувшій при поѣздкѣ моремъ въ Кемь.

Хотя Кемь и считается однимъ изъ лучшихъ городовъ въ Архангельской губерніи, но лѣтомъ здѣсь не увидишь ни одной телѣги, ни одной лошади. Отъ Кеми до Онеги и по всему Кандалакскому заливу на протяженіи 500 верстъ вовсе нѣтъ сухопутныхъ дорогъ и все сообщеніе происходитъ на карбасахъ; гребутъ опять-таки только женщины, которыя могутъ въ сутки сдѣлать

120 верстъ, работая въ двѣ смѣны. Проѣзжая черезъ Кемь зимою, путникъ превращается изъ „сѣдока“ въ „лежака“. Широкая дорога за Кемью превращается въ узкій, идущій между сугробами снѣга жолобъ, по которому можно ѣхать лишь въ одиночку въ узкихъ и длинныхъ саняхъ съ парусиннымъ верхомъ; путешественника укладываютъ на оленью шкуру и везутъ, перекладывая на станціяхъ, 300 верстъ до Кандалакши, откуда начинается уже путь на оленяхъ въ Колу.

Кемью кончается богатое поморье и расколъ; дальше къ сѣверу начинаются корелы.

IV.

Уѣздный городъ Кола (78°52′ с. ш.; жит. 760) стоитъ при сліяніи рѣкъ Колы и Туломы. Кольская губа, куда впадаютъ соединившіяся рѣки, сама похожа на извивающуюся рѣку, почему нѣкоторые называютъ всю губу рѣкою Колою. „Кольская губа—что московская тюрьма“,—говорятъ поморы изображая этимъ довольно неудачно ту особенность ея, что она, не замерзая всю зиму, иногда съ начала почти до конца марта бываетъ покрыта льдомъ, мѣшая промышленникамъ, собравшимся въ Колу, выйти въ океанъ.

По мѣрѣ приближенія къ городу, губа

становится все уже, все болѣе похожей на рѣку. Городокъ Кола ютится на песчаномъ, обросшемъ сочною травою мысѣ, образуемомъ сліяніемъ Туломы и Колы. Долины этихъ рѣчекъ, уходящія вглубь, дѣлятъ—такъ кажется—Кольскую губу на-двое; особенно широка обставленная горами долина рѣки Туломы. За городомъ поднимается между двумя долинами гора Соловарака (солнечная скала) въ 250 футовъ вышины. Гора эта, едва поросшая кустарникомъ, крайне простого, утомительнаго очертанія; вслѣдствіе землетрясенія, приключившагося въ февралѣ мѣсяцѣ 1872 г. и продолжавшагося около 5 минутъ, Соловарака дала большой оползень къ рѣкѣ Колѣ и обнажена однимъ бокомъ и до сихъ поръ.

Въ ясный лѣтній день Кола и ея окрестности производятъ хорошее впечатлѣніе на путешественника. Приведемъ подлинныя слова К. К. Случевскаго, посѣтившаго этотъ городъ: „Солнце блистало во всю и небо было глубоко лазурно; сине-зеленая бухта, такая же рѣка, кружная панорама горъ, уходившихъ въ даль долиною Туломы, были въ полномъ смыслѣ слова роскошны. Толпа женщинъ въ праздничныхъ нарядахъ, состоявшихъ изъ пестрѣйшихъ одѣяній и златотканныхъ сарафановъ, кокошниковъ и кацавеекъ, называемыхъ здѣсь „коротенька“, также отвалила вслѣдъ за прибывшими. Нѣ-

которые изъ головныхъ, ярко блиставшихъ золотомъ на солнцѣ кокошниковъ, достигали одного фута и болѣе вышины; самостоятельный предметъ украшенія составляютъ здѣсь цѣпи на шеяхъ женщинъ, начиная отъ тонкихъ до массивныхъ серебряныхъ, золоченыхъ, перевитыхъ жемчугами. Такъ и вспоминались женщины богатаго древняго Новгорода, временъ Марфы Борецкой, прямыми потомками которыхъ являются колянки. Существуетъ поговорка: „Кола — бабья воля“, что, по объясненію Подвысоцкаго въ его замѣчательномъ „Словарѣ архангельскаго областного нарѣчія“, значитъ, что колянки при крѣпкомъ, крупномъ тѣлосложеніи отличаются энергіею и самостоятельностію не только въ хозяйствѣ, но и въ морскихъ промыслахъ управляя нерѣдко судами, идущими въ Норвегію“.

Нѣсколько чистенькихъ обшитыхъ тесомъ и окрашенныхъ двухэтажныхъ частныхъ домовъ, красивыя зданія больницы и полицейскаго управленія придаютъ городу довольно пріятный видъ, а обиліе въ окрестностяхъ дичи и рыбы и здоровый воздухъ дѣлаютъ лѣтомъ пребываніе въ Колѣ вполнѣ сноснымъ для путешественника. Лѣтомъ въ Колѣ солнце не закатывается съ 20-го мая по 10-е іюля. Посреди города на зеленомъ лугу возвышается каменная городская церковь съ луковицеобразнымъ куполомъ и шатровою

колокольнею; церковь небольшая въ два свѣта съ бѣлымъ деревяннымъ иконостасомъ. Есть въ городѣ и другая церковь, кладбищенская, деревянная; она расположена противъ городской церкви на островкѣ, образуемомъ порогами рѣки Колы.

Тяжелое впечатлѣніе производитъ Кола въ зимнее время. Съ 13-го ноября по 9-е января солнце на горизонтѣ здѣсь даже и не показывается и въ пасмурные дни свѣта не бываетъ совсѣмъ, а только сумерки; морозы бываютъ въ 35° и болѣе. Нужно родиться и вырости здѣсь, чтокы свыкнуться съ двухмѣсячной зимней тьмою, съ морозами и вьюгами завывающими по цѣлымъ недѣлямъ и заносящими дома такъ, что ихъ приходится откапывать изъ-подъ снѣга. Недаромъ про Колу существуетъ поговорка: „въ Колѣ съ одной стороны море, съ другой—горы, съ третьей мохъ, а съ четвертой—охъ“.

Но живутъ люди и здѣсь и живутъ уже давно Кола основана новгородцами около семисотъ лѣтъ тому назадъ. Въ договорѣ великаго князя Ярослава Ярославича съ новгородцами въ 1264 г. значится, что въ Колѣ управляли мужи новгородскіе. Изъ бояръ новгородскихъ видными вотчинниками здѣсь были Строгановы. Въ 1500 г. существовалъ здѣсь крѣпкій острогъ, отразившій нападеніе шведовъ; онъ служилъ мѣстомъ ссылки. Въ XVII вѣкѣ царь Алексѣй Ми-

хайловичъ опредѣлилъ въ Колу стрѣльцовъ и воеводу.

При Петрѣ Великомъ Кольская крѣпостца была перестроена, вооружена 53 пушками и снабжена гарнизономъ. Впослѣдствіи крѣпость пришла въ разрушеніе, но остатки ея видны кое-гдѣ и до сихъ поръ.

Въ 1809 г. Кола испытала нападеніе англичанъ, которые выслали со своего флота двѣ вооруженныя шлюпки съ 35 матросами. Горожане, не имѣвшіе ни одной пушки, однако ополчили противъ врага 300 человѣкъ и передали начальство надъ ними купеческому сыну Герасимову, но мѣстный исправникъ предпочелъ малодушно сдаться англичанамъ. Часъ спустя по выходѣ на берегъ англичане были мертвецки пьяны и съ трудомъ убрались къ своимъ кораблямъ, такъ какъ удалившіеся горожане стали возвращаться. Въ 1854 г. англичане снова бомбардировали Колу и сожгли здѣсь 64 дома; слѣды разрушеній видны и до сихъ поръ. Хотя все вооруженіе Колы состояло изъ двухъ старыхъ пушекъ, но коляне и на этотъ разъ рѣшили защищаться, подъ начальствомъ Бруннера.

До 1858 года Кола была городомъ заштатнымъ, потомъ уѣзднымъ, потомъ опять заштатнымъ, но съ 1882 г. снова возведена въ званіе уѣзднаго города. Сравнительно недавно въ Колѣ устроена больница, заве-

дены врачи, а съ 1895 г. городъ былъ соединенъ телеграфомъ съ внутренними городами.

Съ начала весны до глубокой осени все мужское населеніе Колы находится на промыслахъ или въ плаваніи. Осенью въ Кольской губѣ ловится сельдь и акулы. Кольская губа и теперь славится обиліемъ сельдей, а прежде, по разсказамъ, сельдей было такъ много, что жители черпали ихъ ведрами. Акулъ здѣсь множество; ловятъ ихъ ради ихъ печени, изъ которой выдѣлывается ворвань. Заходятъ въ Кольскую бухту и киты, и уже при Петрѣ Великомъ было намѣчено сдѣлать Колу средоточіемъ нашего китобойнаго промысла *).

Кольскимъ заливомъ Мурманскій берегъ дѣлится на двѣ части: западную, или собственно Мурманскій берегъ, и восточную или Русскій берегъ. Въ губахъ, бухтахъ и заливахъ Мурмана ютятся поселенія постоянныхъ жителей его, колонистовъ, и временныя жилища приходящихъ сюда рыбопромышленниковъ — становища, отъ которыхъ и самыя бухты называются становищами. Мурманъ издавна привлекалъ къ себѣ на лѣто промышленниковъ, но заселеніе этого берега постоянными жителями началось только со второй половины XIX-го столѣтія. Селились

*) „Путеводитель по сѣверу Россіи“ Д. Н. Островскаго. СПБ. 1888 г.

здѣсь финны, норвежцы и русскіе. Въ настоящее время постоянныхъ жителей въ восточной части Мурма́на насчитывается болѣе 150 человѣкъ, тогда какъ въ западной части ихъ уже болѣе тысячи. Замѣчательно, что норвежцы старались селиться какъ можно ближе къ морю, тогда какъ русскіе и финны предпочитали мѣста въ глубинѣ заливовъ, гдѣ можно было заниматься морскими промыслами и въ то же время обработывать землю. Изъ колоній въ восточной части Мурмана наиболѣе замѣчательны Гаврилово и Териберка, которыя являются въ то же время и факторіями, т. е. мѣстами торговли солью, рыбнымъ жиромъ и рыболовными принадлежностями, и становищами, т. е. мѣстами причаловъ и лѣтнихъ поселеній промышленниковъ. И Гаврилово и Териберка неизмѣнно сохраняютъ значеніе главныхъ становищъ и по справедливости считаются главными средоточіями всѣхъ мурманскихъ промысловъ. Въ Гавриловѣ есть церковь, часовня, домъ священника, больница и почтово-телеграфная контора. Териберка мало уступаетъ въ промысловомъ отношеніи Гаврилову, но превосходитъ его красотою своей мѣстности и удобствомъ своей гавани. Лѣтомъ здѣсь множество промысловыхъ судовъ и лодокъ грузится рыбою для С.-Петербурга. Число постоянныхъ жителей въ Терибер-

кѣ невелико (25 челов.), но лѣтомъ здѣсь скопляется до 800 человѣкъ пришлыхъ промышленниковъ. Териберка производитъ впечатлѣніе маленькаго приморскаго городка: здѣсь есть двѣ церкви, больница, почтово-телеграфная контора и метеорологическая станція.

Изъ колоній, лежащихъ на западъ отъ Кольскаго залива, блестящая будущность предстоитъ Екатерининской гавани, гдѣ теперь уже возводятся сооруженія съ цѣлью создать здѣсь административное средоточіе Мурмана и удобный торговый портъ. Кола не можетъ быть такимъ средоточіемъ вслѣдствіе своей удаленности отъ океана и естественныхъ неудобствъ. Екатерининская же гавань считается лучшею на всемъ Мурманѣ. Она находится почти посединѣ между восточными и западными промысловыми становищами Мурмана и всего въ 15 верстахъ отъ океана. Она такъ глубока, что самыя большія суда въ ней могутъ стоять чуть не вплотную у берега, почти никогда не замерзаетъ и защищена отвѣсными скалами почти отъ всѣхъ вѣтровъ. Съ устройствомъ Екатерининской гавани Россія прорубитъ себѣ, по словамъ А. П. Энгельгарта, широкое окно не только въ Европу, но и на весь міръ, особенно когда сюда будетъ проложенъ рельсовый путь.

Наиболѣе благоустроенной изъ западныхъ

колоній на Мурманѣ является Ура, населенная исключительно финнами (200 чел. пост. населенія). Колонія поражаетъ своимъ порядкомъ и опрятностью, съ которой содержится не только дома, но и хлѣвы; въ каждомъ домѣ можно найти не только шкапъ съ книгами, но даже газеты. Жители занимаются морскими промыслами, судостроеніемъ и содержатъ значительное количество рогатаго скота.

На рыбачьемъ полуостровѣ, отличающемся отъ остального Мурмана своею ровною поверхностью, покрытой тундрами, кустарникомъ и лугами, при Вайдагубѣ находится колонія и становище, привлекающее во всей западной части Мурмана наибольшее число промышленниковъ. У основанія этого полуострова открывается входъ въ губу Печенгу. Здѣсь кончается Мурманъ и начинается южный берегъ Варангерскаго залива, изрѣзанный далеко вдающимися въ материкъ фіардами. Мѣстность эта отличается дикой красотой и полна живыхъ преданій о подвижнической жизни св. Трифона, просвѣщавшаго въ XVI в. лопарей свѣтомъ Христова ученія. Здѣсь, при устьѣ рѣки Печенги, въ 1890 г. открытъ монастырь на мѣстѣ старинной обители, разрушенной шведами 300 лѣтъ тому назадъ.

V.

Вологда, одинъ изъ древнѣйшихъ русскихъ городовъ, лежитъ на совершенно ровной, отчасти болотистой мѣстности, на берегахъ рѣки Вологды, вѣроятно давшей свое имя городу.

По преданію, Вологда возникла въ одно время съ Москвой. Вологда много потерпѣла отъ новгородцевъ за то, что, словно предвидя будущее, постоянно тянула къ Москвѣ, подъ властью которой окончательно закрѣпилась при Василіи Темномъ. Ослѣпленный Шемякою Василій жилъ здѣсь и съ помощью вологжанъ возвратилъ себѣ московскій престолъ. При Іоаннѣ III Вологда служила для многихъ мѣстомъ заточенія.

Особенно нравилась Вологда Іоанну Грозному. Онъ былъ здѣсь три раза и прожилъ въ послѣднее посѣщеніе очень долгое время. Онъ построилъ здѣсь Софійскій соборъ, недалеко отъ него заложилъ огромное подземное зданіе для казнохранилища, слѣдовъ котораго искали, но не нашли; онъ же прокопалъ канавки для осушенія города, началъ обносить его стѣною и хотѣлъ даже сдѣлать Вологду своею столицей. Построенный Грознымъ Софійскій соборъ существуетъ и теперь и выдѣляется изъ числа 42 церквей города, являясь его луч-

шимъ украшеніемъ. Соборъ о пяти куполахъ; иконостасъ пятиярусный; фрески на стѣнахъ—конца XVII вѣка, но онѣ сильно подновлены лѣтъ 30 тому назадъ и кажутся свѣтловатыми, блѣдными. Постройка собора велась подъ личнымъ наблюденіемъ царя. Однажды, осматривая, работы, царь получилъ ударъ въ голову отъ упавшаго изъ свода камня. Царь такъ разгнѣвался, что велѣлъ было сломать всю постройку, но смягчился просьбамъ посадскихъ людей и дозволилъ достроить соборъ. Но освященъ былъ храмъ только во время правленія царевны Софіи.

Въ царствованіе Грознаго завязались торговыя сношенія съ англичанами черезъ Бѣлое море, и Вологда сдѣлалась очень важнымъ складочнымъ мѣстомъ. Въ междуцарствіе Вологда пострадала отъ польскихъ шаекъ, царю Михаилу Ѳеодоровичу пришлось обнести городъ деревянною стѣною. Въ 1655 г. почти половина жителей Вологды погибла отъ моровой язвы. Дальнѣйшая исторія города связана съ именемъ Петра Великаго. Петръ I былъ въ Вологдѣ пять разъ и основаніемъ Петербурга убилъ торговое значеніе города. Память объ Іоаннѣ Грозномъ и Петрѣ Великомъ какъ-то сочеталась и живетъ въ городѣ. Близъ церкви Ѳеодора Стратилата, выстроенной Грознымъ при полученіи извѣстія о рожденіи сына Ѳеодора, находится домъ, гдѣ два дня

прожилъ Петръ I. Этотъ небольшой домикъ, въ которомъ всего двѣ комнаты, стоитъ на берегу рѣки Вологды. Въ немъ помѣщается небольшой историческій музей, гдѣ хранятся нѣкоторыя мѣстныя древности; передъ домомъ стоитъ петровская пушка и виситъ старинное церковное било.

Губернскимъ городомъ Вологда сдѣлалась въ 1796 году. Въ Вологдѣ черезъ рѣку два моста; судостроеніе по рѣкѣ Вологдѣ очень развито, и спускается здѣсь на воду ежедневно около 300 судовъ. Въ послѣднее время городъ Вологда соединенъ рельсовымъ путемъ съ Архангельскомъ.

Въ пяти верстахъ отъ Вологды находится Прилуцкій монастырь, основанный въ XIV вѣкѣ св. Димитріемъ Прилуцкимъ, современникомъ Димитрія Донскаго. Въ ризницѣ монастыря хранятся: риза, пожертвованная Димитріемъ Донскимъ, посохъ святителя и надгробныя пелены, пожертвованныя Строгановыми: Въ 1812 г. въ этомъ монастырѣ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ лежали привезенные изъ Москвы сокровища патріаршей ризницы кремлевскихъ соборовъ, Сергіевской лавры и монастырей.

Пароходы, идущіе отъ Вологды до Архангельска, грузятся обыкновенно въ 4 верстахъ отъ города. Отъ города Вологды по рѣкѣ Вологдѣ до впаденія ея въ Сухону 34 версты. На 267-ой верстѣ теченія поро-

жистой, красивой и обрамленной лѣсами Сухоны, стоитъ уѣздный городокъ Тотьма. Онъ красиво вырисовывается на высокомъ лѣвомъ берегу Сухоны; на правомъ берегу стоитъ одиноко кладбищенская церковь, бывшій женскій монастырь, гдѣ до постриженія въ Суздальскомъ монастырѣ жила первая супруга Петра I, Евдокія Ѳеодоровна.

Тотьма выстроена при впаденіи въ Сухону рѣчки Песья Деньга. Городъ находится въ 15 верстахъ отъ того мѣста, гдѣ находилась древняя Тотьма, разрушенная въ 1539 г. казанскими татарами, страшно неистовавшими здѣсь въ теченіе двухъ лѣтъ. Когда опасность миновала, жители стали выходить изъ лѣсовъ и селиться въ двухъ верстахъ отъ нынѣшней Тотьмы, близъ соляныхъ варницъ, а затѣмъ стали передвигаться все ближе къ Сухонѣ, и такимъ образомъ выросла нынѣшняя Тотьма.

Тотьма сильно пострадала въ смутное время. Вмѣстѣ съ Вологдой она отдалась самозванцу, но потомъ одумалась, отреклась отъ него и вмѣстѣ съ другими сѣверными городами послала своихъ людей стоять за правое дѣло. На земскомъ соборѣ, выбиравшемъ царя, были также и тотмичи. Въ XVI, и особенно въ концѣ XVII в., Тотьма вела крупную торговлю съ Сибирью. Это былъ золотой вѣкъ торговаго развитія

нашихъ сѣверныхъ городовъ, но они очень быстро обѣднѣли. Петръ Великій три раза былъ въ Тотьмѣ, по пути въ Архангельскъ, посѣтилъ соляную варницу и пустилъ бадью въ разсолъ, за что и потребовалъ платы.

Главная святыня Тотьмы—мощи преподобнаго Ѳеодосія въ Спасо-Сумариномъ Ѳеодосіевомъ монастырѣ, отстоящемъ отъ города версты на двѣ. Монастырь, всѣ зданія котораго вытянуты по лицевой сторонѣ, своими стѣнами, башнями и очень высокою колокольнею кажется очень большимъ и производитъ внушительное впечатлѣніе, хотя онъ невеликъ. Жители Вятской и отчасти Костромской считаютъ своею обязанностью побывать у преп. Ѳеодосія; 28 января ежегодно здѣсь собирается до 10000 человѣкъ богомольцевъ.

Немного дальше монастыря находятся соляныя варницы. Онѣ расположены въ холмистой мѣстности, на берегу рѣчки Ковды. Соль получается изъ трехъ колодцевъ, дающихъ вмѣстѣ до 200 т. пуд. соли ежегодно.

При сліяніи Сухоны съ Югомъ стоитъ городъ Великій Устюгъ, получившій свое имя отъ Устье-Юга. Въ XV вѣкѣ Устюгъ былъ однимъ изъ богатѣйшихъ русскихъ городовъ; почти всѣ коренные сибирскіе купцы по происхожденію устюжане; въ немъ и теперь совершаются нѣкоторые обороты бѣломорской торговли. Устюгъ занимаетъ

очень выгодное мѣсто, которое, несомнѣнно, послѣ проведенія Пермь - Котласской желѣзной дороги, оживится и оживитъ наше сѣверное поморье.

Видъ на Устюгъ Великій, съ широко раздавшеюся предъ нимъ рѣкою, съ его безъ малаго тремя десятками церквей, съ высокою набережною, обдѣланною поставленными торчкомъ бревнами,—очень красивъ. Рѣка Сухона во все время существованія Устюга то и дѣло подмывала и подмываетъ городъ; наводненій не перечесть; во время одного изъ нихъ, случившагося въ 1761 г., были снесены водой дома и размыты кладбища. Еще недавно принуждены были снести одну церковь, стоявшую крайнею на берегу, по направленію къ мѣсту сліянія Сухоны съ Югомъ. Нѣкоторую пользу приносятъ шесть небольшихъ поперечныхъ дамбъ, поставленныхъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ.

Устюгъ очень богатъ церквами (26); если смотрѣть отъ пристани, то онѣ виднѣются одна за другой, длиннымъ рядомъ. Это множество церквей, большею частію очень древнихъ, придаетъ Устюгу нѣкоторое сходство съ другимъ, такимъ же старинным городомъ, Ростовомъ Великимъ.

Изъ мѣстныхъ произведеній въ Устюгѣ, кромѣ полотенъ Грибановской мануфактуры, видное мѣсто занимаютъ шкатулки всѣхъ величинъ, съ такими хитростными замками,

что и владѣлецъ шкатулки легко можетъ забыть, какъ она открывается; шкатулокъ этихъ два вида: однѣ покрыты разноцвѣтною фольгою и вырѣзными узорами изъ бересты, другія полосками жести съ „морозомъ“, т. е. тѣми лучистыми оттѣнками жести, которыя такъ хорошо извѣстны по дорожнымъ ящикамъ и погребцамъ Апраксина двора въ Петербургѣ. Въ самомъ Устюгѣ есть заводъ, перерабатывающій на крупную сумму щетину, идущую сюда сырцомъ изъ Сибири; изъ отбросковъ, получаемыхъ при обработкѣ щетины, выдѣлываются коврики, башмаки и туфли.

Маленькій уѣздный городъ Сольвычегодскъ находится въ восемнадцати верстахъ отъ впаденія Вычегды въ С. Двину. Сольвычегодскъ виденъ издалека, верстъ за двѣнадцать; верхушки его церквей, по мѣрѣ приближенія парохода, тонутъ въ глубокой дали и, выглядывая изъ-за низкихъ острововъ, то пропадаютъ, то снова обозначаются. Яснѣе другихъ виднѣются бѣлый соборъ и темноватое очертаніе высокаго Введенскаго монастыря.

Давнымъ-давно, въ трехъ верстахъ выше нынѣшняго города, находилось селеніе Черниговъ, бойко торговавшее съ Сибирью въ то время, когда еще только зачиналось Московское царство. Такъ какъ Вычегда, подобно Сухонѣ въ Устюгѣ, безпрерывно

подмываетъ берега, то жители переселились со стараго мѣста къ соляным‍ъ варницамъ, и такимъ образомъ возникъ нынѣшній городъ, называемый народомъ просто „Солью“. Семья Строгановыхъ привела городъ къ богатству, заведя здѣсь въ началѣ XVI вѣка соляныя варницы. Съ переѣздомъ Строгановыхъ въ Москву городъ быстро захирѣлъ, варницы его покинуты, и только старинный соборъ напоминаетъ о былом‍ъ богатствѣ и радѣніи городу Строгановыхъ.

Сольвычегодскъ такъ малъ, что, можно сказать, виденъ весь насквозь. Это такое захолустье, гдѣ дичь продается не по родамъ ея, а просто по 1 р. 20 к. съ пуда „пера“. Тѣмъ величественнѣе въ этой глуши вырисовывается древній Благовѣщенскій соборъ, основанный въ 1560 году именитыми Строгановыми и богато одаренный ими. Внѣшность собора очень проста и ничего замѣчательнаго не представляетъ. Зато поразительна внутренность собора, имѣющая полное право быть поставленною, по художественности и археологическому интересу, рядомъ съ древностями Московскаго кремля, Кіево-Печерской лавры, Ярославля. И это находится въ глухомъ Сольвычегодскѣ и сдѣлано одною семьею вѣрныхъ сыновъ церкви и государевыхъ слугъ-Строгановыми. Немного храмовъ на Руси сохранилось въ такой неприкосновенности:

входя въ Благовѣщенскій соборъ, вы входите въ настоящій XVI-й вѣкъ. Стѣны собора покрыты древней, нетронутой рукой поправителя живописью, воспроизводящей ветхозавѣтную и новозавѣтную исторію, а на стѣнѣ, противолежащей алтарю, изображены адъ и рай. Передъ величественнымъ четырехъ-яруснымъ иконостасомъ висятъ массивныя бронзовыя позолоченныя паникадила, изъ которыхъ каждое—археологическая достопримѣчательность. Замѣчательно хороши и красивы Царскія Врата, удивительно согласующіяся съ общимъ стилемъ храма. Древнія, неподновленныя, большею частію одѣтыя цѣнными ризами иконы собора не только заполняютъ иконостасъ и алтарь, но обходятъ длинными поясами стѣны и колонны собора. Трудно перечислить всѣ старинныя рѣдкости и достопримѣчательности собора. Между прочимъ обращаютъ на себя вниманіе превосходные шитые образа съ изображеніемъ того, какъ Качаловъ зарѣзываетъ царевича Димитрія. Въ подвальномъ помѣщеніи собора хранятся остатки отъ возка и саней Строгановыхъ. Это помѣщеніе состоитъ изъ отдѣльныхъ, палатъ разной величины, совершенно темныхъ, соединенныхъ узкими проходами, и служившихъ, вѣроятно, и темницами и казнохранилищами.

Мужской Введенскій монастырь въ Соль-

вычегодскѣ, основанный въ 1568 году, внутри пустъ и бѣденъ, но зато наружность его обращаетъ на себя вниманіе. Это какъ бы огромная четырехугольная башня, увѣнчанная пятью куполами и оживленная множествомъ архитектурныхъ украшеній. Зданіе не выбѣлено, и прочная кирпичная кладка придаетъ ему тотъ пріятный цвѣтъ, который присущъ древности и котораго никакая краска не замѣнитъ. Къ сожалѣнію, это замѣчательное зданіе не ремонтируется и приходитъ уже въ разрушеніе.

---

33. Вологодско-Архангельская желѣзная дорога.

(А. Петровскій).

Вологда на желѣзнодорожномъ пути къ Архангельску представляетъ собою послѣдній населенный пунктъ съ признаками цивилизаціи. По мѣрѣ дальнѣйшаго движенія къ сѣверу все рѣже приходится видѣть и жилища, и людей.

Перейдя желѣзнодорожный мостъ черезъ рѣку Вологду, поставленный на деревянныхъ устояхъ съ верхнимъ металлическимъ строеніемъ, поѣздъ почти по прямой линіи направляется отъ Вологды къ Архангельску.

При опредѣленіи направленія Архангельской желѣзной дороги принято было за

основаніе, что главное ея значеніе должно заключаться въ наиболѣе удобномъ соединеніи двухъ конечныхъ его пунктовъ — Архангельска и Вологды, какъ звеньевъ въ соединеніи центра Россіи—Москвы—съ далекими сѣверными окраинами. Въ виду этого и избрано кратчайшее разстояніе почти совпадающее съ меридіаномъ, лишь съ самыми незначительными искривленіями.

Намѣченная по такому направленію линія, проходитъ въ огромной ея части по мѣстностямъ совсѣмъ ненаселеннымъ. Изысканія приходилось вести по глухому сплошному лѣсу, пробивая просѣку по компасу, по мѣстамъ переходя глубокія, разстилающіяся на много верстъ, трясины. Пришлось вступить въ тѣ области, гдѣ никогда не была нога человѣка, въ необозримыя пространства вѣковыхъ лѣсовъ, которымъ, казалось, не было конца. При работахъ необходимы были строгія распоряженія, чтобы рабочіе не могли отбиться отъ партіи, ибо всякій отбившійся рисковалъ заблудиться въ однообразной и дикой лѣсной глуши.

Не малыя затрудненія при изысканіяхъ и при послѣдовавшей затѣмъ постройкѣ линіи представляли постоянно встрѣчавшіяся по пути болота. Наибольшее изъ нихъ—Мошинское болото—начинается на 337 верстѣ отъ Вологды и тянется вдоль линіи на протяженіи 23 верстъ.

Въ строительномъ отношеніи подобныя болота представляли большія трудности и не мало задерживали успѣшность постройки, такъ какъ насыпи возводимыя на болотахъ хотя и насыпались по настилу, но все же проваливались по нѣскольку разъ. Подходящаго грунта для засыпки вблизи не было, а имѣвшаяся на мѣстѣ иловая глина расползалась во всѣ стороны, доставка же надлежащаго балласта сдѣлалась возможною только послѣ соединенія болотъ рельсовымъ путемъ съ песчаными мѣстами.

Одно изъ главныхъ затрудненій, наконецъ, представляла весьма слабая населенность мѣстности дороги, особенно въ сѣверной ея части. Собственно населенною можно считать только мѣстность отъ Вологды до рѣки Сухоны, т. е. на тридцативерстномъ протяженіи, гдѣ вдоль полотна тянутся воздѣланные поля и заливныя луга. За Сухоною линія вступаетъ въ лѣсную мѣстность, пересѣкаемую болотами; поселенія попадаются здѣсь черезъ 30—35 верстъ и представляютъ группы изъ 5—7 деревень составляющихъ волость. Въ предѣлахъ Олонецкой губерніи населеніе еще болѣе рѣдѣетъ, линія вступаетъ сперва въ Мошинскія болота, а затѣмъ идутъ безпрерывные крупные лѣса, безо всякаго поселенія, переходящіе въ Архангельскую губернію. Населенныя мѣста находятся здѣсь лишь по боль-

шому почтовому Петербурго-Архангельскому тракту, пересѣкаемому желѣзною дорогой на 405 верстѣ отъ Вологды. Въ общемъ здѣсь на 230 верстахъ линія встрѣчаетъ лишь одну деревушку въ 15 дворовъ и нѣсколько самоѣдскихъ юртъ.

При вступленіи въ Архангельскую губернію линія прорѣзаетъ чудесный строевой лѣсъ, состоящій изъ гигантскихъ сосенъ, елей и литсвенницъ; лѣсъ оживляется рѣчками совершенно горнаго характера, съ чистою какъ кристаллъ водою и быстрымъ теченіемъ по камнямъ и порогамъ. Такая мѣстность тянется верстъ на 40—50, а затѣмъ линія спускается въ низины и послѣднія 150 верстъ къ Архангельску идетъ почти сплошь болотами или тундрами, поросшими бѣлымъ мхомъ и мелкимъ соснякомъ вышиною въ 2-3 аршина и толщиною въ 2-3 вершка; между этими карликами встрѣчаются такіе, которымъ по слоямъ насчитываютъ до 300 лѣтъ. Въ тундрѣ, кромѣ мха, нѣтъ другаго подножнаго корма, и это также составляло особое затрудненіе при изысканіяхъ: приходилось весь провіантъ нести на себѣ, такъ какъ перевозка его на лошадяхъ, не говоря уже о трудности и даже невозможности для лошади пробраться болотами, вызывала еще необходимость везти фуражъ и для лошадей; а тамошняя низкорослая лошадь едва въ состояніи про-

везти на болѣе или менѣе значительное пространство кормъ для себя самой.

Вдоль строящейся линіи была проложена временная дорога, колесная—на 350 слишкомъ верстъ, и для верховой ѣзды на 500 верстъ. Она устраивалась частію на сваяхъ, по сплошнымъ непроходимымъ болотамъ, частію настиломъ и, наконецъ, простою расчисткой лѣсовъ. Большія земляныя работы въ нѣкоторыхъ мѣстахъ линіи, требовавшія подвоза грунта издалека, сильно затруднялись безлюдіемъ мѣстности и необходимостію привлекать рабочихъ непривычныхъ къ суровой сѣверной природѣ. Ручной способъ перевозки грунта въ тачкахъ—способъ медленный и дорогой—былъ вскорѣ замѣненъ подвозкою земли цѣлыми поѣздами Дековилевскихъ вагонетокъ съ тягою посредствомъ особыхъ маленькихъ паровозовъ по временно и быстро пролагавшемуся особому рельсовому пути. Устройство рабочихъ помѣщеній, бараковъ, столовыхъ, кухонь, складовъ провіанта, матеріаловъ и инструментовъ, а также организація врачебно-санитарной части—требовали особыхъ заботъ и стараній въ виду суровыхъ климатическихъ условій и отсутствія населенныхъ мѣстъ по линіи.

Даже когда проѣзжаешь теперь уже по готовой желѣзной дорогѣ въ Архангельскъ, ясно сознаешь размѣры затраченныхъ на

ея устройство трудовъ и энергіи человѣка. Слѣды ихъ сказываются во всей окружающей мѣстности, начиная почти отъ Вологды до самыхъ береговъ Сѣверной Двины.

По мѣрѣ движенія поѣзда отъ Вологды на сѣверъ окрестные пейзажи уже вскорѣ начинаютъ замѣтно измѣняться. Села встрѣчаются все рѣже; издали они представляются тѣсными кучами темносѣрыхъ высокихъ избъ, безо всякой зелени между ними и потому имѣютъ видъ довольно мрачный. Засѣянныя поля и зеленые луга мало-по-малу исчезаютъ и смѣняются невысокимъ сосновымъ лѣсомъ.

Поѣздъ здѣсь идетъ уже тише; рельсы тянутся большею частію по низенькой песчаной насыпи по прямому направленію, по временамъ только смѣняющемуся небольшими изгибами. Скоро поѣздъ вступаетъ въ широкую лѣсную просѣку, въ рѣдкихъ прогалинахъ, которой можно еще замѣтить признаки человѣческаго жилья. Но лѣсъ становится все глуше, земля—все сырѣе, и вы уже не только видите, но и чувствуете, что вступили въ область лѣсной пустыни.

Этотъ лѣсъ, который безконечно тянется по обѣимъ сторонамъ пути, совсѣмъ лишенъ яркихъ красокъ; это поразительное безлюдіе, къ которому долго не привыкаешь, какъ-то гармонируетъ съ необъятною лѣсною глушью и сливается съ нимъ въ уны-

лую, но тѣмъ не менѣе величественную картину. Кажется страннымъ, что здѣсь, въ этой поразительной глуши бѣжитъ поѣздъ желѣзной дороги и свистки локомотива теряются въ далекой лѣсной чащѣ, не тревожа слуха человѣка.

Желѣзнодорожныя сторожки и станціи рѣдки на всемъ этомъ пути. За то онѣ отличаются особыми, свойствами, привлекающими невольное вниманіе проѣзжающаго здѣсь въ первый разъ путешественника. Всѣ постройки на линіи деревянныя, но онѣ обширны, прочны и красивы. Каждая сторожка представляетъ собою просторный домъ съ довольно большимъ дворомъ, окруженнымъ хозяйственными постройками—погребами, кладовыми, помѣщеніями для скота. Видъ ихъ очень привлекателенъ—гораздо лучше многихъ подмосковныхъ дачъ. При первомъ взглядѣ думаешь, что жить въ нихъ пріятно и удобно; но когда вспомнишь, что за ними разстилается на десятки, а иногда и на сотни верстъ одинъ только лѣсъ, что ближайшее жилье можно встрѣтить лишь на линіи желѣзной дороги,—становится немного жутко при мысли о такой жизни. Человѣкъ, вполнѣ разочарованный въ людяхъ и стремящійся уйти отъ жизни среди людей,—могъ бы найти надежный и вполнѣ подходящій для него пріютъ въ такой сторожкѣ на линіи Архангельской желѣзной дороги.

Желѣзнодорожныя станціи — высокіе двухъ-этажные деревянные дома красивой архитектуры сѣвернаго (норвежскаго) характера. Пассажирскіе залы въ нихъ просторны, высоки, свѣтлы и вмѣстѣ съ тѣмъ уютны, съ большими и хорошо устроенными печами которыя должны давать много тепла во время долгой и суровой зимы здѣшнихъ мѣстъ. Станціонные пункты представляютъ обыкновенно цѣлый рядъ построекъ: дома рабочихъ и служащихъ, амбары и склады, лавки желѣзнодорожнаго общества потребителей и т. п. На всемъ пространствѣ отъ Вологды до Архангельска на 5—6 станціяхъ есть буфеты: въ двухъ изъ нихъ можно получить горячія кушанія, въ остальныхъ—чай и холодныя закуски. Одну изъ особенностей дороги составляютъ относительно большія пространства между станціями: они доходятъ до 43 верстъ. Такъ какъ скорость хода поѣзда вообще значительно меньше обычной скорости широколейныхъ дорогъ, то такіе переѣзды кажутся иногда безконечно длинными, особенно потому, что по сторонамъ дороги почти неизмѣнно тянется все тотъ же безконечный лѣсъ.

Чрезвычайное однообразіе дороги и необыкновенно длинный день, почти безо всякаго вечерняго сумрака переходящій въ слѣдующій день, производятъ совершенно

особое, странное впечатлѣніе. Когда ѣдешь—кажется, что время идетъ очень долго, но когда часы показываютъ наступленіе ночи—удивляешься тому, что день пролетѣлъ какъ-то незамѣтно. Это происходитъ именно вслѣдствіе однообразія обстановки. Когда о прошедшемъ днѣ остается мало воспоминаній, всегда кажется, что время прошло слишкомъ быстро. Здѣсь же, на Архангельской дорогѣ, путешественнику изъ прошедшаго дня вспоминаются только лѣсъ, безлюдіе, рѣдкія и похожія одна на другую станціи—и ничего болѣе.

Нельзя сказать, однако, чтобъ это однообразіе тянущагося по обѣимъ сторонамъ дороги лѣса было вполнѣ непрерывнымъ. Иногда встрѣчаются лѣсныя озера и рѣчки; черезъ 400 съ небольшимъ верстъ отъ Вологды, недалеко отъ станціи Плессецкой, желѣзная дорога пересѣкаетъ большой Петербурго-Архангельскій трактъ на мгновеніе оживляющій дико пустынный пейзажъ; далѣе поѣздъ проходитъ по мосту черезъ рѣку Емцу—притокъ Сѣверной Двины—быстро несущую свои темныя воды среди замѣчательно красивыхъ лѣсныхъ береговъ. Но все это—только маленькіе оазисы среди громадной лѣсной чащи. И днемъ, а въ особенности съ наступленіемъ свѣтлаго, прохладнаго вечера поражаетъ здѣсь необычайная чистота воздуха. Въ немъ разлита

душистая влажность хвойнаго лѣса; почти полное отсутствіе селеній придаетъ ему ту дѣвственную чистоту, которая свойственна необитаемымъ лѣснымъ пространствамъ. Прозрачное вечернее небо, съ котораго во всю свѣтлую, ясную ночь не сходитъ золотисто-розовая заря, дышетъ свѣжею и вмѣстѣ меланхолическою красотой. Сонъ бѣжитъ отъ глазъ; не хочется уйти отъ открытаго окна вагона, несмотря на все однообразіе пробѣгающихъ картинъ; не хочется оторваться отъ созерцанія чудной сѣверной ночи и перестать вдыхать струящійся на-встрѣчу ея живительный воздухъ. Страннымъ кажется спать при полномъ отсутствіи ночного мрака. И только неизбѣжная усталость заставляетъ наконецъ лечь на диванъ вагона и заснуть подъ мѣрное колебаніе поѣзда.

Утромъ на третій день по выѣздѣ изъ Москвы мы приближались уже къ Архангельску. Верстъ за сорокъ съ небольшимъ отъ города сплошной лѣсъ рѣдѣетъ и уступаетъ мѣсто настоящей тундрѣ. Далеко-далеко по обѣ стороны пути разстилается ровный коверъ сѣроватаго мха, по которому рѣдко разбросаны старыя карлицы, сосны и березки; несмотря на ихъ преклонный возрастъ онѣ удивляютъ своею малою величиной; онѣ не растутъ, а чахнутъ на необозримомъ пространствѣ мха и торфа, пропитаннаго водой.

Но вотъ, что-то заблестѣло вдали: это одинъ изъ рукавовъ Сѣверной Двины. Вдали забѣлѣли церкви, а вокругъ нихъ просторно раскинулись села съ большими и высокими домами. Постройки еще лучше, чѣмъ подъ Вологдой. Глядя на нихъ думаешь, что даже въ долгую сѣверную зиму здѣсь живется недурно.

Наконецъ послѣ долгаго пути мы подъѣхали къ послѣдней предъ Архангельскомъ станціи — Исакогоркѣ, расположенной въ десяти вёрстахъ отъ города. Здѣсь довольно большой вокзалъ съ буфетомъ и цѣлый поселокъ различныхъ желѣзнодорожныхъ зданій. Исакогорка представляетъ собою, собственно, основную конечную станцію желѣзной дороги. Устроить ее ближе къ Архангельску не оказалось возможнымъ вслѣдствіе весеннихъ разливовъ Сѣверной Двины, которые доходятъ иногда, до самой Исакогорки. Дальнѣйшій рельсовый путь отсюда до лѣваго берега Сѣверной Двины кончается противъ Архангельска, расположеннаго на правомъ берегу, небольшою, разбирающеюся на время половодья, станціей Архангельскъ—пристань, откуда пассажиры переплавляются (безплатно) на пароходѣ въ городъ.

Отъ Исакогорки полотно дороги вскорѣ пересѣкаетъ рукавъ Сѣверной Двины (по имени его названа и сама станція) по вы-

сокой насыпи, которою этотъ рукавъ, почти не имѣющій теченія, раздѣленъ на двѣ половины. Съ насыпи открывается привольный видъ на широкую равнину съ бѣлѣющимися кой-гдѣ церквами селъ и очертаніями городскихъ зданій нагоризонтѣ. Послѣ безконечнаго лѣсного ландшафта, проносившагося предъ глазами въ теченіе почти двухъ сутокъ, эта новая картина чаруетъ взоръ, и отъ нея вѣетъ жизнію, просторомъ и свѣтомъ.

Несмотря на медленный ходъ поѣзда, оставшіяся до Архангельска десять верстъ пробѣгаютъ незамѣтно. Нашъ путь по желѣзной дорогѣ оконченъ; мы спѣшимъ выйти изъ вагона и вступаемъ въ небольшое деревянное зданіе станціи Архангельскъ—пристань, лежащей на лѣвомъ берегу рѣки, на Глуховскомъ островѣ. Остается пройти уже весьма незначительное пространство по деревяннымъ мосткамъ до ожидающаго у желѣзнодорожной пристани парохода.

Я, однако, воспользовался представившеюся мнѣ возможностію переѣхать Двину не на пороходѣ, а на небольшомъ паровомъ катерѣ. Сѣверная Двина хотя и не очень широка въ этомъ мѣстѣ, но имѣетъ видъ мощной рѣки. Она волновалась, и нашъ катеръ скользилъ съ волны на волну, по временамъ сильно покачиваясь. По срединѣ рѣки на насъ налетѣлъ довольно высокій валъ и обдалъ насъ брызгами и пѣной.

Архангельскъ съ рѣки имѣетъ красивый видъ. Узкою полосой тянется онъ по правому берегу Двины. Древній Михаило-Архангельскій монастырь, церковь Благовѣщенія и, наконецъ, Троицкій соборъ живописно высятся надъ безконечною лентой городскихъ зданій, уходящею вдаль. Рядъ пристаней и цѣлый лѣсъ мачтъ разсѣянныхъ у берега рѣки парусныхъ судовъ придаютъ городу тотъ особенный характеръ, которымъ отличаются только приморскіе города. Однако здѣсь нѣтъ того оживленія, той кипучей дѣятельности, которую можно наблюдать въ портовыхъ городахъ ведущихъ особенно бойкую торговлю. Это зависитъ отъ многихъ причинъ: здѣсь пристани раскинуты, на очень большомъ пространствѣ, но торговля находится въ нѣкоторомъ упадкѣ. Центръ заграничной торговли, впрочемъ, довольно далеко отъ желѣзнодорожной пристани—совсѣмъ на другомъ концѣ города, въ такъ—называемой Соломбалѣ.

Кабинет Севера
Обл Библиотеки
им. А. Н. Добролюбова

СЛОВОТОЛКОВАТЕЛЬ.

1. **Аварія**—несчастный случай съ кораблемъ.
Администрація—управленіе.
Акробатъ—канатный плясунъ.
Аметистъ—драгоцѣнный, блестящій, прозрачный камень фіолетоваго цвѣта.
Амфитеатръ—овальное или круглое безъ крыши зданіе для театральныхъ представленій.
Археологія—наука, изслѣдующая и объясняющая памятники древности.
Архитектура—зодчество. Строительное искусство.
Асфальтъ—минеральная или горная смола чернобураго, блестящаго цвѣта.
Атмосфера—воздухъ, окружающій землю.
2. **Багажъ**—вещи путешественника.
Балластъ—грузъ, помѣщаемый въ трюмѣ судовъ для устойчивости.
Барометръ—приборъ для опредѣленія давленія воздуха.
Барьеръ—загородка, препятствіе.
Батарея—насыпь для постановки пушекъ; извѣстное число пушекъ.
Бинокль—двойная зрительная трубка.
Биржа—зданіе, гдѣ собираются купцы для торговыхъ сдѣлокъ.
Буксировать—вести судно посредствомъ другого судна.
3. **Вертикальный**—имѣющій направленіе отвѣса.
Верфь—мѣсто постройки и починки судовъ.
Вуаль—прозрачное покрывало для лица.
4. **Газъ** — воздухообразное вещество.
Гармонія—согласіе, созвучіе.
Гарнизонъ—войско, защищающее крѣпость.
Гигантскій—громадный.
Гимнъ—торжественная, хвалебная пѣснь.
Гирлянда—лента изъ цвѣтовъ.
Гнейсъ—горная порода (состоитъ изъ кварца, солода, полевого шпата).
Горизонтъ—кругозоръ.
Горизонтальный — имѣющій направленіе спокойной поверхности воды.
Граціозно—привлекательно.
5. **Дамба**—земляная насыпь для предохраненія отъ разлива воды.

Дельта—развѣтвленіе рѣки при устьѣ.
Докъ—бассейнъ для починки и осмотра судовъ.
6. **Задрапировать** — расположить занавѣску красивыми складами.
Заштатный—упраздненный.
Зенитъ—точка въ небѣ надъ головой наблюдателя.
Зигзагъ—ломаная линія.
7. **Инстинктъ**— безотчетное побужденіе.
8. **Катеръ**—1) одномачтовое парусное судно 2) судно съ мачтами, которыя можно снимать.
Колеръ—цвѣтъ.
Колонія—поселеніе.
Колонизація—заселеніе,
Колоссальный—огромный.
Коммерція-совѣтникъ—почетное званіе, жалуемое купцамъ 1-ой гильдіи.
Комикъ—сочиняющій комедіи, актеръ играющій комедіи; перен. человѣкъ, вызывающій смѣхъ.
Компасъ—приборъ для опредѣленія странъ свѣта.
Конвульсія—судорога.
Конкуренція—соперничество.
Консулъ—представитель чужого государства въ какомъ-нибудь городѣ.
Концертъ—исполненіе ряда музыкальныхъ пьесъ.
Крейсеръ—военное судно для охраны береговъ и наблюденія за непріятелемъ.
Кристаллическій—самогорный.
Кулисы—изображеніе какого-нибудь вида или предмета на театральной сценѣ.
9. **Лавировать**—плыть то въ одну то въ другую сторону.
Ландшафтъ—красивое сельское мѣстоположеніе.
Лейтенантъ—чинъ, соотвѣтствующій капитану арміи.
Литографія—печатаніе съ камня.
Локомотивъ—паровозъ.
10. **Маневръ**—способъ дѣйствія, искусное движеніе.
Медикаментъ—лѣкарство.
Меланхолическій—задумчивый.
Меридіанъ—полуденная линія.
Метеорологія—наука о воздушныхъ явленіяхъ.
Метръ=1 аршину $2^1/_2$ вершкамъ
Молъ—насыпь для защиты отъ волнъ при входѣ въ гавань.
Монументъ—памятникъ.
11. **Навигація**—мореплаваніе.
Натуральный—природный, естественный.
Ненормальный—неправильный.
12. **Оазисъ**—мѣсто въ пустынѣ, гдѣ есть вода и растительность.

Ораторствовать—говорить рѣчь, разглагольствовать.
Организмъ—цѣлое, состоящее изъ неразрывно связанныхъ частей.
Ореолъ—сіяніе, высшая степень славы.
13. **Панорама**—видъ, представляемый природою.
Парафинъ—бѣлое жирное вещество, добываемое изъ торфа и смолистаго сланца.
Пейзажъ—красиво сельское мѣстоположеніе.
Пекъ—сортъ смолы.
Періодъ—промежутокъ времени.
Пломба—свинцовая печать.
Полюсъ—конецъ земной оси.
Полярный—находящійся на полюсѣ или внутри полярнаго круга.
Полукочевникъ—полукочевникъ.
Практическій—дѣловой.
Порфира—царская мантія.
Поэтъ—человѣкъ, одаренный художественнымъ словеснымъ даромъ, стихотворецъ.
Призматическіе цвѣта—красный, оранжевый, желтый, зеленый, голубой, синій и фіолетовый.
14. **Ревизія**—народная перепись, пересмотръ, повѣрка.
Ревматизмъ—ломота въ тѣлѣ вслѣдствіе простуды.
Резервуаръ—вмѣстилище.
Результатъ—слѣдствіе.
Ремонтировать—поправлять.
Рейдъ—часть моря съ углубленнымъ дномъ, гдѣ останавливаются корабли, защищенная отъ вѣтра.
Рейсъ—одинъ переѣздъ на кораблѣ.
15. **Санитарный**—касающійся здоровья.
Сгруппировать—собрать вмѣстѣ.
Сердоликъ—красный или дымчатый съ полосками камень.
Сигналъ—знакъ.
Силуетъ—рисунокъ по тѣни, легкое очертаніе.
Система—цѣлое, состоящее изъ частей въ извѣстномъ порядкѣ, способъ.
Скорбутъ—цынга, заразительная и очень мучительная болѣзнь.
Спираль—витая линія.
Стихія—основное начало.
Сцена—дѣйствіе, мѣсто дѣйствія.
Сюрпризъ—неожиданность, нежданный подарокъ.
16. **Таможня**—мѣсто, гдѣ осматриваютъ иноземные товары и берутъ съ нихъ пошлину.
Температура—степень тепла или холода.
Термометръ—градусникъ, приборъ для показанія температуры.

Типъ—образецъ.
Торфъ—горючее вещество, образующееся изъ сгнившей болотной растительности.
Трапъ—сходная лѣстница на судахъ.
Тропическій—находящійся между тропиками (тропики отстоятъ $23^1/_2°$ отъ экватора).
Туннель—подземный ходъ.
Туристъ(-ка)—путешественникъ-ца.
Тюль—прозрачная, рѣдкая ткань.

17. **Фантазія**—воображеніе.
Фарватеръ—мѣсто, гдѣ могутъ проходить суда.
Физическій—природный.
Филигранный—изъ серебряной канители съ узорчатыми украшеніями.
Фіордъ—длинный узкій, съ высокими берегами морской заливъ.
Флегматикъ—человѣкъ вялый и хладнокровный.
Флеръ—прозрачная тонкая ткань.
Фонтанъ—водометъ.
Фонъ—общій цвѣтъ, на которомъ сдѣланъ рисунокъ.
Фрегатъ—трехмачтовое военное судно.
Фрески—картины, и изображенія писанныя по сырой штукатуркѣ.
Фуражъ—кормъ, продовольствіе для людей и скота.

18. **Хаотическій**—находящійся въ крайнемъ безпорядкѣ.
Химія—наука о составѣ и соединеніи тѣлъ природы.

19. **Центральный**—средній.
Церемонія—обрядъ, соблюденіе вѣжливости.
Цилиндръ—геометрическое тѣло, ограниченное 2 кругами и кривой плоскостью, ихъ огибающей.

20. **Широта географическая** — разстояніе отъ экватора.
Шлюзъ—ворота въ плотинѣ для удержанія и пропуска воды.
Шлюпка—маленькая гребная лодка.
Штабель—сложенные въ порядкѣ бревна, доски.
Шхуна—морское судно.

21. **Экипажъ** (корабля) — матросы и всѣ находящіеся на кораблѣ.
Экономическій— хозяйственный, имѣющій отношеніе къ хозяйству.
Экзекуція—исполненіе приговора, тѣлесное наказаніе.
Экскурсія—поѣздка, прогулка.
Экспедиція—путешествіе съ научной цѣлью.
Энергія—настойчивость, высшее напряженіе силъ.
Эөирный—воздушный.

22. **Яхта**—небольшое судно.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

		стр.
1.	Сѣверный Ледовитый океанъ. Географ. очеркъ. **Я. Р.**	5
2	Бѣдствія четырехъ русскихъ китолововъ. **А. Зубковскаго**	21
3.	Два года на льдинѣ. Разсказъ. **М. Охочинскаго.**	35
4.	Первое путешествіе Пахтусова на Новую землю. **М. Лялиной**	49
5.	Поѣздка на новую землю. **Ѳ. Шошина**	58
6.	Островъ Колгуевъ. **П. Охочинскаго.**	69
7.	Сѣверное сіяніе. **П. Охочинскаго**	71
8.	Полярная гроза. **К. Носилова**	75
9.	Область крайняго сѣвера. Геогр. очеркъ. **Я. Руднева**	81
10.	Путь изъ Кандалакши въ Колу. Геогр. очеркъ. **Д. Островскаго**	139
11.	Мурманскій берегъ. **В. Немировича-Данченки.**	146
12.	Птичій базаръ **А. Никольскаго**	150
13.	Животныя въ тундрѣ. **С. Максимова**	156
14.	Дремучіе лѣса. **С. Максимова**	167
15.	Въ лѣсахъ Архангельской губерніи. Разсказъ. **И. Воропая**	185
16.	Борьба русскаго человѣка съ лѣсомъ. **Н. Аксакова.**	196
17.	Кубенское озеро. **А. Круглова**	205
18.	Лѣсное царство.—Картины зырянской природы. **А. Круглова**	211
19.	Лопари. **К. Спасскаго**	222
20.	Самоѣды. **К. Барсова**	231
21.	Религіозныя воззрѣнія самоѣдовъ. **Р. Б-на.**	238
22.	Въ гостяхъ у самоѣдовъ. **К. Носилова.**	248
23.	Промыслы зырянъ. Изъ соч. **Ф. Арсеньева и А. Круглова**	354

24. Отправленіе поморовъ на промыслы. **П. Мамаева.** 266
25. Морскіе промыслы на Мурманѣ. **А. Энгельгардта.** 273
26. Ловля сельдей и семги на Бѣломъ морѣ. **Н. Трескина** 284
27. Ловля бѣлухъ. **К. Мережковскаго** 292
28. Ловля лысуновъ-тюленей на Бѣломъ морѣ. **Н. Трескина** 297
29. Не вернулся. Разсказъ. **Серафимовича** 306
30. Просвѣтители сѣвера. 316
31. Соловки. **В. Немировича-Данченко** 324
32. Замѣчательные города и мѣстности Сѣвернаго края. (По **К. К. Случевскому**) 339
33. Вологодско-Архангельская жел. дорога. **А. Петровскаго** 386

Кабинет Севера
Обл Библиотеки
им. А. Н. Добролюбова

38

Фон
"Р

		коп
12.	**Герои древней Греціи.** Томъ I. (Иліада). Сост. I. Сениговъ	30
13.	Тоже. Томъ II. (Одиссея). Сост. I. Сениговъ . . .	30
14.	**Н. В. Гоголь.** Его жизнь и литературная дѣятельность. Сост. П. В. Смирновскій. Томъ I	35
15.	Тоже. Томъ II.	40
16.	**Историческія стихотворенія.** Состав. А. Оксеновъ. Томъ I.	30
17.	Тоже. Томъ II.	40
18.	**Жизнь и приключенія Робинзона Крузо.** Соч. Де-Фо. Полный переводъ съ англійскаго М. Съ рисунками въ текстѣ. Томъ I.	30
19.	Тоже. Томъ II	20
20.	**Старецъ Евстаѳій или воспоминанія моего дѣтства.** Соч. Льва Мелясъ, въ 3 частяхъ. Перевод. съ ново-греческаго О. Л. Съ рисунками	40
21.	**Драматическія сочиненія Н. А. Полевого изъ русской исторіи**	30

V. Отдѣлъ сельско-хозяйственный.

1.	**Сельскій огородъ.** Плодовый и ягодный садъ. Съ рисунками. Сост. В. Н. Маракуевъ	30
2.	**Сельско-хозяйственныя бесѣды.** Сост. Ѳ. Тарапынинъ. Томъ I. Полеводство.	30
3.	Тоже. Томъ II. Скотоводство. Съ рисунками . . .	30
4.	**Практическое пчеловодство.** Соч. Кована. Съ рисунками	30

VI. Отдѣлъ музыкально-пѣвческій.

1.	**Сельскіе хоры.** Сборникъ для школьнаго и народнаго пѣнія: I. Гимны. II. Духовные стихи. III. Пьесы разнаго содержанія. IV. Народныя пѣсни. V. Пѣсни и хоры западныхъ и южныхъ славянъ.—Со вступительной статьей объ организаціи школьныхъ и народныхъ хоровъ и съ русскимъ переводомъ славянскихъ пѣсенъ	75
2.	**Церковные хоры.** Сборникъ нотныхъ пѣснопѣній для школьнаго пѣнія. Часть I. Пѣснопѣнія всенощнаго бдѣнія Состав. А. Касторскій (печатается).	

При выпискѣ полнаго состава „Приходской Библіотеки“ дѣлается 20% уступки. На отдѣльныя книги уступка не допускается.

Съ требованіями обращатся: Въ С.-Петербургъ. Въ Издательскую Комиссію Училищнаго Совѣта при Святѣйшемъ Сунодѣ. Зданіе Святѣйшаго Сунода.